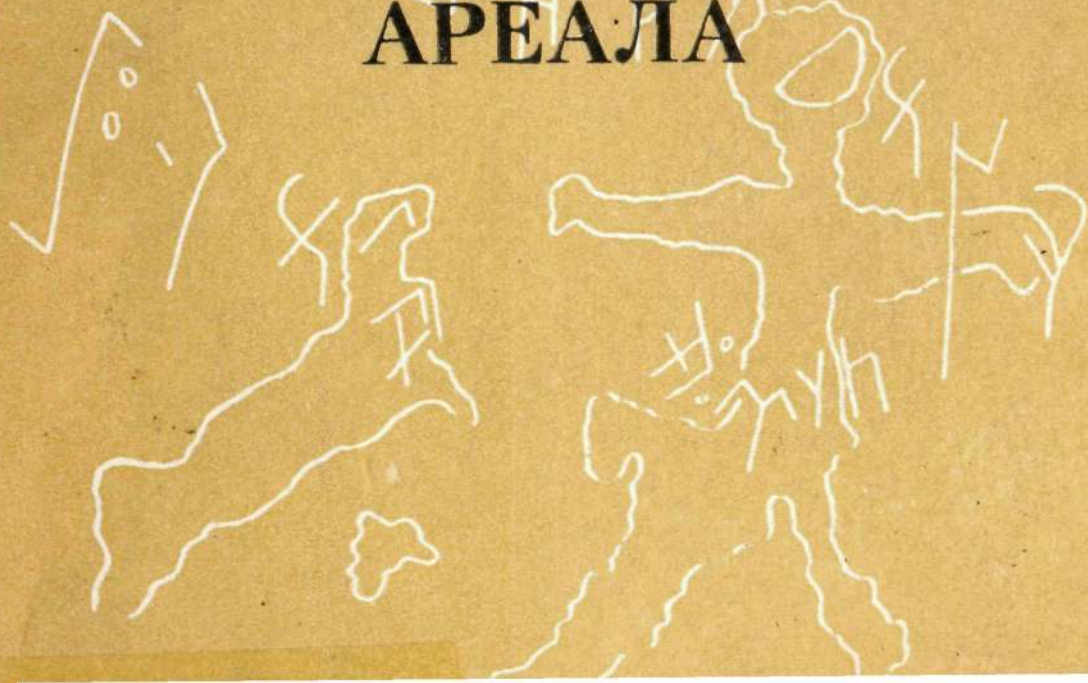

Д. Д. Васильев

ГРАФИЧЕСКИЙ
ФОНД
ПАМЯТНИКОВ
ТЮРКСКОЙ
РУНИЧЕСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ
АЗИАТСКОГО
АРЕАЛА

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Д.Д.ВАСИЛЬЕВ

ГРАФИЧЕСКИЙ
ФОНД
ПАМЯТНИКОВ
ТЮРКСКОЙ
РУНИЧЕСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ
АЗИАТСКОГО
АРЕАЛА

(ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

902.9
В 19

Ответственный редактор
Э.Р. ТЕНИШЕВ

Монография посвящена описанию, исследованию и систематизации многовариантной графики тюркских рунических памятников УШ-Х вв. как исторического источника. В книге рассматриваются также гипотезы о происхождении тюркской руники и история ее палеографического исследования.

0503000000-008
В _____ КБ-5-22-82
013(02)-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Около двухсот лет насчитывает отечественная история накопления знаний о памятниках древнетюркской письменности из Центральной Азии. В историко-культурном отношении наибольшую ценность представляют исследования, связанные с интерпретацией материала как источника для изучения тюркских языков и истории тюркоязычных и других народов средневекового Востока, их письменной культуры. Эта последняя тема является наименее изученной в силу целого ряда причин. Исследования собственно тюркской рунической письменности начиная с середины прошлого века осуществлялись прежде всего в генетическом аспекте (было выдвинуто большое количество гипотез о происхождении алфавита, однако единой точки зрения по этому вопросу у специалистов до сих пор нет). В функционально-палеографическом аспекте тюркская руника еще не была объектом монографического исследования. Можно назвать лишь несколько статей, затрагивающих частные вопросы этой темы*.

В последнее время в советской и зарубежной тюркологии наблюдается определенное оживление интереса к графической системе тюркского алфавита. В частности, разрабатывается специальная терминология, учитывающая особенности графики, ведутся аналитические исследования графики и фонетики памятников и их связи. Появление такого рода работ связано со значительным накоплением

* Указатели и обзоры исследований, посвященных памятникам древнетюркской письменности, дают достаточно полное представление об их тематике и источниковедческой базе. См., например: А. Н. С а м о й л о в и ч. Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности. — ТТКО ИРГО. Т. 15, 1912, вып. 1, с. 55-80; А. М. Щ е р б а к. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — ТС-70, с. 111-134; Д. М. Н а с и л о в. Древнетюркская письменность в исследованиях последних лет. — СТ. 1976, № 1, с. 82-101; Э. Т р ы я р с к и й. Еще раз о методике издания рунических надписей. — *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. М., 1976, с. 325-333; Г. Айдаров. Библиографический указатель литературы по енисейско-орхонским и таласским памятникам древнетюркской письменности. А.-А., 1979.

ем в последние годы нового материала, создавшего базу для обобщений, невозможных еще несколько десятилетий назад. Широкий масштаб полевых поисков тюркологами новых памятников и большое количество новых находок довольно быстро меняют некоторые традиционные в тюркской рунологии точки зрения.

С расширением источниковедческой базы появились возможности для обзора и систематизации графического фонда памятников, что и было сделано в данной работе. Это позволило превратить его в полноценный источник, который дает также и материал для понимания этнолингвистической структуры азиатского ареала тюркского рунического письма.

Следует специально отметить, что написанию этой работы предшествовали многолетние полевые работы ее автора с памятниками тюркской рунической письменности, их непосредственное визуальное исследование и копирование, в результате чего был подготовлен "Корпус рунических памятников бассейна Енисея", находящийся в настоящее время в печати.

Таким образом, визуальное исследование большинства памятников и использование факсимильных публикаций создали возможности для выявления всего фонда графики памятников с различными модификациями графических единиц. Учет и систематизация фонда в графо-фонематических таблицах позволили произвести статистический анализ палеографической ситуации в регионах концентрации памятников. Статистические системы были в краткой форме решены математическим путем и представлены в виде региональных изограф. С использованием материалов статистических систем и региональных изограф были построены формализованные модели палеографической ситуации, устанавливающие связи, их объем и место каждого памятника в регионе. Модели позволили на основании палеографических корреляций всего фонда тюркской руники выделить памятники, отличающиеся наибольшей самобытностью графики и претендующие, таким образом, на принадлежность к устойчивым локальным культурно-письменным школам, возникшим в результате распространения и развития рунической письменности в тюркоязычной среде.

Вместе с тем условность регионального деления, наличие значительных "межрегиональных" связей, неясность датировки в отдельных случаях не могут обеспечить полного описания и анализа рунической графики на данном этапе исследования. В работе удается лишь выделить наиболее яркие образцы локальных письменных школ и частично установить их следы и влияние в графике других памятников. Поэтому данная работа должна рассматриваться прежде всего как опыт систематизации и описания графического фонда памятников тюркской рунической письменности, как определенный этап в исследовании такой неразработанной темы, как древнетюркская палеография.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАФИКИ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Первые известия о "неведомых" надписях на камнях в Сибири и Центральной Азии появились в конце ХУП – начале ХУШ в.¹ Сравнение этой письменности с готскими или скандинавскими рунами, издавна знакомыми Европе, первоначально принадлежало, по видимому, путешественнику–естествоиспытателю Д.Г.Мессершмидту, но закрепился термин "рунический" применительно к тюркским надписям после выхода в свет труда его спутника по экспедиции, пленного шведского офицера Ф.И.Табберта (Страленберга)². Сведения по истории последующих открытий новых памятников, их поисков, исследований, публикаций довольно часто приводились в тюркологической литературе. Но наиболее полными и точными историографическими справками по отдельным периодам тюркской рунологии следует считать соответствующие разделы работ А.Н.Бернштама, Н.А.Баскакова, С.Е.Малова, А.Н.Кононова, В.М.Насилова, А.М.Щербака, Л.Р.Кызласова, С.Г.Кляшторного³.

Менее освещенной, чем история открытий и изучения памятников, оказалась история палеографического исследования этой письменности. Чаще всего сообщались лишь сведения по истории генетических интерпретаций тюркской руники. Такие очерки имели место главным образом в работах, посвященных новым гипотезам о происхождении тюркской рунической письменности, и естественно, что в результате они страдали некоторой тенденциозностью. Поэтому нам показалось особенно важным сделать целенаправленным историографический очерк. Подчеркнем, что непосредственным материалом исследования является графика памятников, проблема же генезиса тюркских рун не стоит в прямой связи с целями работы.

Генетические интерпретации тюркской руники

Первые предположения о происхождении и этнической принадлежности надписей на каменных стелах и скалах высказываются начиная с ХУШ в., когда по инициативе Петра I были предприняты экспедиции в Сибирь (они продолжались еще некоторое время после его смерти) и были сделаны первые описания этих загадочных надписей.

В своих путевых дневниках, относящихся к 1722 г., Д.Г.Мессершмидт, автор первого научного исследования Сибири, высказывает мнение о родстве памятников письменности на камнях, уви-

денных им на Енисее (на территории современной Хакасской АО), с эпиграфикой северо-запада Европы и предполагает кельтско-готское происхождение этих письмен⁴. Его точка зрения вскоре получает поддержку со стороны Т.Байера, который также не усмотрел связи памятников с тюркскими языками⁵.

Руководитель комплексных исследований, энциклопедист по своим интересам П.С.Паллас, поселившись после завершения многолетних странствий по Сибири в Крыму, посвятил остаток своей жизни обработке собранных материалов и их изданию. Сообщая в 70-х годах ХУШ в. о надписях на каменных стелах, изваяниях и скалах Енисея, П.С.Паллас приписывал их готским племенам, кочевавшим, по его мнению, в глубокой древности в енисейских степях⁶.

После издания в 1818 г. Г.И.Спасским первого атласа памятников рунической письменности из Сибири (он опубликовал как материалы П.С.Палласа, так и свои зарисовки)⁷ надписями заинтересовались академики В. Гумбольдт и Ф.И.Круг. Последний по распоряжению государственного канцлера Н.П.Румянцева должен был сделать латинский перевод извлечений из атласа с таблицами надписей⁸. Издание перевода способствовало более широкому ознакомлению иностранных ориенталистов с памятниками. Опираясь на китайскую летописную хронику "Тан-шу", Ж.П.Абель-Ремюза в 1820 г. первым предположил, что письмена эти - тюркские и принадлежат, по-видимому, енисейским кыргызам. Изобретателями же этого алфавита, по мнению французского востоковеда, были усунь⁹. Однако, как ни странно, сам автор атласа Г.И.Спасский, комментируя работу Абель-Ремюза, категорически возразил ему. На страницах первого научно-популярного журнала по востоковедению, издававшегося Спасским, он заявил, что надписи скорее "монгольского или калмыцкого происхождения"¹⁰. Возникла довольно острая полемика. В связи с этим можно вспомнить также точку зрения проф. харьковского университета Роммеля (статья была переведена в "Сибирском вестнике" Г.И.Спасского Востоковым) о генетических связях сибирских письмен с греко-готскими алфавитами¹¹. В полемике принял участие и Ю.Клапрот, предложивший древнегреческий вариант генезиса алфавита¹², но допускаявший тюркоязычность памятников.

При всей своей неожиданности определенное распространение получила славянская теория происхождения сибирских рун. Г.И.Спасский, серьезно занявшийся исследованием сибирских древностей, публикует работу о сходстве памятников с древнерусскими резамми¹³. К близким выводам пришел и М.А.Кастрен, который считал руны забытой письменностью древних славян¹⁴.

Справедливая гипотеза Ж.П.Абель-Ремюза к середине XIX в. считалась опровергнутой, славянская теория новых сторонников себе не обрела, и, таким образом, господствующей оставалась точка зрения, согласно которой сибирские письмена сближались с руникой Европы¹⁵. Вместе с тем этот период характеризовался бо-

лее активными комплексными исследованиями Сибири, причем большое значение придавалось изучению древностей: накапливались археологические находки, публиковались краеведческие материалы. В тюркологической науке начали появляться имена представителей тюркоязычных народов России, которые проявляли интерес к культурному наследию своих предков. Все эти условия создали предпосылки для возникновения гипотез об автохтонном происхождении сибирских рун на основе древних местных традиций.

Визуальное изучение памятников вызвало, по-видимому, у Г.И.Спасского некоторые сомнения в правоте предложенной им гипотезы. Он начинает обращать внимание на сходство отдельных знаков сибирских письмен с родовыми знаками "сибирских татар". Это сходство привлекло также внимание А.Вамбери¹⁶. А.А.Шифнер, переведивший отчеты о путешествиях М.А.Кастрена, генезис знаков "частично-клинописного письма" возводил непосредственно к тамгам¹⁷.

Полное обоснование и развитие теория тамгового происхождения тюркской письменности получила в работах Н.Г.Маллицкого¹⁸ и Н.А.Аристов¹⁹, которые вышли почти одновременно. Гипотеза сразу же получила большую популярность и до настоящего времени не утратила своего научного значения.

Экспедиции второй половины XIX в. за древностями Монголии и находки крупнейших по объему текстов на каменных стелах заслонили на некоторое время енисейскую эпиграфику. Результаты поездок энтузиаста-краеведа И.В.Падерина и археолога Н.М.Ядринцева вновь оживили полемику.

Находки древних городов в центре Азии вызвали к жизни гипотезу о "северном пути" проникновения в Сибирь и Центральную Азию рун из Европы – при торговых контактах в сравнительно позднее время²⁰ и на рубеже новой эры – как прообраза угро-финской петроглифики²¹. Автор последней гипотезы И.Р.Аспелин осуществил формальное сравнение аналогов графического фонда сибирских рун с чудскими знаками и приписал их гуннам, одно из иноязычных названий которых – сюнну – соотнес с этнонимом финны. В течение четырех лет (1887–1890) финские научные экспедиции проводят поиски и копирование надписей в Южной Сибири и Монголии. Хотя гипотезы их и не подтвердились, научный вклад этих экспедиций неоценим.

Точка зрения финских ориенталистов на генезис сибирских рун не осталась без ответа. Экспедиции на р. Орхон Н.М.Ядринцева и В.В.Радлова и самостоятельные маршруты супругов Клеменц значительно дополнили фонд находок и позволили уточнить эстампажи текстов в финских изданиях. Кроме новых фрагментов рунического текста были доставлены также и фрагменты китайской части билингв, которые были переданы для расшифровки крупнейшему русскому синологу того времени акад. В.П.Васильеву. По китайской части текстов удалось установить, что речь в памятниках

идет о "народе ту-кюэ". Это стало завершением полемики о языке загадочных сибирских письмен.

Минул этап успешной расшифровки В.Томсеном и В.В.Радловым тюркской рунической письменности, но полемика о ее происхождении не прекращалась.

Находка А.Стейном в 1906 г. документов на неизвестном языке, который вскоре был определен как согдийский, позволила Р.Готью первому высказать предположение о том, что алфавит "старых согдийских писем" является ближайшим прототипом и моделью для тюркской руники²².

Автор дешифровки тюркских рун, датский лингвист В.Томсен после ряда своих работ, посвященных памятникам, высказывает мысль о том, что развитие шло от финикийского алфавита через одну из ветвей арамейского и что большая часть знаков может быть соотнесена с семито-пехлевиийскими буквами²³. Автор первого (после расшифровки) системного описания рунической письменности О.Доннер в качестве связующего звена между руникой тюрков и арамейскими алфавитами предложил знаки легенд на парфянских монетах²⁴.

Точка зрения, сформулированная В.В.Радловым, была несколько иной: он допускал генетическую связь с арамейскими прообразами, но в комбинации со скандинавскими элементами, привнесенными гуннами²⁵.

В 1929 г. появилась очень краткая статья Е.Д.Поливанова, которая содержала совершенно новую гипотезу о возможном происхождении нескольких знаков тюркской руники²⁶. Гипотеза его сводилась в основном к следующему: 1) алфавит был создан в тюркоязычной среде и поэтому учитывает грамматический строй тюркских языков и принципы сингармонизма; 2) алфавит был создан значительно ранее того времени, когда функционировал язык, зафиксированный в памятниках; доказательством этому являются орфографические перебои; 3) письмо создано при сильном влиянии западных алфавитов – арамейского, согдийского, пехлевиийского; 4) только в орхонских надписях Монголии можно проследить влияние китайской письменности²⁷. Кроме того, автор статьи предложил идеографическое решение для трех знаков алфавита, которые являлись местными пиктограммами, соответствовавшими в алфавите инициалу изображаемого предмета.

Эта последняя идея советского лингвиста оказалась весьма популярной. Оставляя без внимания главную часть его гипотезы и предостережения против идеографического истолкования остальных рун, турецкий ученый А.Дж.Эмре предложил идеографические решения для всех знаков тюркского рунического алфавита²⁸. Повторение некоторых положений теории Поливанова и Эмре имело место и в дальнейшем²⁹. Некоторые идеографические комментарии знаков были сделаны также А.Габэн. В целом же она высказала мнение о формировании рунического алфавита под влиянием письменности иранских культурных областей на юго-за-

паде, что доказывається через подобие большинства знаков аналогам в арамейском курсиве³⁰.

Современный период изучения графики памятников тюркской рунической письменности, начавшийся с фундаментальных обобщающих работ С.Е.Малова, связан с наибольшим распространением гипотезы о ее согдийском происхождении. Сама по себе гипотеза не нова, некоторые ее варианты имели место в работах Р.Готье, В.Томсена, В.В.Радлова, П.М.Мелиоранского, А.Габэн, С.Е.Малова. Наиболее важной ее частью является, по нашему мнению, соображение о том, что при создании рунического алфавита тюрками была использована та модификация, которая встречается в уже упоминавшихся "старых согдийских письмах".

Однако следует признать, что вопрос о происхождении тюркской руники до сих пор не решен окончательно. Так, в ряде работ А.С.Аманжолова последовательно подбираются материалы, которые позволили их автору в итоге сделать совершенно иное заключение. Он считает, что алфавит сложился не позже I тысячелетия до н.э., и обнаруживает близкую генетическую связь с ранними типами древнегреческого алфавита, с одной стороны, и с северносемитско-финикийским и южносемитскими алфавитами – с другой³¹. Древние средиземноморские системы письма коррелируются в генетическом плане с графикой тюркской руники и в работе турецкого лингвиста К.Миршана³².

В кратком сообщении С.Г.Кляшторного³³ высказывается предположение о приспособлении старого согдийского алфавита к тюркскому языку, но делается уточнение о том, что согдийский алфавит в процессе адаптации претерпел существенные изменения и был дополнен знаками идеографического и буквенного характера.

В 1970 г. была опубликована статья английского тюрколога Дж.Клосона, где автор предполагал иранские корни тюркского рунического алфавита. Для отражения на письме фонетических явлений, которые невозможно было обеспечить этими средствами, использовались добавочные буквы из греческого алфавита в одной из его форм – византийской или эфталитской³⁴.

В 1976 г. В.А.Лившиц сделал доклад, а в 1978 г. вышла его статья о происхождении тюркской руники. Автор сделал очень важное замечание о методологической невозможности генетической корреляции азиатских и восточноевропейских памятников рунического письма. Далее была выдвинута гипотеза о единовременной сознательной обработке согдийского алфавита с целью превращения его в лапидарное письмо для монументальных тюркоязычных надписей³⁵. Следует отметить наибольшую, по сравнению с другими современными авторами, широту и последовательность аргументации В.А.Лившицем генетической эволюции тюркских рун.

Вопрос о распространении письменной грамоты у древних тюрков

В источниках не сохранилось прямых указаний на популярность в тюркской языковой среде рунической грамоты, так же как и сведений о существовавшей системе обучения письму и о его применении помимо эпиграфических памятников.

В работах В.В.Бартольда, посвященных вопросам культурной истории тюркских народов, отмечен необычайно высокий для кочевой обстановки культурный уровень носителей языка памятников центральноазиатской рунической письменности. В частности, по поводу письменного древнетюркского языка В.В.Бартольд замечает следующее: "Здесь мы имеем сложное письмо, которое приспособлено к тюркскому языку гораздо лучше, чем все другие алфавиты. Число гласных букв незначительно, но согласные разделены на две категории, сообразно закону звуковой гармонии, и, таким образом, получается алфавит, вполне соответствующий тюркскому языку. Благодаря большому количеству знаков употребляется довольно сложная орфография. Наличие такого превосходного письма должно как будто указывать на то, что составители надписи писали много кроме нее. К сожалению, данных об этом не имеется... Предложение народу читать надписи любопытно и возбуждает представление о довольно большом распространении грамотности, чего, конечно, трудно ожидать в условиях кочевого быта; гораздо более вероятно, что это приглашение есть своего рода риторическая фигура и вряд ли могло иметь буквальное значение"³⁶.

Предположение В.В.Бартольда о широком распространении грамотности у орхоно-енисейских тюрков основывалось главным образом на крупнейших династийных памятниках и нескольких известных к тому времени енисейских эпитафиях. Последующие находки открыли не только новые районы с рунической эпиграфикой (Алтай, Семиречье, Средняя Азия, бассейн Лены, Поволжье, Северный Кавказ), но и новые предметы с надписями.

По мере публикации новых находок другие исследователи тюркской руники, не уделяя специального внимания вопросу о широте употребления тюрками рунического письма, отмечали, однако, что рунический алфавит не является привилегией лишь мемориальных текстов. С.Е.Малов писал, например, что язык енисейских надписей включает элементы живого разговорного языка, введенные в текст не без участия "бродячих грамотеев"³⁷.

По замечанию А.Н.Бернштама, в центре палеографических групп рунического письма наблюдается "не только палеографическое разнообразие, но и различное употребление этих надписей в быту, в повседневной практике. Это документы, эпитафии, шаманские тексты, надписи на вещах и т.д. Все это свидетельствует об относительной "грамотности" населения"³⁸.

'С.В.Киселев считал, что не только количество енисейских надгробных стел с надписями свидетельствует о широком знании

письма. "Рунические эпитафии Верхнего Енисея и Минусинской котловины явно рассчитаны на широкий круг читателей не только из представителей знати... Большинство из них находится на скалах, часто представляя как бы беглые, торопливо начерченные острием отметки. К сожалению, этот материал остается до сих пор не только не прочтенным, но в значительной массе своей и не собранным"³⁹.

Мнение о том, что надписи были рассчитаны на многочисленных читателей, высказано и Л.Н.Гумилевым, который замечает, что тексты обращены к широким слоям тюркского общества как "агитационный документ" – тенденциозное обращение, цель которого ничем не замаскирована: убедить, привлечь большее число сторонников. Таким образом, сила письменного слова считалась, видимо, у тюрков весьма эффективной⁴⁰.

В.М.Насилов и А.С.Аманжолов отмечали разработанность в памятниках стилистических методов, отражающих прямую речь и даже определенные ораторские приемы⁴¹, а это, по-видимому, может являться указанием на хроникальную запись событий одним из свидетелей-современников с целями одновременно информативными и мемориальными.

Интересным свидетельством высокого процента грамотности тюрков является известие китайских источников о том, что в 574 г., согласно пожеланию одного из каганов, император Северного Цзи приказал буддийскому монаху перевести на язык тюрков "Нирвана сутру" и распространить перевод среди них, дабы способствовать обращению тюрков в буддизм⁴². Сообщение о религиозной пропаганде среди кочевников не только миссионерским путем, но и письменным словом (что было предложено центральной властью – каганом-буддистом) может оказаться в соответствии со следующим мнением Дж.Клосона: "Йоллыг-тегин и прочие исполнители надписей, имеющих государственное значение, обучались читать и писать в правительственной школе, в которой к тому времени (УШ в. – Д.В.) усилия были направлены на выработку для царских надписей более красивого и удобного алфавита в отличие от алфавита для повседневного пользования"⁴³.

Продолжая эту мысль, интересно отметить, что более поздние рунические письменные религиозные тексты из Восточного Туркестана на бумаге были выполнены уже явно профессиональными писцами, которые демонстрируют в рукописях тростниковым пером и кисточкой каллиграфический навык. Маловероятно, что именно руническому письму могли обучать в манихейской религиозной школе, тем более что многие исследователи находят в рунической религиозной литературе отражение дошаманистических и шаманистических культов и устанавливают связь этих рукописных текстов с более ранними эпиграфическими⁴⁴.

К мнениям специалистов о распространенности рунической грамоты в тюркоязычной среде следует добавить и выводы специальной статьи Н.В.Пигулевской о том, что сиро-тюркский рукописный фрагмент из Хара-Хото свидетельствует о наличии книжных пись-

менных памятников у тюрков, воспринявших христианство от сирийцев⁴⁵.

Таким образом, в работах многих исследователей можно обнаружить отдельные наблюдения, подтверждающие мнение о широком распространении грамотности, по-видимому, на основе рунической графики, у древних тюрков.

Известный к настоящему времени текстовой и графический материал памятников позволяет сделать попытку обобщения и систематизации данных, которые могут рассматриваться как положительные аргументы в вопросе о широте и популярности в тюркской среде рунической грамоты.

Предлагаем рассмотреть следующие группы памятников.

1. Стелы и валуны с надписями

Сюда относятся прежде всего енисейские эпитафии и алтайские тексты. Сложность использования этих памятников для выяснения вопроса о том, насколько широко была распространена грамотность в тюркской среде, заключается, во-первых, в определенной общей форме эпитафий, различающихся чаще всего лишь биографическими подробностями, и, во-вторых, тем обстоятельством, что выполнение эпитафийной надписи являлось элементом погребальной обрядности. Надпись могла иметь сакральный смысл, дополнявший мемориальное значение сооружения. Кроме того, эти надписи, как эпитафии вообще, возможно, содержали многочисленные архаизмы. Недавно С.Е.Малов назвал их "кладбищенской поэзией".

Для рассматриваемого вопроса в этих памятниках ценны два обстоятельства, указывающие на возможность выполнения надписи не профессионалом-писцом, а лицом случайным. Это, во-первых, различие почерковых вариантов букв и аллограф на стелах приблизительно из одной местности и, во-вторых, многовариантные перебои в орфографии, порожденные иногда недостаточным знанием письменных норм правописания (т.е. здесь аргументом в пользу широкого знания письма тюрками являются многочисленные примеры "орфографической малограмотности"). Иначе говоря, широкая грамотность тюрков не отличалась глубиной, что приводило к отклонениям от письменной нормы (в отдельных случаях здесь возможно также и влияние локальной орфоэпии)⁴⁶.

О справедливости такого вывода свидетельствуют материалы типологических исследований, которые показывают, что в дофеодальный период развития народов литературные формы их языков складываются на основе наддиалектной устной речи. Применение этой теории к тюркским руническим памятникам позволило Э.Р.Тенишеву сделать заключение, что отражение в них некоторых диалектных признаков вполне возможно, однако только в том случае, если фиксирующие литературный язык памятники были составлены в такой социальной среде, где уровень грамотности не был очень

высок, или если этому способствовали форма документа и степень грамотности писца⁴⁷.

Среди наскальных надписей особое место занимает алтайская руника, которая содержит по большей части тексты не мемориального, а бытового и социального характера. Некоторые надписи адресованы определенным лицам, они имеют значение приказа, пожелания, фиксируют какой-либо факт⁴⁸. Недавно опубликованные надписи с горы Тепсей на Енисее также частично содержат пожелания, заклинательные формулы⁴⁹.

Характер содержания столь значительного числа памятников, — если учесть общее число находок, — показывает довольно широкую практику эмоциональной записи на каменной поверхности событий личного характера, афоризмов, социально-бытовых заметок,

II. Краткие надписи на малых предметах

О том, что тексты были рассчитаны на многочисленных читателей, можно заключить и по широкому распространению рунических надписей на различных бытовых предметах: это надписи на бронзовых зеркалах, монетах, пряслицах, золотых и серебряных сосудах, поясных бляшках, псалях и т.д. Обзор этих памятников позволяет сделать следующие замечания по рассматриваемому вопросу.

1) Из-за функциональных особенностей предмета и краткости надписей они не могут быть столь архаичными в лексическом и стилистическом отношении, как эпитафии. Такие надписи свидетельствуют о распространении в быту тюрков письма как средства передачи информации, связанной с определенным предметом или его назначением.

2) Метки-имена на различных предметах указывают на то, что чаще с помощью письма, а не тамги, например, как в некоторых памятниках, обозначалась для владельца или другого лица принадлежность вещи или автор изделия. Это, к примеру, надпись "çur" на бронзовой бляшке из Минусинского музея⁵⁰; сюда же следует отнести, вероятно, и бронзовый перстень из Ферганы с надписью "ïnanç", который мог, однако, играть и роль определенного должностного знака "лица, облеченного доверием"⁵¹.

3) Содержание надписей на сосудах, найденных на Алтае и Енисее, также предполагает многочисленных читателей. Это, например, надпись, гласящая, что сосуд получен в подарок за невесту⁵², и трапезные присловья, обычные на столовых приборах: "Вкушай, добрый герой Умсуг!"; "Испробуй свою долю, герой Амаш!"; "Пей (вкушай) свою золотую трапезу"; "Будь славен, Сепинлиг!"⁵³.

4) Уникальная надпись на массивной концевой бляхе поясного набора является фрагментом благопожелания, уместного на детали воинского снаряжения⁵⁴. Благопожелательные надписи на предметах, по представлениям древних тюрков, могли превращать их в амулеты. Это отмечено, например, для иностранных монет, которые в новой среде теряли свои функции и становились амулетами

их владельцев⁵⁵. Существование амулетов с письменным обращением к божеству⁵⁶ у тюрков демонстрирует одновременно их культурный уровень и многообразие форм применения рунической письменности.

5) Из четырех известных надписей на зеркалах достоверна лишь одна – на зеркале из Верхнего Прииртышья, представляющая собой этический постулат и содержащая буддийскую идею прижизненного воздаяния. Комментируя чтение надписи, С. Г. Кляшторный отмечает, что она не похожа на надписи на вещах, которым приписываются магические функции⁵⁷. Текст имеет назидательный характер, однако здесь это скорее не отвлеченная сентенция, а ориентированная надпись на подарке.

III. Надписи на керамике

Это наименьшая группа памятников. Для решения вопроса о широте применения в тюркской среде рунического алфавита они дают интереснейший материал. Содержание фрагментов текстов на обломках керамики, чаще всего хумов, имеет исключительно хозяйственную тематику: "... амбар для зерна...", "...его внутренность мукой...", "...двор, подать...".

Характеризуя надписи на обломках керамики, А. Н. Бернштам отметил, что "они обозначали не только стандарт и функцию сосудов, но отмечали и принадлежность их владельцу или имя мастера". Таким образом, руническое письмо выполняло различные функции, причем было рассчитано на тюркоязычное население или "население, знавшее тюркскую речь"⁵⁸.

1У. Наскальные посетительские надписи

Число этих надписей значительно, однако из-за своей краткости и сложности чтения они, за исключением, пожалуй, неоднократно и по-разному читавшихся текстов Хая-Ужу⁵⁹, не прочтены и в большинстве своем не опубликованы. Исследование находится пока на стадии поисков и фиксации текстов, но даже предварительные, чисто внешние наблюдения позволяют установить многообразие почерков этих наскальных граффити. Неглубокие знаки, процарапанные не специальными инструментами, а, вероятнее всего, ножом, оставляют впечатление, если можно так сказать, "заметок, сделанных мимоходом" (по выражению С. В. Киселева) разными лицами. Сложность расшифровки этих лаконичных замечаний-указаний на скалах объясняется скорее малой изученностью языка енисейской руники, а не ее "примитивизмом", как считал Л. Базэн⁶⁰, косвенным доказательством чего может служить то обстоятельство, что почти каждый первый вариант чтения текстов не остается без изменений, а иногда и существенных возражений со стороны других исследователей. Наскальные рунические надписи особенно интересны обилием почерков, отсутствием профессиональных навыков у авторов большого числа надписей, впечатлени-

ем торопливости, небрежности некоторых письменных заметок. Наконец сам "жанр граффити" (если допустимо ввести такой термин) подтверждает возможную популярность рунической грамоты.

Следует также отметить, что фонд наскальных надписей в последние годы пополняется в значительно большей степени, нежели надписи на специально сооруженных объектах. Особенно много находок наскальной руники сделано в Монголии и в бассейне Енисея.

Анализ различных видов надписей позволяет привести целый ряд аргументов в пользу мнения о весьма широком для кочевой культуры тюрков распространении грамотности. Большое число надписей эпитафийных, существенно различающихся индивидуальными графическими особенностями и перебоями в орфографии; использование письменности в целях буддийской религиозной пропаганды среди тюрков; утилитарное назначение ряда надписей и метки-имена, а не только тамги, на бытовых предметах; надписи на утвари и снаряжении с трапезными или воинскими благопожеланиями; многочисленные наскальные граффити Центральной Азии, Алтая и Казахстана — все это в настоящее время уже представляет собой достаточно обширный материал для систематизации и дифференцированного исследования палеографии рунического письма.

Палеографический аспект в исследованиях тюркской руники

Возникновению и генетическим связям тюркской рунической письменности посвящены специальные разделы работ и целые исследования. Но совсем скромно представлены палеографические штудии.

Исследований собственно графики памятников тюркской рунической письменности как функционирующей системы (вне анализа ее генетических связей) почти не предпринималось. Однако едва ли не каждый автор, публиковавший новые памятники, обращал внимание на графические особенности конкретной надписи.

Начало палеографического описания тюркской руники связано с именем В.В.Радлова, который в предисловии к "Атласу древностей Монголии" предложил первую систематизацию рунических графем⁶¹. В основе этой систематизации лежал чисто формальный критерий: письменность в это время еще не была дешифрована. Знаки делились на две группы. Одну составляли графемы, имевшие осевую линию в виде вертикальной прямой; другую составляли знаки с округлыми и ломаными элементами. В каждом ряду знаки располагались слева направо по степени усложнения деталями, — это особенно заметно в верхнем ряду.

Через два года в другой работе В.В.Радлов уточняет свои первые наблюдения. Он строит уже графо-фонетическую таблицу и сообщает о своих наблюдениях, связанных с закономерностями употребления того или иного знака писцом. Материал этот впослед-

вии никогда не использовался в соответствующих работах, а между тем, по нашему мнению, он представляет научный интерес как опыт первого осмысления закономерностей в употреблении тюркской рунической графики. Предлагаем краткие выдержки из работы в нашем переводе:

"Знак \downarrow для гласного в начале слов и между двумя согласными чаще всего пропущен. В конце слов он пишется почти всегда; пропуски же этого знака здесь всегда надо понимать как небрежность писца.

Знак \uparrow , соответствующий гласным, употребляется не только для "ы" и "и", но и для "ä", особенно в начале и первом слоге слова (как и в тюркских словах, записанных уйгурским или арабским шрифтами) ... Когда \uparrow (в качестве "и" или "ы") пропущен в первом слоге, это следует понимать как небрежность писца; в последующих слогах выпадение на письме знака \uparrow наблюдается чаще, особенно если он употреблен как связующий гласный в аффиксальном слоге.

Знаки \succ и \mathbb{N} , передающие на письме губные гласные, последовательно употребляются во всех слогах; выпадение этих знаков для гласных имеет место только перед и после консонантных соответствий $\downarrow / \succ /$ и $\mathbb{K} / \mathbb{N} /$, причем выпадение их перед последними знаками весьма редко.

Иногда констатируется выпадение \succ и \mathbb{N} в аффиксальных слогах⁶². Далее следуют примеры и таблица.

В третьей части этой работы В.В.Радлов делает первую попытку определенной палеографической корреляции различных памятников. Обратив внимание на палеографические особенности Онгинской надписи⁶³, В.В.Радлов проводит ее сравнение с памятниками Кошо-Цайдама⁶⁴. Выявив множество парных соответствий, он отмечает, что автор Онгинской надписи обладал нетвердым знанием орфографии и допустил много перебоев в употреблении знаков для фонем палатального и велярного рядов. На основании такой корреляции В.В.Радлов датирует Онгинскую надпись как более раннюю по сравнению с орхонскими.

Анализ графики памятников позволил В.В.Радлову сделать вывод о независимом параллельном развитии орхонского и енисейского алфавитов, во-первых, и о большей древности последнего, во-вторых⁶⁵. Колыбелью этих двух ветвей письменности он считал район р.Черный Иртыш (на восток - вплоть до русла р. Хемчик). Как известно, выводы эти не подтвердились, что, однако, не следует считать ошибкой В.В.Радлова: ведь ему не были известны памятники, найденные позже на территории между р. Ханьин и хребтом Танну-Ола и на северо-западе Монголии.

Почти одновременно с работой В.В.Радлова в Гельсингфорсе выходит обобщающая работа О.Доннера, где также дается графическая система тюркской руники, причем объем ее фонда значительно больше⁶⁶. О.Доннером были учтены все материалы финских экспедиций по Сибири, о которых шла речь в первом разделе главы.

Собственно палеографического исследования самих тюркских памятников в работе нет. О.Доннер предлагает фонетические соответствия, обобщает описательные материалы по руническому алфавиту, основное же внимание уделяет вопросу о его возникновении и эволюции, о чем также уже писалось выше. Таким образом, для развития тюркской палеографии работа ценна только тем, что в ней имеется более полный фонд графики за счет енисейского материала.

В специальном разделе работы В.Томсена "Орхонские надписи" графическая система памятников раскрывается более подробно⁶⁷. Каждый знак сопровождается комментариями, где имеются и заметки по палеографии, но основное внимание уделяется фонетическим значениям. В этой статье оказались учтенными также и наблюдения В.В.Радлова. Через несколько лет статья полностью переводится П.М.Мелиоранским на русский язык (с незначительными уточнениями) в его фундаментальном труде, посвященном памятнику в честь Кюль-тегина⁶⁸. В этом труде критически рассмотрены варианты переводов и выводы исследований памятников тюркской рунической письменности, полученные в XIX в.

В дальнейшем П.М.Мелиоранский продолжает исследования памятников, начатые В.В.Радловым, для которого к этому времени больший интерес представляют уйгурские материалы. П.М.Мелиоранский публикует небольшие тексты на серебряных сосудах из коллекции Румянцевского музея. Здесь ему приходится иметь дело с надписями, выполненными не профессиональными резчиками, а нацарапанными, вероятно ножом, на доньшках и ручке небольших сосудов. Характерно, что в этих его публикациях объяснение чтения надписей занимает меньше всего места, гораздо более обстоятельно он пишет о возможных формальных аналогах знакам и тамгообразным изображениям на сосудах. В этих сравнениях его привлекает сходство с тамгами тюркоязычных народов Волги и Сибири⁶⁹.

В первой трети нынешнего столетия пополняется фонд находок из Монголии. В публикации одного из крупных памятников уйгурского периода В.Л.Котвичем и А.Н.Самойловичем приводятся существенные замечания по сравнительной палеографии и орфографии памятника в честь Кули-чура и орхонских материалов⁷⁰.

Крупным событием в исследованиях памятников стало сводное издание накопившихся к тому времени новых разрозненных материалов, предпринятое турецким ученым Х.Н.Оркуном⁷¹. Заметки, касающиеся палеографии, в этом издании почти отсутствуют: те же краткие соображения, которые приводятся, в основном повторяют замечания В.Томсена.

В целом этот период (до начала XIX в.) не дает значительных палеографических наблюдений.

В середине XX в. в труде, посвященном истории народов Южной Сибири, С.В.Киселев подтверждает точку зрения В.В.Радлова об отсутствии прямой связи между орхоникой и енисейкой. Считая местом формирования рунического алфавита Семиречье (а следова-

тельно, и памятники Таласа наиболее древними), С.В.Киселев палеографически определяет енисейские надписи как более ранние по сравнению с орхонскими⁷². Формально-палеографических заметок здесь С.В.Киселев уже не делал, так как ранее они подвергались решительной и обоснованной критике со стороны А.Н.Бернштама⁷³.

Выход трудов С.Е.Малова с переводами памятников Монголии, Сибири и Средней Азии⁷⁴ положил начало более широкой исторической и источниковедческой интерпретации тюркской руники. Специального раздела, который посвящался бы палеографии памятников, С.Е.Малов не выделял, но почти для каждого памятника в его исследовании есть и комментарии по палеографии. Эти комментарии С.Е.Малова прежде всего информировали об особенностях графики и употребления тех или иных модификаций знаков в конкретном памятнике. Нередко они имели полемический характер, содержали претензии к недостаточно добросовестным публикациям, искажавшим не только текст в переводе, но даже и надпись⁷⁵.

Представляется, что было бы весьма целесообразно обобщить заметки С.Е.Малова по графике памятников для критического использования их в современных работах.

Специальные работы, посвященные тюркской письменности, были опубликованы А.Габэн, которая сосредоточила основное внимание на рукописных памятниках тюркской руники из Восточного Туркестана⁷⁶. В этих работах рассматривались как генетические проблемы рунического алфавита, так и функциональные. Автор классифицирует памятники по формальным признакам, выделяет все системы письменности, использовавшиеся древними тюрками: руны, согдийское письмо, уйгурское письмо, манихейское и брахми. В отношении руники делаются выводы о мотивах нанесения надписей, об особенностях употребления знаков для передачи фонетических явлений, есть и некоторые замечания о символике ряда графем.

Появившаяся после значительного перерыва в дискуссии о происхождении рунического алфавита статья Дж.Клосона, которая уже упоминалась в первом разделе главы⁷⁷, содержала предположения о распространении письменной грамоты среди тюрков и гипотезу о том, что создателем алфавита был, по-видимому, лингвистически подготовленный представитель тюркоязычной народности. В палеографическом аспекте генетические выводы автора сводились к объяснению того пути, который был избран составителем алфавита при окончательном его формировании из ирано-греческих прототипов. В качестве основных критериев, которым должны были, по мнению составителя, соответствовать знаки, Дж.Клосоном выделяются законы симметрии и криптографический элемент (т.е. возможность сохранить форму знакомых родовых символов).

Графика рунических памятников привлекла внимание И.А.Батманова, который старался устансвить отражение живых тюркских языков в языке памятников и провести прямую генетическую связь между ними (от чего в свое время, впрочем, предостерегал С.Е.Малов⁷⁸). И.А.Батманов пришел к выводу о необходимости учета все-

го фонда графики и орфографии памятников; он и его ученики наметили первые шаги в этом направлении⁷⁹, однако системы в целом им создать не довелось.

Научный опыт глубокого проникновения в недра возможного прототипа тюркской руники был предпринят А.С.Аманжоловым. Гипотеза, выдвинутая им, свидетельствует об огромном объеме работы над типологически и формально сходным графическим материалом. Однако для выявления столь глубоких корней рассматриваемой здесь письменности, по нашему мнению, необходимо прежде достоверно установить его ближайшие генетические связи. Надо полагать, что именно по этой причине гипотеза А.С.Аманжолова не получила признания специалистов⁸⁰.

Необходимость полного освоения такого источника, как графика памятников тюркской рунической письменности, становилась все более ощутимой для специалистов, и в числе актуальных тюркологических тем выдвигаются: разработка основ рунической и древнетюркской палеографии, всестороннее изучение графических систем, в частности таких вопросов, как эволюция графики, относительная и абсолютная датировка памятников на ее основе, отражение в графике звуковой стороны языка и проблема соотношения графема - фонема - вариант фонемы; сюда же примыкают вопросы, связанные с возникновением и формированием ранних тюркских алфавитов и адаптацией их прототипов применительно к тюркским языкам⁸¹.

В связи с этой программой следует специально остановиться на статье И.В.Кормушина, предложившего (по аналогии с теоретическими исследованиями по славянской палеографии) основные понятия для тюркского рунического материала⁸². Появление такой статьи - отрадное явление в тюркской рунологии. Она является, собственно, первым опытом типологического подхода к палеографическому описанию тюркской руники. (Положения статьи, посвященные вопросам датировки и звуковой стороны языка памятников, здесь не рассматриваются.) Положительной стороной исследования графем мы считаем попытку формальной классификации знаков алфавита и особенно предположения об историческом развитии ряда конкретных знаков, систематизированных в специальной таблице. И все же нам кажется, что истолкование некоторых графических образцов как возможных хронологических показателей не всегда может быть безусловным. Неровная фактура каменной поверхности большинства памятников, любительский, а не профессиональный характер многих надписей и, наконец, то обстоятельство, что орхонские памятники (рассматриваемые как основной графический критерий) были выполнены резчиками-иностранцами, прибывшими специально для такой работы, а следовательно, мало знакомыми с письменной традицией, - все это могло явиться причинами изменения тех или иных деталей знаков чисто функционального, а не хронологического порядка. По тем же причинам функционального характера нам представляется не совсем удовлетворительным метод описания рунических графем по их деталям, а не в полной форме. Такой метод более приемлем для рукописных текс-

тов. Он имеет давнюю традицию в романо-германской и славянской палеографии, где заслужил полное признание. Но в отношении тюркской руники (за исключением памятников, выполненных профессиональными резчиками-иностранцами) такой метод оказывается неспособным отразить и учесть многочисленные срывы руки, случайность инструмента, иногда совершенно необработанную поверхность, что вызывало к жизни множество "уродцев" по части модуля и дукта. Теоретическая логика в детализации "ствола" и "полуствола", "дужки" и "полудужки", "сомкнутого" или "несомкнутого" круга и т.п. оказывается бессильной в работе не с типографскими, а с высеченными рунами.

Несмотря на эти соображения, необходимо отметить, что данная статья представляет несомненный вклад в повышение уровня исследования рунической палеографии. Следует отметить также и ее методологическое значение.

Приведенный здесь краткий обзор истории изучения тюркской руники в палеографическом аспекте, конечно, не исчерпывает всего материала. Но, как уже отмечалось выше, специальных работ по тюркской палеографии, за исключением последней статьи и одного обзора группы надписей, сделанного автором этих строк⁸³, почти не было. Многочисленные же заметки об особенностях какого-либо конкретного знака или группы знаков имели место почти в каждой публикации памятников и носили информативный, а не аналитический характер. Все это позволяет считать графический фонд памятников тюркской рунической письменности материалом, не зафиксированным во всем объеме, не систематизированным и практически не исследовавшимся экспериментально.

ПАМЯТНИКИ ТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ АЗИАТСКОГО АРЕАЛА (ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ)

Начиная с самого раннего периода научного освоения памятников тюркской рунической письменности в отечественной и зарубежной тюркологии неоднократно составлялись указатели источников и материалов и выполнялась частичная кодификация памятников¹.

Новые открытия постоянно вносили коррективы и дополнения в тюркское руническое источниковедение, и каталогизация памятников всегда оставалась в ряду насущных и дискуссионных вопросов.

Хотя сводный указатель рунических текстов ранее 1976 г. не составлялся, попытки учета памятников по отдельным регионам предпринимались. Следует, например, отметить региональные списки памятников бассейна Енисея и Ферганы² как наиболее полные для периода их составления.

Частичная кодификация памятников нескольких регионов была осуществлена при составлении Древнетюркского словаря (Л., 1969, с. ХХ1-ХХХ1, ХХХШ, ХХХУ), однако специфика подбора источников для словаря не позволила охватить весь фонд. Отсутствие приемлемых для исследования копий текстов и достоверных сведений о настоящем состоянии и местонахождении некоторых памятников также затруднило каталогизацию. Применительно к памятникам бассейна Енисея, составляющим наиболее многочисленную региональную группу текстов, необходимы были систематические многолетние полевые исследования тюркологов³. Это объяснялось тем, что определенное число памятников находилось на месте их первоначального сооружения, а это делало их иногда труднодоступными. Не всегда удавалось обнаружить и известные ранее памятники. Так, например, во время полевых исследований последних лет в бассейне верхнего Енисея не удалось обнаружить памятников № 15 (Чаа-Холь III), № 63 (Ортаа-Хем), № 73 (Ийме)⁴. Можно также считать утерянными некоторые памятники, хранившиеся в музейных собраниях. Это, например, памятники: № 71 (Подкунинское), хранившийся в Ленинграде, в МАЭ⁵; № 56 (Малиновка), использованный при ремонте Минусинского музея; № 67 (Кара-Булун III - малый фрагмент стелы), хранившийся в Тувинском республиканском краеведческом музее.

Противоположные мнения специалистов по поводу отдельных находок, например на территории Киргизии, Средней Азии, Казахста-

на (так же как и имевшая место фальсификация), вносили путаницу в статистические характеристики регионов⁶. Эти и другие трудности вызвали необходимость составления и публикации сводного указателя памятников⁷.

Ниже предлагается сводный аннотированный указатель памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала их распространения. Хотя указатель в таком объеме ранее не составлялся, попытки учета памятников по отдельным регионам, как уже говорилось выше, предпринимались. Поэтому при систематизации мы стремились по возможности сохранить порядок групп памятников, вошедших в наиболее полные региональные списки; памятники же, неучтенные или неизвестные ранее, в порядковом отношении продолжают перечень. В библиографических справках указываются только научные публикации памятников, с о д е р ж а щ и е и л л ю с т р а т и в н ы й м а т е р и а л, который может быть использован для дальнейшего исследования графики. Полная библиография изданий текстов и переводов для целей данной работы не представляется необходимой.

В указатель включены как памятники, уже имевшие прецедент издания как тюркские рунические, так и неопубликованные. Наименования памятников, принадлежность которых к тюркской рунике вызывала сомнения у специалистов, заключены в квадратные скобки. Несмотря на их весьма спорное определение, в данном перечне, имеющем справочный характер, они учтены. Памятники сгруппированы по условным географическим регионам, обозначенным римскими цифрами с востока на запад. Перечень памятников внутри каждого региона обусловлен относительной хронологией их открытия или публикации; если группа текстов издавалась одновременно, тот порядок, в котором они публиковались, сохранен.

1. Прибайкальско-Ленская руноподобная эпитафика

Руноподобные памятники Прибайкалья и бассейна Лены до сих пор не зафиксированы достаточно удовлетворительно. Собственно говоря, графика их несколько отличается от наиболее характерных образцов тюркской руники. Однако принадлежность этих эпитафических комплексов курыканам (вассалам каганата, упоминающимся в орхонских династийных хрониках тюрков) делает убедительными предположения А.Н.Бернштама и А.П.Окладникова о тюркоязычности прибайкальско-ленских руноподобных надписей⁸. Краткость и немногочисленность надписей не позволяют до настоящего времени дать их обоснованное чтение и делают достаточно дискуссионным отождествление некоторых знаков с той или иной графемой тюркского алфавита. Учитывая это, следует особо отметить формальный характер использования нами в дальнейшем графического фонда памятников этого региона, а также предварительный характер каталога памятников региона.

Далеко не все памятники этого региона могут быть названы тюркскими руническими с полной уверенностью, однако четкое разделение их здесь невозможно по причине слабой изученности самих текстов. Памятники № 1-11 обозначены и воспроизведены по прорисовкам археологов А.Н.Бернштамом (Древнетюркское письмо на р. Лене. - ЭВ. 4. 1951, с. 76-86), им же предлагается карта-схема находок в регионе.

1. Петровская надпись.
2. Давыдовская надпись.
3. Надпись на о-ве "Писаный".
4. Куртухайская надпись.
5. "Шишкинская шаманка".
6. Кочутская надпись.
7. Надпись в бухте Саган-Заба.
8. Каменка (Ольхонский р-н, в 1 км от с. Поповой).
9. Скала Манхай I.
10. "Крест".
11. Хашхай (надпись отмечена только на карте-схеме).
12. Пряслице I. (А. П. О к л а д н и к о в, П. П. Б а - р а ш к о в. Древняя письменность якутов. Якутск, 1942, с. 32).
13. Пряслице II. (Э. Р. Р ы г д ы л о н. К древнетюркским рунам Прибайкалья. - ЭВ. 7. 1953, с. 87-88).
14. Надпись на альчике из Нижне-Унгинского поселения. (А. П. О к л а д н и к о в. Из истории Прибайкалья в тюркское время. - Тюркологические исследования. М.-Л., 1963, с. 279).
- 15-16. Руноподобные знаки ниже устья р. Сиинэ /I и II/. (Фото памятников: Н. К. А н т о н о в. Быльргы тюрк тыла. Якутск, 1970, с. 10, 12).
17. Руноподобные знаки на каменном орудии. (В. М. Н а д е л я е в. Древнетюркская верительная грамота. - ИСОАН. № 11, 1974, с. 115-118). Это единственный памятник региона, в отношении которого сделана попытка чтения и перевода.
18. Руноподобная надпись на каменном обломке из Уссурийска. Памятник дважды публиковался как тюркский рунический, предлагался вариант его чтения (Т о р и и Р ю д з о. Северо-Восточная Азия в антропологическом и этнографическом отношениях. Токио, 1925 (на яп. яз.), табл. 2, рис. 4; Э. В. Ш а в к у н о в. К вопросу о письменности бохайцев. - "Советское востоковедение". 1958, № 6, с. 82-84).

II. Памятники бассейна Енисея

Кодификация памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея на основе аббревиатуры наименований пунктов находок была впервые произведена В.В.Радловым⁹. Унифицированный свод памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея был издан С.Е.Маловым и насчитывал 50 единиц¹⁰. Перечень енисейской руники был дан и в списке источников ДТС, где зафик-

сировано уже 85 единиц¹¹. Списки местных собраний и сведения по отдельным памятникам бассейна Енисея были составлены в 1969 г.¹². Однако окончательное число енисейских памятников до самого последнего времени определено не было. Некоторые памятники были утеряны или считались утерянными, другие оставались труднодоступными¹³, значительная часть находок была сделана только в последние годы. Таким образом, в результате полевых исследований археологов и тюркологов, сбора сведений о памятниках в музейных архивах и учета новых документированных находок число известных енисейских памятников существенно возросло.

Библиографические сведения о памятниках, которые приводятся в перечне без комментария о публикации, даны в перечне енисейских памятников в ДТС, с. ХХП-ХХУП. Рядом с основным, принятым в последние годы наименованием памятника, в скобках приведено наименование, которое данный памятник имел в ранних публикациях. Под № 76-85 в ДТС перечислены мелкие предметы с руническими надписями. Сведения о местонахождении этих предметов были противоречивы или вовсе не указывались. В ходе полевых работ все эти предметы, кроме обломка зеркала под № 76 (опубликованного Ф.Страленбергом и позднее В.В.Радловым), были найдены, учтены и отсняты на пленку. Следующие после № 85 памятники даны в порядке, предложенном автором этих строк в специальных статьях.

Рабочим материалом для исследования графики региона в основном стали копии памятников, выполненные в 1971-1975 гг. автором настоящей работы и группой сотрудников.

1. Уюк-Тарлак.
2. Уюк-Аржан.
3. Уюк-Туран.
4. Отгук-Даш I.
- 5-8. Барык I-1У.
9. Кара-Суг ("Улуг-Хем").
10. Элегест I ("Элегес").
11. Бегре.
12. Алдыгы-Бель I.
13. Чаа-Холь I. (Уточненное воспроизведение надписи: Д.М.Насилов. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников. - ППВ-71, с.208-209, 554).
- 14-20. Чаа-Холь II-УШ.
21. Чаа-Холь IX. (Уточненное воспроизведение фрагмента надписи: Д. Д. Васильев. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. - ТС-75, с. 99-101).
- 22-23. Чаа-Холь X-X1.
24. Хая-Ужу ("Кемчик-кая-бажы").
25. Означенное I. (Наиболее близкое к оригиналу воспроизведение надписи: О. В. Субракова, И. А. Батманов

(сост.). Древние письмена Хакасии. Абакан, 1970, с. 48-52).

26. Ачуры ("Очуры").

27. Оя.

28. Алтын-кель I. (Уточненное воспроизведение фрагмента надписи: Д. М. Н а с и л о в. Некоторые замечания, с. 209 - 210, 554).

29. Алтын-кель II.

30-34. Уйбат I-У.

35. Туба I.

36. Туба II. (Прорисовка надписи: К. В. В я т к и н а. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения. - СМАЭ. 1949, вып. 12, с. 420).

37. Туба III.

38. Ак-Юс.

39. Кара-Юс.

40. Ташеба.

41. Хемчик-Чиргакы ("Хемчик-Джыргак").

42. Бай-Булун I ("Памятник Минусинского музея").

43-44. Кызыл-Чыраа I-II.

45. Кежээлиг-Хову.

46. Телэ.

47. См. ниже раздел "Памятники Монголии", № 8.

48. Абаканский памятник. (Уточненное воспроизведение надписи: Д. Д. В а с и л ь е в, Д. М. Н а с и л о в. К прочтению Абаканского памятника. - Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М., 1980, с. 60-66, 299).

49. Бай-Булун II ("Первый памятник из Тувы"). (Уточненное воспроизведение надписи: А. С. А м а н ж о л о в. Уточненные енисейские надписи - КТМЭ. 1974, вып. 5, с. 101-102).

50. Тувинская стела Б ("Второй памятник из Тувы"). (Наиболее близкое к оригиналу воспроизведение надписи: А. С. А м а н ж о л о в. Уточненные енисейские надписи, с. 102).

51. Тувинская стела Д ("Третий памятник из Тувы"). (Наиболее близкое к оригиналу воспроизведение надписи: А. С. А м а н ж о л о в. Уточненные енисейские надписи, с. 102).

52. Элегест II ("Первый памятник у Элегест").

53. Элегест III ("Второй памятник у Элегест"). (Уточненное воспроизведение надписи: А. С. А м а н ж о л о в. Уточненные енисейские надписи, с. 103).

54. Оттук-Даш III ("Второй памятник с Оттук-Даша").

55. Тувинская стела Г.

56. Малиновка. (Уточненное воспроизведение надписи: И. Л. К ы з л а с о в. Средневековая эпитафия из Малиновки (Тува). - СТ. 1977, № 2, с. 74-78).

57. Сайгын ("Борбак-Арыг"). В 1977 г. при обследовании памятника нами были обнаружены два рунических знака, не зафиксированные ранее.

58. Кезек-Хурээ.

59. Хербис-Баары.
60. Саргал-Аксы.
61. Суглуг-Адыр-Аксы.
62. Канмыылдыг-Хову.
63. Ортаа-Хем.
64. Оттук-Даш II ("Третий памятник с Оттук-Даша").
65. Кара-Булун I.
66. Кара-Булун II ("Памятник Багыра").
67. Кара-Булун III.
68. Эль-Бажы.

69. Чер-Чарык. В 1973 г. при фотосъемке памятника на одной из его плоскостей нами были обнаружены слабые следы надписи, не зафиксированные ранее.

70. Элегест IУ ("Ир-Холь"). В 1977 г. памятник был доставлен нами в Тувинский музей, где находится и в настоящее время.

71. Подкунинское. Памятник, по-видимому, утерян.
72. Алдыы-Бель II.
73. Ийме I. Памятник, по-видимому, утерян.
74. Самагалтай.
75. Кутень-Булук.
76. Зеркало I. Памятник, по-видимому, утерян.
77. Зеркало II. Хранится в Минусинском музее, инв. № 5194.
78. Монета I. Хранится в Минусинском музее, инв. № 1288.

Надпись многократно издавалась и по-разному читалась. Последнее по времени чтение осуществлено на основании прорисовки, выполненной автором этих строк: И. Г. Д о б р о д о м о в. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних енисейских тюрков. - Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 94-97).

79. Монета II. По спискам ДТС и А.М.Щербака, монета утеряна. Вновь обнаружена сотрудниками Минусинского музея, где хранится под № 5617. (Последняя публикация: А. С. А м а н - ж о л о в. Две енисейские рунические надписи. - УЗ ХНИИЯЛИ. Вып. 19. 1974, с. 137-139).

80. Бляшка бронзовая от поясного набора. По списку А. М. Щ е р б а к а, утеряна; была вновь найдена в 1973 г. и находится ныне в экспозиции Минусинского музея.

81. Копёнский золотой сосуд I.
82. Копёнский золотой сосуд II.
83. Уйбатский серебряный сосуд.

84. Зеркало III. Обломок с отверстием, находится в экспозиции Абаканского музея под № 5242.

85. Зеркало IУ. Слаборазличимая руноподобная надпись на светлом обломке. Памятник хранится в Минусинском музее, инв. № 5243.

86. /Галька из д. Ачуры/. Найдена в 1913 г., обозначена ХХП №40, хранится в Минусинском музее, инв. № 9530-1327. Име-

ет руноподобные знаки, опубликована в 1974 г. (А. С. Аманжолов. Две... надписи, с. 140).

87. Пряслице I. Памятник хранится в Минусинском музее, инв. № 2164. Прорисовка текста с некоторыми отклонениями была опубликована в 1953 г. (Э. Р. Рыгдылон. К древнетюркским рунам Прибайкалья. - ЭВ. 8. 1953, с. 90. Надписи на плоскостях диска не публиковались. Полностью надписи опубликованы нами: Д. Д. Васильев. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. - ТС-75, с. 96-98).

88. /Пряслице II/, вернее, печать в форме призмы с осевым отверстием. Имеет восемь строк руноподобных надписей, находится в экспозиции Абаканского музея, без инвентарного номера (Д. Д. Васильев. Руническая надпись на камне-амулете. - ППИПИНВ. 10. 1974, с. 57-60).

89-90. /Овюрские плиты/. Памятники найдены в 1955 г. на юге Тувинской АССР А. Д. Грачом и опубликованы И. А. Батмановым. Меньшая стела установлена в экспозиции Тувинского музея, большая находится на месте первоначального сооружения, где была заново скопирована нами в 1975 г. (И. А. Батманов. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, с. 25-27; И. А. Батманов, А. Ч. Кунана. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. 1. Кызыл, 1963, с. 65-66. Об истории открытия и изучения памятников см.: А. Д. Грач. О так называемых "древнетюркских" неурядицах. - СТ. 1978, № 6, с. 45-48).

91. /Беделигский валун/. Черный округлый камень, около 1 м в диаметре, покрыт четкими рисунками и отдельными руническими знаками. Памятник находится в экспозиции Тувинского музея, доставлен в музей А. Д. Грачом.

92. Демир-Суг. Стела найдена в 1970 г. на правом берегу Улуг-Хема, состоит из двух обломков. Хранится в Тувинском музее. (С. Г. Кляшторный, И. У. Самбу. Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе. - УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 15. 1971, с. 245-249).

93. Йур-Сайыр I. Памятник был найден в Саянском каньоне Енисея сотрудниками СТЭАН в 1968 г. На каменной стеле точками выбита тамга и один знак рунического алфавита. (Д. Д. Васильев, С. Г. Кляшторный. Руническая надпись Йур-Сайыр. - СТ. 1973, № 2, с. 105-110).

94. Йур-Сайыр II. Памятник находится в нескольких метрах от предыдущего, данные о находке и публикации те же. В 1977 г. памятник был доставлен в Тувинский музей участниками эпиграфической экспедиции ИВАН СССР и Тувинского НИИЯЛИ.

95-97. Хемчик-Боом I-III. (С. Г. Кляшторный. Руническая надпись Саянского каньона Енисея. - УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 16. 1973, с. 228-231).

98. Уйбат У1. Стела найдена А. Н. Липским в 1959 г. Установлена в экспозиции Абаканского музея. (В. Я. Бутанав.

Новая уйбатская сабра. - УЗ ХНИИЯЛИ. Вып. 18. 1973, с. 149-152).

99. /Ортаа-Тей/. Олений камень. Найден вблизи пос. Самагалтай Тувинской АССР. Содержит отдельные рунические знаки, нанесенные позже основных изображений. Установлен в экспозиции Тувинского музея. (Фото и прорисовка с отклонениями от оригинала: И. А. Б а т м а н о в, А. Ч. К у н а а. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. 2. Кызыл, 1963, с. 40-41).

100. Стела из окрестностей Баян-Кола. Найдена нами в 1971 г. Состоит из нескольких обломков. Памятник хранится в Тувинском музее, инв. № 21, 23, 26, 27. (Д. Д. В а с и л ь е в. Тюркская руническая надпись из окрестностей Баян-Кола (Тува). - СТ. 1976, № 3, с. 97-101).

101. Байкалово. Наскальная надпись. Найдена Я.А.Шером в 1971 г. на берегу Красноярского водохранилища. (Д. Д. В а с и л ь е в. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. - ТС-75, с. 92-93).

102. Надпись на псалии из кургана Аржан. Памятник найден М.П.Грязновым в 1971 г. (С. Г. К л я ш т о р н ы й. Рунические надписи из кургана Аржан II. - Первобытная археология Сибири. М., 1975, с. 184-185).

103. Надпись на бляшке из кургана Аржан. Памятник найден в 1973 г. Опубликовано там же, где и № 102.

104. Означенное II. Обломок стелы найден в 1972 г. М. И. Б о р г о я к о в ы м. Обломок хранится в Хакасском НИИЯЛИ. (Д. Д. В а с и л ь е в. Древнетюркская эпиграфика, с. 93-96).

105. "Стела из Кызыльского музея". Памятник состоит из двух обломков. Происхождение его сотрудникам музея неизвестно. По породе камня и палеографии стела приближается к Алды-Бельской группе. Надпись в три строки. (Д. Д. В а с и л ь е в. Древнетюркская эпиграфика, с. 99-101).

106. Стела из окрестностей Черби. Памятник был найден в 1975 г. Ю.И.Трифоновым. На одной из плоскостей нанесены две строки значительно сгладившихся рунических знаков. В 1977 г. стела доставлена нами в Тувинский музей. Памятник не опубликован.

107. Хадьных. Небольшая стела с двумя руническими знаками и тамгой. Находится на месте первоначального сооружения в Саянском каньоне Енисея. Не опубликована.

108-110. Уюк-Оорзак I-III. Оленные камни с надписями, относящиеся к Уюкской группе памятников. Найденны в 1974 г. М.П.Грязновым. Находятся в Тувинском музее. (Стелы опубликованы: З. Б. Ч а д а м б а. Древнетюркские надписи урочища Оорзак. - УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 17. Кызыл, 1975, с. 254-259; она же. О древнетюркской рунической надписи Оорзак-I из Тувы. - Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР.

А.-А., 1976, с. 107-108; Д. Д. В а с и л ь е в, З. Б. Ч а - д а м б а. Древнетюркские эпиграфические памятники из долины р. Уюк. - ТС-77, с. 63-75).

111-117. Тепсейский комплекс. Сохранившиеся семь надписей из десятка или более на горе Тепсей (Тепсей) близ устья р. Тубы. Найдены в начале века А.В. Адриановым. Копии надписей снимались в 1904, 1907, 1967 и 1975 гг. (С. Г. К л я ш т о р н ы й. Руническая эпиграфика Южной Сибири (Наскальные надписи Тепсея и Турана). - СТ. 1976, № 1, с. 66-70).

118. Надпись на горе Туран. Найдена в начале века А.В. Адриановым. (С. Г. К л я ш т о р н ы й. Руническая эпиграфика, с. 70).

119. Надпись на оградке тюркского погребения в окрестностях Саглы. Памятник найден в 1975 г. Ю.Л. Аранчыном. На двух плоскостях нанесено несколько рунических графем. В 1975 г. памятник был доставлен А.Д. Грачом в Тувинский НИИЯЛИ и хранится там до настоящего времени. Памятник был скопирован нами в 1977 г. (Д. Д. В а с и л ь е в. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. II. - ТС-77, с. 51-53).

120. Стела, установленная в экспозиции Красноярского музея. Памятник определен нами как стела, найденная в 1904 г. Б.Н. Туровым в Хакасии. Расколотая на две части стела была доставлена автором находки в Красноярский музей, где сохранился только нижний фрагмент плиты. Сообщение о памятнике было впервые сделано нами. (Д. Д. В а с и л ь е в. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала (II). - СТ. 1978, № 5, с. 93. Публикация по нефаксимильной копии была предпринята И.Л. Кызласовым: Тугутюпская стела с древнехакасской эпитафией. - СТ. 1979, № 5, с. 90-96. Чтение и фотокопия сохранившейся части памятника предлагаются нами (Д. Д. В а с и л ь е в. Древнетюркская эпиграфика. II, с. 53-57).

121. "Памятник II из Красноярского музея". Здесь имеется в виду надпись на изваянии, изображение которого публиковалось еще до дешифровки тюркской рунической письменности. (В. В. Р а д л о в. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1-3. СПб., 1888-1894 (МАР. № 3, 5, 15), с. 100 (рис. на с. 99: в и в¹); о памятнике сообщается, что он был доставлен в Красноярск).

Последующие сведения о памятнике противоречивы. В фондах Красноярского музея он отсутствует. Имеются лишь зарисовки, которые не могут обеспечить корректность публикации.

122. Надпись на "оградке" близ Ийме. (Первое упоминание о надписи: З. Б. А р а г а ч и, Д. М. Н а с и л о в. О надписи на скале Хая-Ужу. - УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 10. 1963, с. 263). Памятник скопирован нами в 1973 г.

123-125. Тепсей УШ-Х. Не публиковавшиеся ранее надписи из комплекса горы Тепсей (на нижней части склона, обращенного к устью р. Тубы) теперь изданы. (Д. Д. В а с и л ь е в. Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея. - СТ. 1977, № 2, с. 79-81).

126. Тепсей Х1. Надпись в одну строку, расположенная в верхней части склона горы Тепсей, обращенного к устью р. Тубы, в небольшой естественной нише. Была обнаружена и скопирована в 1967 г. Я.А.Шером. (Д. Д. В а с и л ь е в. Неопубликованная руническая надпись с горы Тепсей. - ЭВ. 22 - в печати.)

127. Металлическое зеркало У. В 1974 г. среди списанных фотографий Минусинского музея была найдена старинная фотография (сепия) зеркала белой бронзы с этикеткой на обороте "Минусинск. 1905 г.". На краю зеркала надпись из пяти рунических знаков. В старой инвентарной книге эта фотография записана под инв. № 214 и 215 как "Снимок Федорова из коллекции Кузнецова-Красноярского"¹⁴. Копия фотографии была выполнена нами в 1977 г. (Д. Д. В а с и л ь е в. Тюркская руника на металлических зеркалах из Минусинской коллекции. - ППиПИКНВ. Вып. 14. Ч. 1. 1979, с. 27-33).

128. Металлическое зеркало У1. Фрагмент зеркала, хранится в Минусинском музее, инв. № 5147. Надпись состоит из двух знаков на свободном поле у бортика. При первом издании памятника рунический текст не был упомянут¹⁵. (Д. Д. В а с и л ь е в. Тюркская руника на зеркалах, с. 27-33).

129. Металлическое зеркало УП. Фрагмент зеркала трапециевидной формы, составленный из двух обломков. Был найден в конце прошлого века у д. Монок на территории Минусинской котловины. Фрагмент хранится в фондах Минусинского музея, инв. № 5148. Надпись состоит из одной строки, расположенной по бортику зеркала. Достаточно отчетливо просматриваются только шесть знаков, остальные сгладились и трудно различимы. Рунический текст в первом издании памятника не упоминался¹⁶. (Д. Д. В а с и л ь е в. Тюркская руника на зеркалах, с. 27-33).

130. Металлическое зеркало УШ. Квадратное зеркало с отбитым уголком хранится в Минусинском музее, инв. № 5195. Надпись состоит из трех знаков, нанесенных тонкими царапинами между иероглифами около скола, и пяти знаков, расположенных строкой по бортику. Надпись на бортике более сглажена, чем остальные. В издании памятника надпись на бортике не отмечена, а надпись на свободном поле в уголке зеркала зафиксирована не полностью¹⁷. (Д. Д. В а с и л ь е в. Тюркская руника на зеркалах, с. 27-33).

131. Бронзовый наличник, являющийся деталью сбруи. Был найден в большом комплекте аналогов в погребении у д. Черемушка, в 15 км к юго-западу от пос. Каратуз (Хакасская АО). В 1904 г. поступил в Минусинский музей, где хранится в фондах (инв. № 6144). Надпись состоит из одной строки (три - четыре знака), занимающей почти всю свободную поверхность плоскости. Текст нанесен тонкими царапинами. Восстанавливается полностью. Не опубликован.

132. Уйбат УП. Столб из песчаника с фрагментом надписи был впервые обнаружен М.Кастреном на территории Уйбатского чаа-та-

са. В 1938 г., во время обследования и раскопок чаа-таса Саяно-Алтайской экспедицией, фрагмент надписи был отмечен на каменном столбе, вкопанном у середины северной стороны кургана № 1¹⁸. Памятник был осмотрен и скопирован нами в 1977 г. (М.А. Castrén. Nordische Reisen und Forschungen. St.-Pbg., 1856, с. 363).

133. Камень с надписью из Копёнского чаа-таса. Плита из песчаника с фрагментом надписи была обнаружена на территории чаа-таса в северо-западном углу кургана № 10¹⁹. Поверхность, на которую была нанесена надпись, разрушена выветриванием, и реконструировать текст в настоящее время невозможно.

134. Усть-Сос. Песчаниковая плита, установленная на территории пос. Усть-Сос (Хакасская АО), зафиксирована в 1963 г. Копия текста была выполнена Я.А.Шером и любезно передана нам для прочтения. Надпись состоит из одной строки длиной 52 см. Некоторые знаки в начальной части текста значительно пострадали от выветривания.

135. Усть-Кулог. Наскальная надпись была обнаружена в начале века И.Т.Савенковым на обрывистом утесе у владения в Енисей его правого притока р. Кулог (в местности, названной И.Т.Савенковым "щель Тесь")²⁰, близ впадения в Енисей более крупной реки Тесь, напротив и несколько севернее поселка Новоселово. Надпись была вторично обнаружена в 1966 г. Я.А.Шером, скопирована им и отснята на пленку. Текст состоит из двух строк, расположенных вертикально. (Д. Д. В а с и л ь е в. Древнетюркская эпиграфика, II, с. 57-59).

136. Мугур-Саргол. Наскальная надпись была найдена в 1973 г. Б.Н.Пяткиным в урочище Мугур-Саргол, на левом берегу Енисея, в 7 км выше устья р. Хемчик²¹. В 1976 г. она была заново обнаружена сотрудниками одного из отрядов Саяно-Тувинской археологической экспедиции Академии наук СССР (начальник отряда М.А.Дэвлет). Надпись состоит из двух строк. Выполнена тонкими глубокими линиями. Памятник опубликован. (Н. А. Б а с к а к о в. Наскальная руническая надпись в Терезеннике-бююк урочища Мугур-Саргол Тувинской АССР. - СЭ. 1978, № 3, с. 152-154).

137. Крес-Хая. Наскальная надпись. Была известна с 1959 г. А.Н.Липскому. Памятник фиксировался также Л.Р.Кызласовым, был скопирован им и передан для расшифровки А.М.Щербаку, которому принадлежит первое упоминание памятника в печати²². Надпись высечена на скале Крес-Хая в Ширинском районе Хакасской АО, в окрестностях оз. Фыркал. (Д. Д. В а с и л ь е в. Древнетюркская эпиграфика, II, с. 60).

138. Кара-Юс II. Наскальная надпись на холме Озерская-гора, расположение которого, близ известной Сулекской писаницы, показано еще в альбоме Я.Аппельгрена-Кивало²³. Найдена в 1975 г. Н.В.Леонтьевым. Состоит из двух строк, расположенных на северном склоне горы. (Д. Д. В а с и л ь е в. Древнетюркская эпиграфика, II, с. 61).

139. Чаптыковский камень. Стела из бурого песчаника. Была обнаружена в 1906 г. М.И.Райковым, который сообщил о находке сотрудникам Минусинского музея. В архиве Минусинского музея в переписке И.Т.Савенкова (д. 22) имеется упоминание об этой находке²⁴. Не опубликован. В 1973 г. камень был осмотрен нами, а текст скопирован на доступной для осмотра поверхности. Надпись высечена широкими бороздками в одну строку и значительно разрушена выветриванием.

140. Наскальная надпись из Сарыг-оол-Аксы (Саянский каньон Енисея). Памятник обнаружен нами в 1979 г. (Д. Д. Васильев. Новая древнетюркская надпись из Тувы. - АО-79, с.193).

III. Памятники Монголии

В Монголии сосредоточены крупнейшие памятники рунической письменности тюрков. Информационные перечни памятников региона публиковались в Корпусе монгольских надписей²⁵ и нами²⁶. Находки последних лет позволили нанести на карту распространения тюркской рунической письменности районы Северо-Западной и Южной Монголии - Монгольский Алтай и юго-восточную часть Гоби. Это обстоятельство меняет прежнее представление о внутренних границах рунического письменного ареала. Причем каждая зона новых находок содержит, как правило, не одну надпись, а группу их (например, памятники 1, 3, 4, 8-10 в ранних исследованиях обозначались как Кошо-Цайдамская группа).

Обозначения некоторых памятников региона дополнительным индексом (например: 1¹, 2¹, 4¹) объясняются тем, что эти надписи входят в ранее известный комплекс, но были найдены или опубликованы значительно позднее. Так, например, фрагменты 1¹ и 2¹ были обнаружены во время раскопок совместной экспедиции Академий наук МНР и ЧССР, но являются компонентами текстов в честь Кюль-тегина и Тоньюкука, известных с конца прошлого века. Также в виде группы обозначены надписи культовой скалы Тайхир-чулуу - 11¹⁻¹¹.

1. Памятник в честь Кюль-тегина. (РАтлас, табл. ХСУIII-ХС1Х, СП-С1У; ФАтлас II, табл. 2-12).

1¹. Неизданные фрагменты надписи в честь Кюль-тегина (в том числе на черепахе - пьедестале памятника). (СМ, с. 40; J. Matuz. Trois fragments inconnus de l'Orghon. - "Turcica". Т. 4. 1972, с. 15-24).

2. Памятник в честь Тоньюкука. (РАтлас, табл. СУ1-СХУ1).

2¹. Надпись на штукатурке развалин храма в честь Тоньюкука.

3. Памятник в честь Бильге-кагана. (РАтлас, табл. ХХ1-ХХУ, ХХУ1; ФАтлас II, табл. 20-35).

4. Онгинский памятник. (РАтлас, табл. ХХУ1, фиг. 2).

4¹. Раскопанные обломки памятника, хранящиеся в МНР, в Краеведческом музее Увэр-Хангайского аймака, г. Арбайту.

5. Карабалгасунские фрагменты. (РАтлас, табл. ХХХУ, фиг. 1, 5).

6. Памятник Ихе-Хушоту (Кюль-чур). (W. Kotwicz, A. Samoïłowitch. Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie centrale. — RO. T. 4. 1928, с. 60-107).

7. Шинэ-Усу (Моюн-чур). (Фото эстампажей памятников № 7, 8: G.J. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. — JSFOu. Вып. 38, 1922-1923, с. 3-34).

8. "Памятник из Суджи". Памятник, обнаруженный Г.Рамстедтом, был подробно прокомментирован и переведен С.Е.Маловым в его сводном издании енисейских памятников (МЭПТ, с. 84-92) и поэтому учитывался неоднократно в числе памятников из бассейна Енисея под индексом Е 47. В 1975 г. местонахождение памятника обследовалось С.Г.Кляшторным, но сам камень с надписью, к сожалению, можно считать утраченным.

9. Памятник Ихе-Асхете, (РАТлас, табл. ХУ, фиг. 1-2; ХХУ, фиг. 3-5).

10. Памятник Ихе-Хануйн-нор. (РАТлас, табл. LXXIII; уточненная публикация: С. Г. К л я ш т о р н ы й. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. (К интерпретации Ихе-Хануйн-норской надписи). — ТС-74, с. 238-255).

11. Надписи скалы Тайхир (Хойто-Тамир). (Изданы впервые по прорисовкам Д.А.Клеменца: АТІМ 3, с. 260-268; см. также: CSM, с. 34-36; G.J. Ramstedt, J.G. Granö, P. Aalto. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. Helsinki, 1958 (JSFOu, IX), с. 62-76 — в этом издании опубликованы прорисовки Г.Рамстедта; Д. Д. В а с и л ь е в. Графические особенности памятников Хойто-Тамира. — ВВЛТ, с.100-109).

11¹. /Отдельные рунические графемы среди тамг стелы из Шивэт-улан/, (G.J. Ramstedt, J.G. Granö, P. Aalto. Materialien, с.77-90).

12. Чойрская (Чойрэнская) надпись. (Последние уточненные публикации: С. Г. К л я ш т о р н ы й. Руническая надпись из Восточной Гоби.—Studia turcica. Budapest, 1971, с. 249-258; о н ж е. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна. — Страны и народы Востока. Вып. 22. М., 1980, с. 90-109).

13. /Надпись на обломке черепицы из окрестностей Улан-Батора/. Надпись, найденная в 1934 г. Д.Д.Букиничем, публиковалась А.Н.Самойловичем и Х.Н.Оркуном. Вскоре после находки было установлено, что надпись является подделкой.

14. Наскальная надпись у горы Гурвалжин-ула. (Orkun II, с. 163; CSM, с. 37; С. Г. К л я ш т о р н ы й. Наскальные рунические надписи Монголии. — ТС-75, с. 155).

15. Надпись на скале Хангыта-хат. (CSM, с. 37; С. Г. К л я ш т о р н ы й. Наскальные надписи, с. 156).

16. Надпись близ зимовки Ару-хан. (CSM, с. 37; E. Tryjarsky. L'inscription turque runiforme d'Arkhanen en Mongolie. — UAJ. Vol. 36. 1965, fasc. 3-4, с. 423-428).

17-18. Надписи близ Байшин-Удзур в Дарив-Сомоне (I и II). (CSM, с. 38-39).

19. Надпись на бронзовой пластинке из Краеведческого музея Восточно-Гобийского аймака. (CSM, с. 40).
20. Надпись на р. Тэс. (CSM, с. 40; С. Г. Кляшторный. Наскальные надписи, с. 152-154).
21. Надпись на стеле из окрестностей Уланкома. (CSM, с. 41).
22. Надпись в сомоне Сэврэй. (CSM, с. 42).
23. Наскальная надпись к северу от Обур-Дурулджи. (CSM, с. 43).
24. Хэнтэй I. (К. В. Вяткина. Кентейская руническая надпись. - Филология и история монгольских народов, М., 1958, с. 217-218; Фэн Цзя-шэн. Руническая надпись из Восточной Монголии. - СЭ. 1959, № 1, с. 3-6; CSM, с. 43; Д. Д. Васильев. Тюркская руническая надпись Хэнтэй I. - СЭ. 1978, № 3, с. 149-151; С. Г. Кляшторный. Наскальные надписи, с. 156-158).
25. Хэнтэй II. (CSM, с. 43).
26. Надпись на горе Арц-Богдо. (А. Н. Бернштам. Новые древнетюркские и китайские эпиграфические находки. - ЭВ. 12. 1958, с. 68-69; CSM, с. 43; В. М. Наделяев. Древнетюркская надпись из Ховд-Сомона МНР. - Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 163-166 - воспроизведение надписи в последнем издании ошибочно).
27. Надпись на монете из Восточной Монголии. (С. Г. Кляшторный. Монета с рунической надписью из Монголии. - ТС-72, с. 334-338).
28. Надпись из сомона Сэврэй. (С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Сэврэйский камень. - СТ. 1971, № 3, с. 106-112; S.G. Kijaštornyj, V.A. Livšic. Une inscription inédite turque et sogdienne: la stèle de Sevrey (Gobi Méridionale). - JA. T. 259, 1971, с. 11-20).
29. Терхинская (Тарьятская) надпись. Найдена в 1955 г. Ц.Доржсурэном. Впервые исследовалась в поле С.Г.Кляшторным. Два фрагмента этой стелы были найдены при раскопках в 1972 г. В.В.Волковым и Н.Сэр-Оджавом. (С. Г. Кляшторный. Терхинская надпись. - СТ. 1980, № 3, с. 82-95).
30. Надписи на скале близ сомона Бэгэр Гоби-Алтайского аймака. Одна из надписей была найдена С.Г.Кляшторным в 1969 г., в 1979 г. им же были обнаружены еще четыре. Надписи не опубликованы.
31. Надпись на скале горы Хутухта-ула в Баян-Хонгорском аймаке. Найдена в 1966 г. Д.Лауэром. (J. Hamilton. Inscription turque runiforme de Khutuk-ula. - JA. T. 263, 1975, с. 171-182).
32. Наскальная надпись урочища Яманы-Ус. (Э. Р. Тенишев, Э. А. Новгородова. Новые рунические надписи в горах Монгольского Алтая. - История и культура Центральной Азии. М., в печати).
33. Кирпич с двумя знаками из отвала раскопок комплекса Кюль-тегина. Найден Э.А.Новгородовой в 1974 г. Не опубликован.

IV. Памятники Алтая

Памятники Горного Алтая изучены гораздо меньше, чем памятники других регионов, причем, за исключением надписей на сосудах, памятники региона факсимильно не публиковались.

К 1960 г. на Алтае было известно всего пять надписей, из них четыре – на небольших предметах, найденных при археологических раскопках. К настоящему времени опубликовано 14 надписей, более половины из них – наскальные. Кроме того, по сообщениям и зарисовкам автору работы известно еще около двадцати надписей, которые нуждаются в факсимильном копировании, обеспечивающем необходимую корректность научной публикации.

Алтайские тексты по объему близки к енисейским, но по содержанию своему представляют особый интерес с этнографической точки зрения. По большей части это тексты на бытовые темы, эмоционально окрашенные, что отличает их стиль от канонического стиля архаизированных енисейских эпитафий²⁷. Горный Алтай можно, пожалуй, считать наиболее перспективным регионом для проведения системных полевых исследований с целью поиска новых памятников тюркского рунического письма.

За основу регионального указателя памятников принят список источников ДТС с некоторыми изменениями, как-то: вторым по нашему списку следует текст Чарьш I, изданный Г.И.Спасским в 1818 г., – в ДТС это № 6; № 7–10 нашего списка в списке ДТС объединены под кодом А 7 (Чарьш II), но палеографически тексты неоднородны, находятся не в непосредственной близости друг от друга и требуют разделения (в библиографии этих источников в ДТС кодовые обозначения ошибочны). Памятники № 11–13 в списке ДТС объединены под кодом А 8, но по причинам, изложенным выше, они также должны быть разделены. Памятник № 13 был повторно издан Е.И.Убрятовой. В этом издании транскрипция текста не соответствует его изображению, что объясняется, как оказалось, издательскими погрешностями.

1. Серебряный сосуд из Государственного Эрмитажа. (П. М. М е л и о р а н с к и й. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. – ЗВОРАО. Т. 14, 1902, с. 017–020).

2. Чарьш (Чарьш I). (Г. И. С п а с с к и й. Записки о сибирских древностях. – "Сибирский вестник". СПб., 1818, табл. II, 4; Э. Р. Т е н и ш е в. Руническая надпись на утесе р. Чарьша (Алтай). – ЭВ. 12. 1958, с. 62–66).

3. Серебряный сосуд из долины р. Катанды. (П. М. М е л и о р а н с к и й. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея. – ЗВОРАО. Т. 15, 1904, с. 34–36).

4. Серебряный сосуд из Туяхты. (А. К. Б о р о в к о в. Енисейские надписи на сосудах. – Тюркологические исследования. М.–Л., 1963, с. 191–192).

5. Серебряный сосуд из Курая (Курай I). (А. К. Б о р о в к о в. Енисейские надписи, с. 193).

6. Серебряная поясная бляха из Курая (Курай II). (А. К. Б о р о в к о в. Енисейские надписи, с. 193-194).

7. Мендур-Соккон I. (К. С е й д а к м а т о в. Древнетюркские надписи в Горном Алтае. - Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, с. 96; Э. Р. Т е н и ш е в. Древнетюркская эпиграфика Алтая. - Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н.Кононова. М., 1966, с. 262-263; Н. А. Б а с к а к о в. Три рунические надписи из Мендур-Соккон Горно-Алтайской АО. - СЭ. 1966, № 6, с. 79-81).

8. Мендур-Соккон II. (К. С е й д а к м а т о в. Древнетюркские надписи, с. 97; Э. Р. Т е н и ш е в. Древнетюркская эпиграфика, с. 264).

9. Мендур-Соккон III. (К. С е й д а к м а т о в. Древнетюркские надписи, с. 97; Э. Р. Т е н и ш е в. Древнетюркская эпиграфика, с. 264; Н. А. Б а с к а к о в. Три надписи, с. 82-83).

10. Мендур-Соккон 1У /"Надпись на обломке из Бийского музея"/. (К. С е й д а к м а т о в. Древнетюркские надписи, с. 98; Э. Р. Т е н и ш е в. Древнетюркская эпиграфика, с. 264).

11. Бичикту-бом I. Известна по первой публикации как "левая надпись" комплекса, является наиболее краткой. В 1980 г. во время поисков надписи на месте первоначального обнаружения найдена не была. Значительные разрушения скальной поверхности позволяют предположить, что памятник не сохранился. (К. С е й д а к м а т о в. Древнетюркские надписи, с. 95, 99; Э. Р. Т е н и ш е в. Древнетюркская эпиграфика, с. 264).

12. Бичикту-бом II. Так называемая "средняя надпись" комплекса. Сохранилась в виде фрагментов на двух обломках скалы, которые находятся в экспозиции Горно-Алтайского областного краеведческого музея. Памятник был доставлен в Горно-Алтайск сотрудниками музея в 1974 г. (К. С е й д а к м а т о в. Древнетюркские надписи, с. 99, 101; Э. Р. Т е н и ш е в. Древнетюркская эпиграфика, с. 264-265).

13. Бичикту-бом III. "Правая надпись" комплекса, наибольшая. Она находится у самой дороги на высоте около двух метров. (К. С е й д а к м а т о в. Древнетюркские надписи, с. 100-101; Э. Р. Т е н и ш е в. Древнетюркская эпиграфика, с. 265; Е. И. У б р я т о в а. Древнетюркская руническая надпись из Бичикту-Бома. - Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 156-162).

14. Кош-Агачская надпись. Была найдена в 1969 г. Е.М.Тошачковой и опубликована В.М.Наделяевым, который в соответствии со списком ДТС предложил обозначить ее А 9. Вторичная прорисовка текста была сделана Д.Г.Савиновым в 1971 г. и тогда же передана автору этих строк. (В. М. Н а д е л я е в. Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача. - ИСОАН. 1973, № 1, вып. 1, с. 108-110; Д. Д. В а с и л ь е в. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. - ТС-75, с. 98-99).

15. Бичикту-бом 1У. Надпись, так же как и следующая (см. памятник № 16), находится в 1 км к северу от надписей № 11-13. Они были впервые зафиксированы и скопированы эпиграфической экспедицией Горно-Алтайского НИИИЯЛ в 1980 г. Памятник готовится к публикации.

16. Бичикту-бом У. Надпись находится в 15 м от предыдущей, выше по склону. Памятник готовится к публикации.

Группа надписей Чуйского тракта и южной части Горно-Алтайской АО была опубликована по зарисовкам археологов В.М.Наделяевым (Древнетюркские надписи Горного Алтая. - ИСОАН. Серия общественных наук. 1981, № 11, вып. 3, с.65-81). Фото и эстампажи надписей не публиковались. Графический фонд группы в данной работе не учтен.

V. Памятники из Восточного Туркестана

Руника Восточного Туркестана представлена двояко: в виде рукописных текстов и как граффити на фресках и на штукатурке пещерных храмов в Турфанском оазисе. Образцы тюркского рунического письма на бумаге имеют особое значение, так как только к этой группе могут быть применены традиционные приемы и методы палеографического исследования. Эти памятники относятся к периоду расцвета древнеуйгурских городов и торговли, к периоду зарождения тюркской письменной литературы и науки. Функциональное изменение характера памятников может быть признано свидетельством возникшей потребности в более широком и утилитарном использовании рунической грамоты.

Памятники первой группы (А) - № 1-3 и 5-8 - отмечены в списке источников ДТС (с. XXXIII-XXXV). Памятник 1 представляет собой фрагмент рунической азбуки с манихейскими буквенными соответствиями. Под № 3 объединена группа фрагментов магического содержания из Турфана. Они условно объединены здесь ввиду своего очень малого объема - это фактически обрывки бумаги, исписанные тюркскими рунами по-согдийски. Фрагменты, объединенные под № 5, являются скорее всего страницами одного сочинения: два из них - на лицевой и оборотной стороне листка. Памятник 6 - единственное полностью дошедшее до нас сочинение из Восточного Туркестана, написанное руникой на бумаге. Под № 7 объединена группа фрагментов религиозно-философского содержания; возможно, они являются частями одного сочинения.

Памятники второй группы (Б) представлены тремя посетительскими граффити на стенах пещерных храмов и одной надписью на металлическом зеркале, хранящемся в Государственном Эрмитаже.

A

1. Тойок I. (A. von Le Coq. Köktürkisches aus Turfan. - SPAW. 1909, t. 11, с. 1047-1061; Orkun II, с. 24). Код памятника по ДТС - LCK.

2. Тойок II. (V. Thomsen. Ein Blatt in türkischer "Runen"-Schrift aus Turfan. - SPAW. 1910, t. 15, с. 307-314; Orkun II, с. 57-59, 97). Код памятника по ДТС - ThB.

3. Турфанская группа фрагментов. (A. von Le Coq. Köktürkisches. c. 1047-1061; Orkun II, c. 175-183). Код по ДТС - LCK.

4. Надпись на обороте лондонского списка уйгурской рукописи буддийской сутры "Sekiz jükmäk" (W. Bang, A. von Gabain, G. Rachmati. Türkische Turfantexte, VI. - SPAW.1934, t. 10, c. 92-192; Orkun II, c. 184). Код по ДТС - ТТ У1.

5. Четыре кратких фрагмента из Мирана. (V. Thomsen. Dr. M.A. Stein's Manuscripts in Turkish "Runic" Script from Miran and Tun-Huang. - JRAS. 1912; January, c. 181-227; Orkun II, c. 63-68). Код по ДТС - ThS I.

6. "Гадательная книга" из Дуньхуана ("İrk bitig"). (V. Thomsen. Stein's Manuscripts, c. 181-227; Orkun II, c. 71-93, 99-100). Код по ДТС - ThS II.

7. Группа фрагментов из Дуньхуана I. (V. Thomsen. Stein's Manuscripts, c. 181-227). Код по ДТС - ThS III.

8. Фрагмент из Дуньхуана II. (V. Thomsen. Stein's Manuscripts, c. 181-227; Orkun II, c. 96). Код по ДТС - ThS III.

Б

1. Граффити из 8-го пещерного храма в Дуньхуане. (P. Pelliot. Les grottes de Touen-houang. Peintures et sculptures bouddhiques des époques des Wei, des Tang et des Song. T. 1. P., 1914 (1920), pl. XVIII).

2. Граффити из жилой пещеры буддийского храма в Яр-Хото. (D. Klementz. Turfan und seine Alterthümer. - Nachrichten über die von der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. St.-Pbg., 1899, c. 38, 47-48; W. Radloff. Altuirische Sprachproben aus Turfan. - Там же, c. 80-83; Orkun III, c. 205-208).

3. Зеркало из Восточного Туркестана. (С. Г. К л я ш т о р н ы й, Е. Л у б о - Л е с н и ч е н к о. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью. - "Сообщения Государственного Эрмитажа". Т. 39. Л., 1974, c. 45-48).

4. Граффити из пещерного храма близ Турфана. Надпись была обнаружена в 1960 г. Ее первые зарисовки имели некоторые различия, и поэтому предполагалось наличие двух надписей. Факсимильная публикация выполнена на низком полиграфическом уровне, который не обеспечивает возможности работы с текстом. (Ф э н Ц з я - ш э н. Древнетюркская надпись, обнаруженная в Турфане в 1960 г. - "Вэнь Ши". № 3, c. 145-158 (на кит. яз.)).

VI. Памятники Северной Киргизии и Казахстана

Находки на территории Казахстана и отчасти Северной Киргизии выглядят очень противоречиво. С одной стороны, мы имеем надписи, отличающиеся более или менее традиционными палеографией и хронологией, с другой - ряд находок являет собой образцы надписей руноподобных, но довольно далеких от тюркской рунической графики других регионов.

Строго определенная форма - валуны из Таласского урочища Айртан-Ой - подчеркивается последовательностью композиционных

характеристик и некоторых аллограф. Что касается рунической эпиграфики на территории Казахстана, то в целом она оставляет впечатление, если можно так сказать, одной из "окраин" рунического письменного ареала и заставляет вспомнить предположение С.Е. Малова о "бродячих грамотеях". Лишь отдельные знаки этих надписей могут быть сопоставлены с тюркскими графемами, и чаще всего это либо знаки простейшей формы (типа |; 1 и т.д.), либо знаки, объяснение которых до сих пор остается противоречивым (например, X и его варианты и др.). Большую же часть знаков можно определить как варианты тех или иных распространенных в ареале графем лишь условно. Поэтому, видимо, часть исследователей (и немалая) не признает эпиграфику севернее Таласа как руническую, предлагая гипотезы о принадлежности этих текстов носителям письменных языков, весьма отдаленных от данной историко-географической зоны, или письменных языков, неизвестных до сих пор. Рассмотрение данных исторических территорий в рамках одного региона может показаться неправомерным. Однако существование в науке совершенно различных точек зрения на руническую эпиграфику севернее Таласа не позволило в ходе исследования (когда данные палеографических корреляций еще не были известны) выделить последнюю в отдельный регион.

Наряду с известными еще с начала века источниками этого региона здесь приведены со справочно-информационной целью и памятники руноподобные, принадлежность которых тюркам отрицается рядом специалистов (в библиографии указывается только последняя по времени иллюстрированная публикация этих памятников).

Надписи урочища Айртам-Ой нанесены на валунах одинаковой округлой формы, часть из которых к моменту находки уже была задернована и обнаружилась при вспашке только в 1961 г. на небольшой ограниченной территории.

Надпись на деревянной палочке из урочища Ачикташ в бассейне Таласа не имеет до сих пор безусловного чтения. С.Е. Малов, несмотря на предложенный им самим первый вариант чтения, первым же и высказал сомнение в принадлежности надписи к тюркским рунам²⁸. Текст палочки по традиции принято учитывать наравне с другими памятниками Северной Киргизии, поэтому мы не исключаем его из списка, но заключаем в скобки.

Наскальные надписи в бассейне р. Или получают у исследователей несколько неожиданную интерпретацию, с которой мы не можем согласиться. Однако графика илийских наскальных текстов принимается нами как материал для дальнейшего исследования. Копией пряслица с Талгарского городища мы не располагаем.

1-5. Талас I-У, урочище Айртам-Ой. (МПДП, с. 74-75 - Т IУ; НЭНК, с. 23-27, 39 - Т II; ТПДП, с. 9, 13, 15 - Т I, Т III, Т У).

6. Талас У1, Терек-Сай. (С. С а д ы к о в. Древние надписи в ущелье Кулан-Сай. - Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, с. 106; ТПДП, с. 16).

7. /Талас УП, деревянная палочка из Ачикташа/. (МПК, с. 63-68).
- 8-12. Талас УШ-Х, урочище Айртам-Ой. (НЭНК, рис. на с. 46; ТПДП, с. 19-24).
13. Кой-Сары (ТПДП, с. 25-26).
14. /Каратальское, Талды-Курганский р-н/. (М. Е. М а с - с о н. К истории открытия и изучения древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. - "Материалы Узкомстариса". Вып. 6-7. М.-Л., 1936, рис. 1).
15. Надпись на зеркале из Урджара. (А. Н. Б е р н ш т а м. Новые эпиграфические находки из Семиречья. - ЭВ. 2. 1948, с. 108-111).
16. /Костяная бляшка с изображением оленя/. (А. С. А м а н ж о л о в. Еще раз об иртышской рунической надписи. - "Вестник АН КазССР". 1967, № 9, с. 66-70).
17. /Надпись на кирпиче, Сырдарья/. Памятники № 17-18 опубликованы в уточненном варианте. (А. С. А м а н ж о л о в. Две рунические надписи с Сырдарьи. - "Вестник АН КазССР". 1969, № 1, с. 72-74).
18. /Надпись на глиняной печати/. (См. № 17).
19. /Илийская наскальная эпиграфика/. (А. С. А м а н ж о л о в. Илийские рунические надписи. - ВЯ. 1969, № 3, с. 147-151).
20. /Надпись на изваянии из Джамбульского музея/. (Г. А й - д а р о в. Еще одна находка по орхоно-енисейской письменности. - ЭВ. 19. 1969, с. 106-108).
21. /Кегенская надпись/. (Последняя публикация памятника: Г. М у с а б а е в. Кегенская надпись. - Эпиграфика Казахстана. А.-А., 1971, с. 24-28).
22. /Знаки на бронзовом перстне, бассейн р. Или/. (А. С. А м а н ж о л о в. Руническая надпись на бронзовом кольце (р. Или). - "Вестник АН КазССР". 1971, № 1, с. 64-66).
23. /Надпись на скале Тамгулукташ/. (A. Amanjolov. Forefather Goat or the Ancient Turkic Inscription in Early Greek Alphabet. - AOr. 42/1, 1974, с. 33-36).
24. /Руноподобная надпись на серебряной чашечке/. (А. С. А м а н ж о л о в. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. - "Вестник АН КазССР". 1971, № 12, с. 64-66; К. А. А к и ш е в. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978, с. 54-55).
25. Надпись на иртышском зеркале. (Ф. Х. А р с л а н о в а, С. Г. К л я ш т о р н ы й. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. - ТС-72, с. 306-315).
26. Пряслице с Талгарского городища (окрестности Алма-Аты). Найдено при раскопках К.А.Акишевым. Не опубликовано.
27. /Кызылкумская надпись/. Информация о надписи находится в печати, текст прочитан как тюркский рунический С.Г.Кляшторным.

28. Талас XIII. Памятник найден в Таласской долине, в урочище Тынбас, эпиграфической экспедицией Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР в 1977 г. Памятник представляет собой овальный валун, однотипный с памятниками 1-5, 8-12 данного региона. (Ч. Д ж у м а г у л о в, Г. К а р а г у л о в а. Новый таласский древнетюркский памятник. - "Известия АН КиргССР". 1978, № 1, с. 86-88).

VII. Памятники из Ферганы, Алая и Северного Тохаристана

Особенностью среднеазиатских памятников является их краткость и фрагментарность. В большинстве своем это осколки керамики с надписями, выполненными до обжига, которые обозначали, по-видимому, владельца сосуда, мастера, изготовившего предмет, назначение последнего и т.п. Учитывая особенности рунической орфографии (факультативность в определенных позициях графем для гласных), чтение такой краткой надписи становится многовариантным, а в случае разрушения фрагмента - невозможным.

За основу указателя памятников региона взят перечень их, составленный Ю.А.Заднепровским (Тюркские памятники в Фергане. - СА. 1967, № 1, с. 270-274), в статье которого приведена также карта - схема размещения памятников на территории Ферганской долины. Памятник № 13, насколько нам известно, не был опубликован, имеется лишь сообщение о находке. Только сообщение имеется и о памятнике № 15; атрибуция его как тюркской рунической надписи вызывает некоторые сомнения. Памятники 16-17, так же как и единственный рукописный памятник региона - "документ из Согда" (Б 1), не признаются в качестве тюркских рунических некоторыми специалистами.

Поскольку эпиграфические памятники региона по своей функциональной характеристике не могут быть в полной мере сопоставлены с рунами на бумаге (несмотря на общность региона), индексы надписей объединены в группу А, индексы рукописных памятников - в группу Б.

А

1. Калаи-Кафир (Исфара I).
2. Калаи-Боло I (Исфара II).
3. Калаи-Боло II (Исфара III).
4. Кизил-Пиляу (Исфара 1У).
5. Фрагмент на венчике хума из Баткенской долины.
6. Фрагмент на венчике хума из замка Ош-Хона.
7. Надпись на кувшине из окрестностей Маргелана.
8. Фрагмент на керамике из окрестностей г. Ферганы.
9. Фрагмент на керамике из окрестностей г. Узгена.
10. /Надпись на сосуде из окрестностей г. Беговата/.
11. Надпись на бронзовом перстне из Муг-хона.
12. Руноподобные знаки на стеле из окрестностей сел. Сары-Таш.

13. Фрагмент из четырех знаков на обломке чаши, найденной на берегу р. Кува-Сай.

14. Фрагмент на венчике хума из Кувы. (Э. Р. Т е н и ш е в. Тюркская руническая надпись из Кувы. - "Восточная филология". Вып. 3. Тб., 1973, с. 263-265).

15. Руническая надпись на кувшинчике из Андижана. (Единственное упоминание памятника: В. А. Б у л а т о в а. Руническая надпись на хуме из Ферганы. - "Общественные науки в Узбекистане". 1965, № 8, с. 62).

16. /Надпись на венчике хума из Калаи-Кафирниган I/. Памятник найден в 1975 г. Б.А.Литвинским. Состоит из пяти графем и двух тамгообразных клейм. Не опубликован.

17. /Калаи-Кафирниган II/. Памятник найден в 1976 г. Б.А.Литвинским. Надпись состоит из двух графем, близких по внешнему виду к аналогам памятника № 16. Не опубликован.

Б

1. /Рукописный документ из Согда, с горы Муг/. (А. Н. Б е р н ш т а м. Древнетюркский документ из Согда. - ЭВ. 5. 1951, с. 65-75).

Вопрос о рунических текстах Восточной Европы

Как известно, многие исследователи предполагают, что руника Восточной Европы и бассейна Дуная тюркоязычна²⁹. В нашей работе ставится задача исследовать азиатскую часть тюркоязычного ареала, и поэтому графический фонд руноподобных памятников Европы здесь не рассматривается. Однако мы считаем необходимым дать краткую общую характеристику этих памятников.

Руноподобные находки, которые могут принадлежать тюркоязычным народам, отмечены в европейском ареале главным образом в следующих регионах: 1) бассейн Волги; 2) Северный Кавказ и Приазовье; 3) бассейн Дуная, а также Малая Азия (руноподобные наскальные знаки).

В бассейне Волги пока известно только четыре образца руноподобной эпиграфики: опубликованная П.М.Мелиоранским надпись на серебряном сосуде, найденном в 1884 г.; несколько знаков на камне из Юрьева; надписи на чаше и черепе быка³⁰. Учет памятников с Волги в общем графическом фонде тюркской руники в настоящей работе был бы, по нашему мнению, несколько преждевременным. Это могло бы значительно осложнить выделение графических характеристик определенных фонем и перегрузить графические группы, рассматриваемые в следующей главе, вариантами, характерными только для данного региона.

Руноподобные памятники Северного Кавказа нередко сопоставлялись исследователями с текстом на палочке из Ачикташа в долине р. Талас. Однако следует напомнить, что этот памятник не имеет до сих пор безусловного чтения. Среди исследователей су-

шествует и мнение о том, что надписи Северного Кавказа не могли читаться по-тюркски. Причем в качестве одного из основных аргументов выдвигается употребление пунктуационных разделителей в середине слова³¹. Вряд ли такой аргумент может быть принят как основной, поскольку в целом ряде достаточно убедительно прочитанных тюркских рунических памятников разделитель в виде одной, двух и даже трех точек употребляется и на морфологическом уровне, отмечая, например, падежную флексию³². Существует несколько гипотетических интерпретаций текстов памятников этого региона. Однако писать об окончательном прочтении руноподобных надписей Северного Кавказа нам представляется преждевременным.

Руноподобные памятники бассейна Дуная, за исключением рукописных текстов на бумаге и надписей на утвари из клада в Надь-Сент-Миклоше, представлены в основном археологическими находками с немногочисленными, а порой и единичными руноподобными знаками на мелких предметах³³.

Малоазиатские образцы руноподобной эпиграфики весьма немногочисленны и определяются, как правило, гипотетически³⁴. Среди образцов этого региона можно выделить аналоги тамгам и отдельным знакам рунического алфавита тюркских письменных памятников центра и периферии каганата. Систематизация материала дает возможность интерпретировать эти памятники как следы древнетюркской эпиграфической традиции в период проникновения огузо-уйгурских этнических элементов на территорию Малой Азии³⁵.

Причины, по которым в настоящей работе графические данные памятников придунайских областей и Анатолии не рассматриваются, идентичны изложенным в отношении памятников Волги и Северного Кавказа.

В целом следует отметить, что освоение графического фонда памятников Восточной Европы должно быть, несомненно, связано с ареалом распространения руники. Оно позволит полнее показать направления, хронологию и историю развития рунической письменной культуры.

ОПИСАНИЕ ГРАФИЧЕСКОГО ФОНДА

Описание графического фонда памятников тюркской рунической письменности предполагает учет и систематизацию материала. Поэтому основу данной главы составляют графо-фнематические таблицы, зафиксировавшие материал в полном объеме.

Попытки сопоставления локальных особенностей и сравнительного анализа групп памятников тюркской рунической графики до настоящего времени предпринимались, как правило, с целью выявления генетических связей тюркской руники. За исключением нескольких статей, методологических исследований палеографии азиатской руники почти не существует. Хотя ценные наблюдения и обобщения в этом плане делались еще в конце прошлого века¹, они носили частный, конкретный характер. Материал, накопленный к настоящему времени, позволил иначе подойти к анализу графики.

Особенностью данного исследования стало обозрение тюркской рунической письменности не с традиционной структурно-генетической точки зрения, а в формальном плане. Этот аспект прежде всего и отличает нашу работу от других исследований древнетюркской письменности. При этом преследуются совершенно иные цели: оставляя в стороне вопрос о происхождении рунического письма тюрков, наметить зоны функционирования различных письменных школ, установить направление эволюции дукта и его крайние точки.

Принципы исследования и терминология

При исследовании графики любого письменного языка основным условием является всестороннее рассмотрение собственно памятников письменности. Технические приемы писца, инструменты и материал памятника, особенности формальной эволюции знаков и ее причины — эти и некоторые другие особенности памятников должны быть учтены в подобном исследовании. Памятники тюркской рунической письменности в отличие от других типологически близких письменностей мира не являются примером единой палеографии, как, например, готская руника, которая и в отношении языка и в отношении палеографии до определенного времени отличалась исключительным единообразием². Древнетюркское источниковедение не располагает также данными, свидетельствующими о существовании в тюркской рунике единого каллиграфического канона. Наоборот, обилие графических вариантов, замеченное при самом

поверхностном наблюдении, демонстрирует многообразное индивидуальное творчество авторов надписей.

Для выяснения общего фонда тюркской руники и ее региональных особенностей, так же как и для традиционных задач любого палеографического исследования, необходимо с самого начала определить те характеристики, которые смогут удовлетворить требованиям рунической графики. Материал исследования позволил выделить следующие характеристики и предложить некоторые общие обозначения (терминологию)³.

I. Функциональная характеристика

1) М а т е р и а л о м для памятников тюркской руники являются: камень, дерево, металл, кость, керамика, бумага, пергамент; ф о р м а м и – скала, стела, валун, палочка, мелкий камень или каменное изделие (например, пряслице), деталь сбруи, зеркало, монета, кодекс, свиток, а также граффити (например, на штукатурке внутренних стен пещерных храмов). Бумага рукописных памятников тюркской руники была, как это установила А. Габэн, различных сортов: очень тонкая, толстая, слоистая и крупноволокнистая⁴.

2) И н с т р у м е н т о м письма служили кисть, трубчатое перо, резец. В качестве резца употреблялись различные орудия. Например, в памятниках, выполненных на высоком профессиональном уровне (в честь Кюль-тегина и Тоньюкука, Онгинский, Алтын-кель I и II, Означенное II), применялся, несомненно, специальный каменотесный инструмент; некоторые памятники (например, Оттук-Даш I и II, Алды-Бель I и II и др.) имеют надписи, как бы выскребленные инструментом типа клевца; ряд надписей (например, на скальных с горы Тепсей, Хая-Ужу, Йыр-Сайыр II, надписи на монетах, зеркалах и т.п.) нацарапаны, по всей вероятности, просто ножом; надписи на керамике до обжига выполнялись каким-либо подобием стеки.

II. Композиционная характеристика

Большинство памятников тюркской рунической письменности помимо текста содержит определенный иллюстративный материал. Как правило, это – изображение родового знака, тамги, которая являлась компонентом текста⁵, но иногда встречаются и антропоморфные и зооморфные фигуры или целые сюжеты. В некоторых случаях, например на Сулекской писанице (памятник Кара-Юс), надпись дополняет рисунки, а не наоборот. Для высекания текстов нередко использовались памятники изобразительного искусства, хронологически более ранние. Композиция надписи на таких памятниках чаще всего строилась с учетом уже имевшихся изображений (например, памятники Уюк-Тарлак, Элегест I, Уйбат I и др.). Для оформления некоторых текстов резчик высекал линии строк прямыми или намеренно изогнутыми. Высеченная линия иногда отделяла "гербовую часть" (например, в памятниках в честь Тоньюкука, Онгинском и др.), параллельные линии обрамляли строки.

III. Авторская характеристика

Здесь имеется в виду все, что относится к понятию "физиологии жеста", которое существует в европейской палеографии и обозначает отражение в графике сочетания традиции ("школы") и личности писца. Данная характеристика содержит несколько "собственно графических показателей" каждого конкретного памятника или даже буквы. Схема подобных показателей выработана в романо-германской и славянской палеографии⁶. Однако особенности тюркского рунического письма требуют введения ряда специальных показателей, тогда как некоторые другие становятся излишними. Нами предлагаются: а) *м о д у л ь* — это понятие включает размеры графем, расстояние между ними, пропорции ширины и высоты; б) *д у к т* — здесь имеется в виду последовательность, в которой выполняются составные элементы графем и направление — по горизонтали или по вертикали, справа налево или наоборот; в) *п о ч е р к* — манера письма, проявляющаяся в удлинении или закруглении окончаний, замкнутости петель, в намеренном изменении пропорций, стилизации⁷; г) *п р о с т р а н с т в е н н а я о р и е н т а ц и я г р а ф е м ы*, а именно поворот ее по вертикальной или горизонтальной оси, наклон под тем или иным углом; д) "*п о л и ф о р м и з м*" — термин отражает вариативность в написании одного и того же знака в пределах текста.

IV. Орфографическая характеристика

1) Внимание обращается на отсутствие единства в написании одних и тех же слов в различных памятниках даже одного региона или другие орфографические перебои. Попытка зафиксировать некоторые случаи подобных орфографических перебоев была предпринята И.А. Батмановым⁸. Однако в его работе не были отмечены случаи таких перебоев, когда одна из традиционных для данного фонетического значения графем заменялась другой, соответствующей совершенно иной фонеме. Такое явление отмечается нами в целом ряде случаев (см. ниже комментарий к графо-фонематическим таблицам).

2) Особенности пунктуации. Как известно, пунктуационные знаки в памятниках тюркской рунической письменности представлены одной, двумя, тремя точками и графемой \downarrow . Закономерности пунктуации в тюркских памятниках до настоящего времени достаточно не изучены и не систематизированы. Следует лишь отметить, что правила расстановки древнетюркских "знаков препинания" подчинены в большей степени законам логики, чем правописания. В памятниках пунктуационно могут быть разделены: законченные фразы, группы слов при имени собственном, отдельные слова, падежные форманты. В настоящей работе особенности тюркской рунической орфографии и пунктуации не рассматриваются, однако автор предполагает в дальнейшем систематизировать также весь фонд тюркской руники с точки зрения орфографии и пунктуации и произвести его анализ. Разработка терминологии для тюркской рунической палеографии осложнена целым рядом обстоятельств. Учитывая многообразие форм памятников и материалов, из которых

они изготовлены, отсутствие профессиональных навыков у авторов большого числа надписей, исполнение крупнейших памятников, имевших общегосударственное значение, по заказу резчиками-иностранцами и многое другое, предложить единую детализированную палеографическую терминологию для всего фонда тюркской руники едва ли возможно. Если же предпринять такую попытку, то терминологическая система, которая смогла бы охватить все детали, окажется слишком громоздкой и не будет служить целям рационализации, как это предполагает всякая терминология.

В данной работе мы предлагаем лишь некоторые общие обозначения, которые используются далее. Для обозначения конкретных единиц графического фонда нами предлагаются понятия: "графема", "аллографа", "вариант". **Г р а ф е м а** – здесь неконкретизированное название основной структурной единицы графической системы тюркской руники. **А л л о г р а ф ы** – совершенно разные графемы, использованные для передачи одной и той же фонемы. **В а р и а н т ы** – графемы, которые отличаются друг от друга каким-либо элементом "авторской характеристики" (например, изменением пропорций, изменением определенной детали данного знака, пространственной ориентации и т.д.).

Систематизация графических инвариантов⁹

В приложении к работе даны 35 таблиц, каждая из которых объединяет все графические обозначения данной фонемы, зафиксированные в памятниках.

Структура таблиц выглядит следующим образом: вертикали отмечены индексом региона (см. по перечню памятников в гл. II: римские цифры I–УП), горизонталы являются показателями аллограф и вариантов. Первая слева вертикальная колонка показывает порядковый номер графемы, вторая – содержит образцы рунических знаков, зафиксированные в памятниках для данной фонемы. На пересечениях горизонталы графического вида и региональной вертикали помещены индексы памятников, соответствующие индексам памятников в региональных указателях гл. II.

Таким образом, данные одной таблицы демонстрируют: 1) весь графический фонд данной фонемы; 2) регион употребления данного графического варианта (один или несколько); 3) памятники, в которых отмечены именно эти вариант или аллографа; 4) распространенность, редкость или уникальность каждого варианта (или аллографы) в регионах; 5) графическую общность группы памятников внутри одного региона; 6) графическую общность двух или нескольких регионов; 7) некоторые орфографические особенности фонда.

Рабочими задачами при написании данной главы были учет и выяснение всех инвариантов (т.е. всего наличного состава знаков), вариативности внутри системы (т.е. вариативности и перебоев в употреблении знаков), вариативности пространственно-композиционной. Систематизация позволила также установить знаковую локализацию как во всей тюркской графической системе, так и региональную. Рассмотрение сетки каждой из таблиц позволяет установить общность графем, а следо-

вательно, и письменной традиции определенных групп памятников как внутри регионов, так и во всем ареале.

Технический комментарий к таблицам

Многообразие графического фонда и особенности палеографии тюркской руники вызывают необходимость ряда конкретных пояснений.

В отдельных случаях знаки вынесены в скобках из колонки образцов в сетку таблиц. Как правило, это те варианты, которые частично разрушены или стертые, но сохранили в уцелевшей своей части характерные элементы знака данной горизонтали. В редких случаях это может быть также знак, искаженный неровной поверхностью материала, со следами срыва руки и т.п. Источниковедческие и другие индивидуальные причины выноса знака в сетку таблицы комментируются специально.

В колонке образцов рунической графики нередко одна горизонталь имеет два графических варианта. В большинстве случаев это варианты, имеющие идентичную конструкцию, но встречающиеся в различных по характеру памятниках (эпиграфический и рукописный текст). Рукописные варианты во всех случаях легко отличить по линиям нажима тростниковым пером или кисточкой¹⁰.

В табл. 7 (горизонтали 8,9), 14 (22), 18 (19,20,38-40), 24 (11,14), 30 (1,3,48,9,11,13,15,21,22) знаки в колонке образцов разделены пунктиром. В каждом подобном случае представлены пары, или группы вариантов, которые отличаются друг от друга лишь позиционно, например наклоном знаков по оси. Наклон в подобных случаях мог быть не намеренным, но вызванным композиционными или техническими особенностями. Иногда три варианта объединены в одной горизонтали, так как хотя они и являются уникальными, однако имеют очень незначительные расхождения (например, в табл. 33, горизонталь 10)¹¹.

В региональных вертикалях У и УП (Восточный Туркестан и Средняя Азия) содержатся индексы рукописных памятников на бумаге и пергаменте. Аллюграфы и варианты знаков из этих памятников комментируются специально.

В двух случаях (табл. 17,22) регионально-видовая клеточка в таблице заштрихована. Это означает, что данный графический вариант отмечен во всех памятниках региона.

В различных регионах азиатского ареала распространения тюркской руники зафиксированы знаки, которые до настоящего времени не поддаются расшифровке. Подобные знаки помещены отдельно в табл. 36. Их фонетическая интерпретация в настоящей работе не предлагается. Однако некоторые из этих знаков учтены в целях возможной формальной корреляции также и в других таблицах, где имеются близкие им модификации из иных памятников и регионов.

Источниковедческий комментарий к таблицам

Памятники тюркской рунической письменности разных регионов имеют различную степень изученности. Так, например, вообще не предпринималось попыток чтения большинства надписей бассейна Лены;

памятники Монголии исследовались главным образом в текстологическом отношении; енисейская эпиграфика и лучше всего изучена визуально и, пожалуй, более прочих отмечена позднейшими поправками (это касается и текста и чтения), а памятники Средней Азии, представленные в основном керамикой, поддаются исследованию с трудом по причине своей краткости и фрагментарности. Общая характеристика источников по регионам дана в предыдущей главе, здесь же отметим особенности отдельных памятников, выявленные в процессе составления таблиц или имеющие отношение к последним.

Вертикаль I. Только три памятника из бассейна Лены имеют варианты чтения, поэтому полностью систематизировать графический фонд в данных графо-фонематических таблицах можно лишь условно. Фонетические соответствия некоторым графемам региона могут быть установлены весьма гипотетически, и в таких случаях графемы отмечены в таблицах знаком вопроса. На современном уровне изучения памятников отдельные графемы этого региона не поддаются определению и потому помещены в табл. 36 или в каких-то других таблицах для возможной корреляции с формально сходными вариантами иных регионов.

Вертикаль II. При систематизации графического фонда памятников бассейна Енисея по разным причинам некоторые тексты учтены не были. Памятники 16, 21-23 (Чаа-Холь 1У, 1Х-Х1), 35-36 (Туба I-II), 38 (Ак-Юс) были изданы в виде реконструированных текстов, выполненных типографским шрифтом в ФАтласе. Текстологические исследования названных памятников велись по эстампам Гельсингфорского музея В.В.Радловым¹², и в дальнейшем его чтение этих памятников повторялось другими исследователями¹³. Однако для изучения палеографии данных памятников нефаксимильное их издание является недостаточным. Памятник 24 (скала Хая-Ужу) учтен не полностью. Скала была осмотрена и по возможности скопирована в 1973 г. С.Г.Кляшторным и автором этих строк. Проверка комплекса позволила выделить значительно большее число надписей, чем было известно ранее. В таблицах учтена лишь графика известных ранее надписей комплекса Хая-Ужу. Памятники 89-90 (Овюрские плиты) были интерпретированы И.А.Батмановым как памятники, которые отразили формирование знаков тюркской рунической письменности¹⁴. Они не имеют связного текста и содержат отдельные руноподобные знаки, которые ближе к петроглифике, чем к эпиграфике. Так как памятники имели прецедент издания как тюркские рунические, они включены в региональный указатель источников, но учет их графики в системе, по нашему мнению, не обязателен. Памятник 118 не учтен в таблицах по тем же причинам, что и памятники 89-90. Памятники 120-122 остались нам недоступны.

Памятники 18, 19 имеют общее направление текста слева направо, в таблицах эти индексы региона отмечены стрелкой. Так же отмечены индексы некоторых других памятников, которые написаны бустрофедоном или имеют отдельные строки, идущие в направлении, обозначенном стрелкой.

Вертикаль III. Копия памятника (4¹) в Корпусе монгольских надписей¹⁵ вызывает сомнение в правильности ее воспроизведения: отпечаток с негатива в издании выполнен "с изнанки". В текстах комплекса Тайхир-чулуу 11¹-10⁰ отмечается "небрежность" написания. Это вызвано, вероятно, тем, что надписи выполнены краской и кистью по необработанной поверхности скалы, на незначительной высоте, без достаточно твердой опоры. Экспериментальным путем было подтверждено предположение, что большинство текстов выполнено человеком, который стоял на спине лошади¹⁶. В памятнике Ихе-Ханын-нур помимо разделительного знака \downarrow встречается также пунктуационная точка. Воспроизведение в издании памятника 16 не обладает достаточно высоким качеством, поэтому некоторые вызывающие сомнение графемы текста отмечены в таблицах знаком вопроса. Копии памятников 29-33 (новые находки) остались для нас недоступными.

Вертикаль 1У. Таблицы 25-26 фиксируют употребление s/š в памятниках региона только в палатальной позиции.

Вертикаль У. Памятник 7 (фрагмент 1 из Дуньхуана, отмеченный в ДТС кодом ThS III) учтен частично.

Вертикаль У1. В памятнике 3 некоторые строки имеют направление слева направо, и потому некоторые знаки здесь имеют зеркальные варианты. Знак \downarrow в двух местах в этом памятнике и в памятнике 5 является разделителем. Памятник 7 (надпись на деревянной палочке из Ачикташа) учтен в таблицах только с целью формальной корреляции. Памятники 17, 21 не учтены в таблицах, так как, по сообщению С.Г. Кляшторного, их достоверность вызывает серьезные сомнения. Памятники 20, 27 не опубликованы и остались нам недоступны. Графика памятника 22 (надпись на перстне) в таблицах не учтена, так как знаки подчинены орнаменту и в значительной степени искажены стилизацией. Текст памятника 23 был интерпретирован автором его публикации, А.С. Аманжоловым, как смешанный греко-тюркский¹⁷. Эта точка зрения принята далеко не всеми специалистами, и памятник не может считаться безусловно определенным. Введение в таблицу графических данных памятника 24 (иссык-кульская чашечка) ввиду его дискуссионного характера осложнило бы дифференциацию графического фонда памятников, в принадлежности которых к тюркской рунике сомнений не возникает. Поскольку данная систематизация всего фонда тюркской руники является первым опытом; нам представляется, что необходимым условием для построения выводов будет исследование в настоящей работе только памятников, имеющих традиционную хронологию - VII-XI вв.

Вертикаль УII. Знак \rangle в памятниках региона отличается малым по сравнению с другими знаками размером. Памятники 13, 15, насколько нам известно, не опубликованы и остались нам недоступными.

Пояснения к таблицам

Ниже предлагается описание конкретных особенностей каждой таблицы, пояснение частных случаев и исключений.

Таблица 1 - / а; ä /, содержит 20 графических образцов. Горизонтали 6-8 учитывают графемы рукописных (пером) текстов на

бумаге. Все графемы горизонталей 12-19 соответствуют фонеме / ä /. Графемы памятника 16 (вертикаль III – горизонталы 12, 19, 20) фонетически не интерпретированы. Вариант горизонтали 20 учтен в табл. 36.

Т а б л и ц а 2 – / i; i: ä /, содержит 13 графических образцов. Горизонталы 1, 3 объединяют идентичные варианты, но в рукописном (пером) и эпитафическом (на камне) исполнении.

Т а б л и ц а 3 – / o; u /, содержит 13 графических образцов. Графема горизонтали 6 отличается в текстах малым размером по сравнению с другими знаками. Горизонталь 9 объединяет идентичные варианты в рукописях (пером) и в эпитафике.

Т а б л и ц а 4 – / ö; ü /, содержит 14 графических образцов. Угол соединения элементов знаков передан приблизительно: меньше 90°, 90°, более 90°. Горизонталы 8, 12 объединяют идентичные варианты в рукописях (пером) и в эпитафике.

Т а б л и ц а 5 – / b¹ /, содержит 26 графических образцов. Горизонталь 3 учитывает рукописный образец. Горизонталы 4 и 6 объединяют в колонке образцов по два варианта, имеющих незначительные различия функционального характера; вертикаль II учитывает здесь памятник 91 ("Беделигский валун"), на котором имеются беспорядочно расположенные отдельные знаки рунического алфавита. Графемы горизонталей 11, 12, 24 фонетически не интерпретированы и приведены здесь для формальной корреляции. Памятник 10 (вертикаль У – Восточный Туркестан), из которого взята графема горизонтали 19, не имеет достаточно обоснованного чтения (т.е. фонетической интерпретации), поэтому индекс памятника отмечен знаком вопроса. Варианты горизонталей 11, 12, 24 учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 6 – / b² /, содержит 38 графических образцов. Графемы горизонталей 5, 11, 12 не подверглись, как можно подумать, частичному разрушению на памятниках, а высечены именно в таком незавершенном виде. Горизонталь 20 объединяет идентичные варианты в рукописях (пером) и эпитафике. Графема горизонтали 34 дана здесь для формальной корреляции. Аллографы горизонталей 1, 2, 34 учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 7 – / d¹ /, содержит 20 графических образцов. Горизонталь 7 демонстрирует графему из рукописного (пером) текста. Горизонталы 8, 9 объединяют по два варианта, встречающихся в пределах одного текста. Аллографы горизонталей 17, 18 (вертикаль I – Прибайкалье) фонетически не интерпретированы и учтены в таблице для формальной корреляции.

Т а б л и ц а 8 – / d² /, содержит 10 графических образцов. Особенностью графем таблицы в целом является почти полное сходство рукописных и эпитафических вариантов. Для рукописных памятников уникальной является графема горизонтали 8. Аллографы горизонталей 9 воспроизведена по единственному изданию утерянного памятника. Она формально выпадает из графического фонда данной фонемы. В табл. 36 учтены варианты горизонталей 9, 10.

Т а б л и ц а 9 - / ʒ /, содержит 21 графический образец. Горизонталы 1, 5 объединяют идентичные варианты рукописей (пером) и эпиграфики; горизонталь 6 демонстрирует рукописный вариант. В табл. 36 учтена аллографа горизонталы 12.

Т а б л и ц а 10 - / g /, содержит 29 графических образцов. Некоторые графемы таблицы могут быть фонетически интерпретированы как / g / и как / k / в зависимости от своей позиции. В формальном отношении этот фонетический перебой также находит определенное отражение (ср. сходство некоторых вариантов данной таблицы и табл. 14). Горизонталы 1, 13 объединяют почти идентичные варианты из рукописей (пером и кистью) и эпиграфики; горизонталы 5, 6 демонстрируют рукописные варианты. Горизонталь 22 (и 23 в региональной вертикали УП - Средняя Азия) учитывает графику надписей на керамике, имеющую функциональные особенности (нанесены стекой до обжига). Один из этих вариантов (в горизонталы 23) учтен в табл. 36.

Т а б л и ц а 11 - / j¹ /, содержит 13 графических образцов. Горизонталы 1, 6 объединяют почти идентичные варианты из рукописей (пером) и эпиграфики. Горизонталь 2 объединяет три однотипных варианта, различия здесь объясняются, по нашему мнению, лишь "небрежностью" написания. Вариант горизонталы 3 учтен отдельно, но, вероятно, мог бы быть объединен с вариантом горизонталы 1: здесь скорее всего царапина или след срыва руки резчика.

Т а б л и ц а 12 - / j² /, содержит 18 графических образцов. Горизонталь 1 демонстрирует вариант из рукописи на коже ("документ с горы Муг"). Графема горизонталы 16 (граффити из Восточного Туркестана) имеет нехарактерное для руники "подножие". Графема горизонталы 17 фонетически не интерпретирована и учтена здесь для формальной корреляции. Варианты горизонталей 10, 16, 17 учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 13 - / q / - основное значение; (o)q/(u)q; q(o)/q(u), содержит 28 графических образцов. Графемы горизонталей 1 - 12 являются вариантами одной аллографы и одновременно наиболее распространенным графическим соответствием данной фонемы. Вариант горизонталы 12 (региональная вертикаль III) отмечен только в монгольском издании памятника (CSM, с.35). Графемы горизонталей 13-18, по нашим наблюдениям, соответствуют данной фонеме в наиболее заднеязычной позиции. Графемы горизонталей 19-20 отмечены только в енисейских памятниках (вертикаль II), и до настоящего времени, как нам кажется, их окончательная фонетическая интерпретация не предложена. Варианты горизонталей 21-24 отмечены (за исключением только одного случая - енисейский памятник 10) только в фонетическом соседстве с губной гласной. Горизонталь 2 объединяет почти идентичные варианты из рукописей (пером) и эпиграфики; горизонталы 17, 18 демонстрируют только рукописные аллографы. Вариант горизонталы 21 (региональная вертикаль 1У) вынесен в сетку таблицы из-за незначительной детали - удлинения и слабого изгиба ствола. Варианты горизонталей 16, 19, 20 учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 14 - / k /, содержит 30 графических образцов. Некоторые графемы таблицы, в зависимости от своей позиции, могут фо-

нетически интерпретироваться как / k / и как / g / (формальная близость соответствующих графических вариантов также заметна, см. табл. 10). Фонетическая интерпретация графем горизонталей 7, 8 вызывает сомнение, графемы отмечены знаком вопроса. Горизонталь 13 объединяет варианты рукописей (пером) и эпиграфики. В сетке таблицы в этой же горизонтали помещены имеющие незначительные отличия варианты эпиграфики (вертикаль II) и рукописи (кистью; вертикаль У – Восточный Туркестан). Горизонталь 22 объединяет редкие аллографы, вторая из них отмечена только в регионе II (индекс памятника отделен пунктиром). Варианты горизонталей 7, 8, 9, 10 учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 15 – / (ö / ü) k (ö / ü) /, содержит 17 графических образцов. Горизонталь 2 объединяет варианты рукописей (пером) и эпиграфики. В сетку таблиц в этой же горизонтали вынесены сходные варианты эпиграфики (вертикали I, II, 1У) и рукописи (кистью; вертикаль У). Варианты горизонтали 2 (только из региональных вертикалей I и II) учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 16 – / i¹ /, содержит 10 графических образцов. Горизонталь 1, 3 объединяют варианты рукописей (пером) и эпиграфики. Горизонталь 5 демонстрирует аллографу, фонетически не интерпретированную (графити из Восточного Туркестана).

Т а б л и ц а 17 – / i² /, содержит 10 графических образцов. Горизонталь 1 объединяет идентичные варианты функционально различных памятников. Угол, образуемый лучами в верхней части графем, во всех случаях меньше или равен 90°.

Т а б л и ц а 18 – / m /, содержит 50 графических образцов. Горизонталь 19, 20, 28, 33, 36, 38, 39, 40 объединяют близкие, но не идентичные варианты. Графема горизонтали 22, вероятно, частично стерлась (памятник Хойто-Тамир I, выполнен краской). Вариант горизонтали 29 отмечен только в монгольском издании памятника (CSM, с. 39). Графемы горизонталей 30–36, 41 в фонетическом отношении интерпретированы гипотетически. Варианты горизонталей 29–41 учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 19 – / n¹ /, содержит 6 графических образцов. Горизонталь 1 объединяет идентичные варианты рукописей и эпиграфики. Вариант горизонтали 4 отличается в памятниках значительно меньшим размером. Аллографу горизонтали 5 учтена здесь как пример орфографического перебора в тексте.

Т а б л и ц а 20 – / ŋ /, содержит 18 графических образцов. Горизонталь 1, 6, 11, 12 демонстрируют по несколько вариантов, имеющих незначительные расхождения. Варианты рукописных памятников учтены в горизонталях 1, 3, 11 (вертикаль У). Вариант горизонтали 8 в данном тексте фонетически интерпретирован не окончательно и поэтому учтен также в табл. 36.

Т а б л и ц а 21 – / n² /, содержит 26 графических образцов. В горизонтали 1 (вертикаль II) отмечен частично разрушенный вариант. Горизонталь 6 объединяет почти идентичные варианты рукописей (пером) и эпиграфики. Срыв руки писца повлиял, вероятно, на модуль варианта, зафиксированного в горизонтали 21. Горизонталь 24 демонстри-

рует для формальной корреляции фонетически неопределенную графему. В табл. 36 учтены варианты горизонталей 23, 24.

Т а б л и ц а 22 - / р /, содержит 7 графических образцов. Горизонталь 1 объединяет варианты рукописных памятников и эпиграфики, горизонталь 4 демонстрирует рукописный (пером) графический вариант.

Т а б л и ц а 23 - / r /, содержит 19 графических образцов. Горизонталю 8, 9, 12 объединяют варианты как из рукописных памятников, так и из эпиграфических. В табл. 36 вынесена аллографа горизонталю 10.

Т а б л и ц а 24 - / r² /, содержит 25 графических образцов. Горизонталь 1 объединяет близкие варианты рукописных и эпиграфических памятников, горизонталю 17-21 демонстрируют только рукописные варианты. Горизонталю 11, 14 объединяют по две формально близкие графемы (разделены пунктиром). В сетке таблицы индексы памятников разделены пунктиром соответственно графемам. Горизонталь 15 в сетке таблицы (региональная вертикаль 1У) имеет близкий к образцу вариант, различие объясняется, по-видимому, небрежностью резчика. Графемы горизонталю 10, 20, 21 учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 25 - / s¹; š¹ /, содержит 30 графических образцов. Распределение графем в табл. 25-26 связано с определенными трудностями. Отмечавшиеся в научной литературе многочисленные случаи пербоев s/š 18 отразились также и в графике. В памятниках (иногда даже в пределах одного текста) для одной и той же фонемы на письме употребляются различные аллографы, которые могут оказаться как в палатальном, так и в велярном рядах.

Горизонталь 14 объединяет варианты рукописных и эпиграфических памятников. Горизонталю 20, 21 демонстрируют только рукописные (пером) образцы. В горизонталях 17, 23 в сетке таблицы учтены варианты, имеющие незначительные расхождения с графемами из колонки образцов. В горизонталю 18 (вертикаль П) учтена аллографа, фонетическое значение которой твердо не установлено. Графемы горизонталю 18, 19, 21, 22, 23, 24 учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 26 - / s²; š² /, содержит 29 графических образцов. В горизонталю 1 (вертикаль У) отмечен рукописный вариант с дополнительной точкой. Горизонталю 14, 16 объединяют близкие рукописные и эпиграфические варианты. Горизонталь 20 содержит рукописные аллографы, имеющие спорную фонетическую интерпретацию. Горизонталь 22 объединяет варианты, различающиеся только поворотом оси на 90°. Фонетическая интерпретация горизонталю 24 вызывает сомнения. Варианты горизонталю 1 (вертикаль У), 19-24 учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 27 - / t¹ /, содержит 19 графических образцов. В горизонталях 1, 3 в сетку таблицы вынесены незавершенные или частично разрушенные варианты. Горизонталь 7 объединяет близкие эпиграфический и рукописные варианты. В горизонталю 11 в сетку таблицы вынесены два варианта, встречающиеся одновременно с вариантами горизонталю 12. Горизонталь 12 объединяет варианты, имеющие различие лишь в детали графемы, вызванное функциональными причинами.

Т а б л и ц а 28 - / t² /, содержит 20 графических образцов. Горизонталь 9 демонстрирует графему, которая была, по-видимому, случайной: в памятнике, за исключением этого единственного случая, в данной фонетической позиции регулярно употребляется графема горизонтали 10 (см.).

Т а б л и ц а 29 - / ʃ /, содержит 12 графических образцов. Горизонтали 8, 12 демонстрируют только рукописные варианты. Как регулярное орфографическое нарушение в тексте одного памятника учтена графема горизонтали 11. Вариант горизонтали 12 учтен в табл. 36.

Т а б л и ц а 30 - / z /, содержит 48 графических образцов. Для данной фонемы отмечено наибольшее количество аллограф и вариантов. Пунктиром разделены варианты, имеющие значительные авторские или композиционные различия, без пунктира в одной горизонтали объединяются близкие варианты эпиграфических и рукописных памятников. В горизонталях 1, 3, 4, 9, 13, 15, 21, 22 учтены графемы, отличающиеся друг от друга наклоном или поворотом осей. Горизонталь 1 (вертикаль I) для формальной корреляции дополнительно учитывает графему фонетически не интерпретированную, она вынесена в табл. 36.

Т а б л и ц а 31 - / ʒ /, содержит три графических образца. Закономерность употребления графемы не установлена.

Т а б л и ц а 32 - / ñ /, содержит 9 графических образцов. В некоторых случаях аллографа трудно различима в текстах, как, например, в памятнике 68 (вертикаль II), и ее легко спутать с формально сходными. Вариант горизонтали 6 учтен в табл. 36.

Т а б л и ц а 33 - / n³: ɳ /, содержит 13 графических образцов. Варианты горизонтали 10 отмечены только в одном памятнике вертикали III (памятник Хойто-Тамир, надписи 1, 2, 6). В ряде случаев фонетическое значение графемы точно не установлено. Вариант горизонтали 11 учтен в табл. 36.

Т а б л и ц а 34 - / ɳʃ /, содержит 17 графических образцов. Горизонтали 7, 11 демонстрируют эпиграфический и рукописный варианты. Горизонталь 12 демонстрирует варианты, отмеченные в пределах одного памятника; изображение графемы нечетко. Варианты горизонталей 10, 11 учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 35 - для графемы данной таблицы существует несколько фонетических интерпретаций, наиболее распространенными из которых являются / -baʃ-; -rt- / . Таблица содержит 8 графических образцов. В некоторых регионах графема зарегистрирована только как петроглифический элемент. Варианты всех горизонталей учтены в табл. 36.

Т а б л и ц а 36¹⁹. Свидетельством слабой изученности тюркской рунической палеографии является довольно большое число графических единиц, фонетическая интерпретация которых у исследователей противоречива. Фонетическое соответствие большинства из приводимых в таблице графем вообще не установлено. Иногда в редких памятниках некоторые графемы из числа приведенных в табл. 36 получают безусловное фонетическое определение. Так, например, в памятнике 41 (Хемчик-Чыргакы) в целом ряде известных (и широко употребляющихся в иной

орфографии) по другим памятникам слов сравнительно легко устанавливаются фонетические эквиваленты для некоторых очень редких аллограф. Однако в других памятниках даже этого региона, а тем более в отдаленных от него аналогичные фонетические эквиваленты данных аллограф совершенно не соответствуют чтению. В настоящей работе попытка дешифровки этих знаков не предпринимается; они лишь учтены в специальной таблице, которая носит информативный характер. В таблице фиксируются уникальные или очень редкие аллографы, как бы выпадающие в формальном отношении из системы графического фонда определенной фонемы. В полном объеме эти графемы выделены впервые и приведены здесь как дополнение к общему графическому фонду тюркской руники. Знаки сгруппированы по принципу формальной близости. Порядок их в каждой группе обозначен арабскими цифрами в клеточке над знаком. Под знаком указываются индексы региона и памятника, где зафиксирована данная графема.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Учет и дескриптивная систематизация всего графического фонда тюркской рунической письменности, предпринятые в предыдущей главе, представляют собой обобщение единичных фактов материала исследования, а это позволяет произвести качественный и количественный анализ графики памятников. Основной методологической задачей здесь становится выявление необходимой суммы палеографических характеристик, позволяющей сопоставить отдельные памятники и определить место каждого из них в региональной системе. Подобная качественная корреляция применяется в древнетюркской палеографии впервые, и поэтому одновременно решается вопрос о возможности ее применения в данном исследовании. Это обстоятельство и потребовало параллельной разработки методики описания рунических графем.

Статистическая программа исследования

Наблюдения над особенностями графики отдельных памятников и субъективные палеографические характеристики некоторых групп текстов (в отрыве от всего фонда) дали в прошлом немало интересных выводов. Однако функциональный характер самих источников, сложность генезиса и семантической интерпретации тюркской рунической письменности, многообразие ее графики поставили перед визуальными методами исследования серьезные препятствия, которые на современном уровне требуют развития прежде всего самой методики изучения графического фонда тюркской руники как исторического источника. Располагая систематизированным обобщением графики почти всех известных памятников тюркской рунической письменности, можно предложить статистическую программу дальнейшего исследования.

Каждая из графо-фонематических таблиц объединила серию аллограф и вариантов, соответствующих определенной фонетической единице. Причем видовая горизонталь показала, какие памятники того или иного региона могут быть объединены по принципу палеографической общности (или, наоборот, какие отмечены уникальными графическими фактами). Подобные региональные группы памятников не оставались постоянными во всех таблицах: проявилась лишь большая или меньшая степень совпадения состава этих групп. Число вариаций палеографической сочетаемости памятников обыч-

ным способом трудно подсчитать даже применительно к регионам с малым количеством известных текстов. Что же касается памятников Монголии и бассейна Енисея, например, то здесь подобный количественный (счетный) анализ оказалось возможным провести только с помощью вычислительной техники.

Для определенных выводов тем не менее достаточно простейшей статистической программы, которая позволяет установить наиболее яркие палеографические связи между памятниками. Подобную простейшую программу демонстрирует табл. 37 (I-УП) - "Статистика палеографических совпадений в регионах". Каждая из семи программ таблицы содержит в качестве координат индексы памятников по регионам в соответствии со списком источников, данным в гл. II. На пересечениях координат зафиксировано число идентичных палеографических фактов в памятниках, соответствующих этим координатам. Исходным материалом для составления программ послужили графо-фонематические таблицы (1-35), которые учитывают и систематизируют графический фонд тюркской руники. Для большей наглядности и четкости в определении палеографической общности памятников в программах учтены только данные многовариантных графем. Как показали наблюдения, графемы, помещенные в табл. 1 (J), 2 (r), 3 (>), 8 (X), 11 (D), 16 (v), 17 (Y), 19 (), 20 (v), 22 (1), 25, 26 (в двух последних таблицах имеются в виду лишь аллографы простейшей геометрической формы, например: | и т.п.), 29 (A), не влияют достаточно существенно на региональную интеграцию памятников из-за упрощенной геометрической формы зафиксированных в них знаков. Различия вариантов, отмеченные в этих таблицах, связаны, как правило, с произвольной величиной угла соединения элементов графем, незначительными отклонениями в пространственной ориентации их деталей. Обе эти особенности в тюркской рунической эпиграфике почти всегда могут быть объяснены функциональными причинами¹, а не определенной письменной традицией. Об этом говорит также нерегулярность какого-либо варианта одной из перечисленных графем даже в пределах одного текста. Например, в памятниках: I - 13; II - 5, 18, 41, 43, 45, 59, 68, 88, 99 и др.; III - 2, 5, 11, 16, 22 и др.; 1У - 7, 14; У - 8, 11; У1 - 2, 14 и др.; УП - 14, 1Б².

Проверка возможности отбора данных для статистического анализа была произведена экспериментально. В табл. 37 (1У, 1У-а, У, У-а) приведены по два варианта программы: один учитывает все данные (1У-а, У-а), другой - только избранные (1У, У). Несмотря на разницу в числовых показателях совпадений палеографических характеристик, общая картина региональной интеграции памятников остается почти одинаковой - наиболее яркие палеографические связи сохраняются между одними и теми же памятниками. Новые точки на пересечении координат в полном варианте программы, отмеченные значительным числом палеографических совпадений, фиксируют палеографические совпадения в различных памятниках

только знаков простейшей геометрической формы, т.е. тех, которые не могут быть существенно изменены влиянием школы или традиции. Эта особенность, как видно из таблицы, одинаково проявляется в данном эксперименте при статистическом анализе и каменописной эпиграфики Алтая и рукописных памятников Восточного Туркестана. В I и IV-VII региональных сетках табл. 37 кружочками выделены наиболее частые палеографические совпадения определенных памятников данных регионов.

В целях дополнительной корректировки программ были выделены также памятники, в текстах которых имелись уникальные аллографы, не встречающиеся больше ни в одном другом из известных в настоящее время. Субъективным условием для выделения памятников по этой характеристике было принято наличие двух уникальных аллографов в тексте: учитывая краткость древнетюркских памятников, это можно считать достаточно высоким процентом. Таблица 38 учитывает по регионам памятники, тексты которых содержат две или более уникальных аллографов (их число обозначено в таблице звездочками). Индексы этих памятников в таблицах палеографических совпадений на региональном уровне – табл. 37 (I – VII) – отмечены звездочкой.

Особенности региональных систем

Прежде чем представить палеографические совпадения на региональном уровне в виде изографов, необходимо прокомментировать некоторые региональные особенности данных табл. 37 (I – VII).

Т а б л и ц а 37 (I), отражающая палеографическую ситуацию прибайкальско-ленского региона, коррелируется здесь с остальными региональными системами лишь условно по изложенным выше причинам. Малое количество текстов региона и их краткость позволили учесть все без исключения комбинации графической сочетаемости. Употребление различных уникальных аллографов позволяет выделить памятники 1, 2, 5. Незначительный объем регионального графического фонда и отсутствие фонетической интерпретации не позволяют пока достаточно убедительно наметить региональную интеграцию памятников. Поэтому изограф фиксирует только палеографические связи.

Т а б л и ц а 37 (II), отражающая палеографическую ситуацию в памятниках бассейна Енисея, является наиболее обширной из-за огромного объема своего графического фонда: она учитывает 108 памятников. Координаты 76–85, 103 соответствуют надписям на металлических предметах; 102 – на кости; остальные координаты соответствуют каменописным текстам. Различные уникальные аллографы позволяют выделить памятники 2, 10, 24, 27, 32, 41, 43, 45, 87, 88, 92, 100. Региональная система не учитывает памятники 16, 21–23, 35, 36, 38, 47, 106, 110, 119–126 по следующим причинам:

16, 21-23, 35, 36 - памятники известны лишь по зарисовкам, факсимильные копии не публиковались;

38 - текст был нанесен краской на скале, фото не публиковалось (к настоящему времени памятник не сохранился);

47 ("памятник из Суджи") - памятник учтен в составе монгольской региональной группы; см. табл. 37 (III), памятник 8;

106-110 - надписи сильно выветрились, необходимо дополнительное копирование;

119-126 - памятники находились в поле и в период подготовки данной работы мы не располагали факсимильными копиями надписей.

Т а б л и ц а 37 (III), отражающая палеографическую ситуацию монгольского региона, учитывает 28 памятников. Фрагменты памятников 1, 2, 4 (отмеченные индексами 1¹, 2¹, 4¹) в палеографическом отношении дополняют данные основной части соответствующих текстов, и поэтому координаты 1 и 1¹, 2 и 2¹, 4 и 4¹ должны рассматриваться в комплексе. Различные уникальные аллографы отмечены в памятниках 2, 4¹, 5, 11¹. Региональная система не учитывает памятники 29-33, так как ко времени настоящего исследования не были опубликованы их факсимильные копии. Кроме того, региональная система не учитывает отдельные руноподобные графемы тамбового комплекса Шивэт-улан³. На таблице четко выделяется центральная часть, которая соответствует комплексу надписей на культовой скале Тайхир, являвшейся объектом паломничества 11¹-10)4.

Т а б л и ц а 37 (IУ), отражающая палеографическую ситуацию в алтайских текстах, учитывает 14 памятников. Координаты 1, 3, 4, 5, 6 соответствуют надписям на мелких металлических предметах, остальные - каменописным наскальным текстам. Несколько уникальных аллографов отмечены в памятниках 7, 9, 13. В региональной системе не учтены новые находки 1980 г., которые пока не опубликованы (готовятся нами к печати). Табл. 37 (IУ-а) учитывает весь графический фонд региона (в том числе и аллографы простейшей геометрической формы) и является вариантом, назначение которого описано в предыдущем разделе главы.

Т а б л и ц а 37 (У), отражающая палеографическую ситуацию в текстах из Восточного Туркестана, учитывает 11 памятников. Координаты А. 1-8 соответствуют рукописным текстам, Б. 3 - надписи на зеркале, Б. 1, 2, 4 - граффити на штукатурке. Различные уникальные аллографы отмечены в памятниках А. 2, 4, 6, 8; Б. 1, Табл. 37 (У-а) учитывает весь графический фонд региона (в том числе и аллографы простейшей геометрической формы) и является вариантом, назначение которого описано в предыдущем разделе главы.

Т а б л и ц а 37 (У1), отражающая палеографическую ситуацию в надписях Северной Киргизии и Казахстана, учитывает 20 памятников. Координаты 1-5, 8-12 соответствуют однотипным валунам с надписями из урочища Айртам-Ой; координата 6 - наскальной надписи; 7 - надписи на известной деревянной палочке (из-за недо-

статочно убедительной интерпретации надписи памятник учтен здесь лишь для визуальной корреляции и не влияет на последующие выводы); 15, 25 – соответствуют надписям на зеркалах; 13, 14, 16, 18, 19, 26 соответствуют руноподобной эпиграфике, интерпретация которой является дискуссионной (эти тексты также учтены в целях визуальной корреляции и не влияют на последующие выводы). Различные уникальные аллографы отмечены в памятниках 7, 14, 19. Региональная система не учитывает памятники 17, 20–24, 27 по следующим причинам: 17, 20, 21 – ряд исследователей высказывает сомнения в подлинности памятников; 22 – руноподобные знаки на бронзовом перстне функционально стилизованы и по этой причине недостаточно убедительно интерпретированы; 23, 24 – хотя памятники имели прецедент издания как тюркские рунические, связь их с тюркской руникой – по нашему мнению, справедливо – не признается многими исследователями; 27 – памятник не интерпретирован в историко-филологическом отношении.

Т а б л и ц а 37 (VII), отражающая палеографическую ситуацию в среднеазиатской рунике, учитывает 15 памятников. Координаты 1–9, 14, 16 соответствуют фрагментам на керамике; координаты 10, 11 – надписям на металлических предметах; 12 – руноподобным знакам на каменной стеле; координата 1^Б – рукописному документу с горы Муг (который, по-видимому, надо сравнивать с образцами рукописной руники из Восточного Туркестана). Различные уникальные аллографы отмечены в памятниках 10, 14, 1^Б. Памятники 13, 15 известны лишь по упоминаниям в научной литературе, но не публиковались; памятник 17 (фрагмент на керамике, близкий в палеографическом отношении к памятнику 16) был найден недавно и поэтому не учтен в настоящем исследовании.

Возможность формализованного решения

Статистика палеографических отношений на региональном уровне, представленная в табл. 37 (I–VII), является обобщением первичной систематизации аллограф и вариантов, которые встречаются в 85% памятников приведенного перечня. Для решения региональных систем можно предложить метод формализации, разработанный для анализа археологических источников (в том числе для функционально близкой нашему материалу петроглифики) в коллективной монографии И.С.Каменецкого, Б.И.Маршака и Я.А.Шера⁵.

Особенности метода формализации и применения этого метода в нашей работе обусловлены тем, что здесь при исследовании материала сопоставляются различные конструкции, относительно единообразные и устойчивые, которые позволяют выявить закономерности (т.е. наиболее яркие связи) внутри системы (т.е. фонда тюркской руники азиатского ареала). Формализация преобразует и делает гораздо более доступными для восприятия все региональные статистические системы или исходный материал, который теперь можно частично или полностью выразить математическими (начер-

тательными) средствами и сделать тем самым доступным проверке. Ниже предлагается несколько типов решений региональных систем тюркской руники. Их конкретные формы объясняются в специальных разделах. Здесь следует отметить лишь два этапа подобного решения. На первом (схемы табл. 39) внутри каждого региона выделяются лишь группы памятников, имеющие определенные общие графические показатели. Однако вся гамма палеографических связей внутри региона, объем контактов каждого конкретного памятника и его место в региональной графической системе остаются во многом незафиксированными. Второй этап — это моделирование, при котором для сокращения интуитивного момента в определении палеографической характеристики памятника данные статистических таблиц (37, I–VII) и региональные изографы табл. 39 могут быть совмещены в формализованных региональных моделях (табл. 41–45). Модели наглядно демонстрируют значение и место каждого памятника в региональной системе.

Формы решений региональных статистических систем

Для региональных статистических систем тюркской рунической графики (за исключением енисейских памятников, которые далее рассматриваются особо) нами предлагаются начертательные варианты решений (табл. 39, I, III–VII). Каждый подобный региональный вариант представляет собой изографическую схему, отражающую в пространстве существование взаимной палеографической зависимости памятников в регионах.

Принцип построения изографических схем требует локализации на одной прямой индексов тех памятников, палеографическая близость которых достаточно четко определяется многократными совпадениями графических фактов. Изографическая схема произвольно располагается в пространстве, направленность векторов и пересечения их не являются ориентированными. Единственным обязательным условием стало расположение индексов памятников единой палеографической общности ("школы" ⁶) на одной прямой. Внешний вид схем, естественно, не мог быть предусмотрен заранее; в связи с этим следует заметить, что ориентация отдельных векторов и углы пересечения их могут иметь какие-то варианты (возможны также замечания и с точки зрения чертежной эстетики), однако это никак не влияет на результаты решения.

В схемах не учтены памятники, палеографические связи которых не устанавливаются достаточно четко совпадениями элементов функциональной, композиционной, авторской характеристик и другими графическими фактами (об этом см. выше, с. 45–46).

Иных форм анализа систем тюркской рунической графики требуют памятники Монголии и бассейна Енисея.

Среди памятников Монголии особое место занимают тексты комплекса Тайхир-чулуу (11¹-10): эти тексты нанесены краской на поверхности скалы и выполнены разными лицами, представите-

лями различных графических школ в тюркской рунике. Скала являлась объектом паломничества, потому графика текстов этого памятника объединяет палеографические особенности почти всех других памятников данного условного региона (а также некоторые специфические черты рукописных текстов из Восточного Туркестана). Поэтому нам показалось целесообразным представить решение этой региональной системы в двух вариантах: 1) в виде изографической схемы, отражающей в пространстве палеографическую взаимосвязь памятников региона, т.е. аналогичной прочим, но без учета комплекса Тайхир-чулуу; 2) в виде таблицы, в которой палеографическая ситуация в регионе представлена через круг текстов комплекса Тайхир-чулуу (табл. 40). Результаты решения этой региональной системы будут описаны ниже.

Памятники бассейна Енисея слишком многочисленны для той начертательной формы решения, которая оказалась возможной во всех остальных случаях.

Палеографическая ситуация региона характеризуется относительной целостностью и формальной интеграцией (по ряду палеографических характеристик) больших групп памятников (см. табл. 1-35), поэтому начертательный метод решения региональной системы упирается в технические трудности. Вместе с тем в этом регионе большое число памятников демонстрирует уникальные аллографы (см. табл. 38), и это позволяет провести внутререгиональную дифференциацию памятников бассейна Енисея. При решении графической системы региона на данном уровне нам кажется достаточным установить те группы, которые могут быть интегрированы вокруг памятников, выделяющихся большим количеством уникальных аллограф (по материалам табл. 37 (II), 38).

Расшифровка палеографической ситуации региона, насчитывающего более ста памятников, для унификации с решениями других региональных аналогов должна иметь определенные особенности. Здесь следует показать, по нашему мнению, лишь наиболее контрастные контакты культурно-письменных школ региона. Это обеспечит пропорциональность решения этой региональной системы по сравнению с остальными и облегчит в дальнейшем воспроизведение палеографической ситуации всего ареала распространения тюркской руники. Ограничиться в данной работе такого рода решением следует, по видимому, еще и потому, что памятники бассейна Енисея по всем палеографическим характеристикам не ограничиваются пределами ставшего традиционным в изданиях и условно здесь выделенного региона. Материалы табл. 1-35 показывают многократные графические параллели групп и отдельных памятников бассейна Енисея с памятниками других регионов к югу и к западу. Эти "следы" енисейской руники в других регионах, явившиеся в ряде случаев следствием функциональных причин (в результате повышения, например, "коэффициента искажения образа материалом"⁷), значительно затрудняют установление собственно культурно-письменных межрегиональных связей.

В следующем разделе предлагается расшифровка региональных изограф тюркской руники, которая завершает определенный этап исследования и подготавливает полное систематизированное описание графического фонда тюркской руники на региональном уровне.

Региональная палеографическая интеграция памятников

В результате построения изографических схем определились четыре основные группы памятников в регионах по формальным (графическим) характеристикам. Это: (1) – памятники, имеющие многократные совпадения графических единиц; (2) – памятники, индексы которых на схеме являются векторными вершинами (т.е. надписи, которые могли дать начало нескольким различным палеографическим школам или же испытали влияние разных школ); (3) – памятники, палеография которых значительно отличается от основной региональной группы, но у которых тем не менее прослеживаются слабые связи с нею; (4) – памятники, в которых отмечено по несколько уникальных аллограф (см. табл. 38).

При расшифровке каждой региональной изографы сохраняется данная последовательность перечисленных характеристик. Многочисленность памятников бассейна Енисея обусловила несколько иной принцип интеграции.

1. Прибайкальско-Ленская руноподобная эпиграфика

(табл. 39-1)

Прежде чем описывать результаты решения данной региональной графической системы, следует еще раз заметить, что памятники региона не имеют до настоящего времени достаточно убедительной фонетической и текстологической интерпретации. Однако традиционная точка зрения на памятники этого региона как на тюркоязычные делает возможными как выделение этой региональной группы, так и формальную корреляцию графики надписей.

(1) Совпадение различных палеографических характеристик позволило наметить следующие группы памятников:

- а) памятники 7, 10, 12, 13;
- б) памятники 2, 9, 10;
- в) памятники 1, 15.

(2) В региональной схеме векторными вершинами (т.е. памятниками, палеография которых одновременно связана с различными внутрорегиональными группами) являются индексы: 10, 13.

(3) В наибольшем формальном удалении от региональных палеографических "школ" оказались памятники 3, 4, 5, 6, 14.

(4) Две и более уникальные аллографы отмечены в текстах памятников 1, 2, 5. Наличие уникальных аллограф здесь, как и в других регионах, свидетельствует об определенном местном влиянии на эволюцию модуля, дукта, почерка, пространственную ориентацию графем и т.д. (см. выше, гл. III, с. 46).

II. Памятники бассейна Енисея

В палеографическом отношении эти памятники характеризуются, как было отмечено выше, региональной целостностью и вместе с тем имеют связи за пределами региона. Интегрировать памятники по признакам палеографической общности можно, используя данные табл. 38, где отмечены памятники с уникальными для фонда тюркской руники аллографами.

Более двух уникальных аллограф в регионе отмечено в текстах памятников: 2, 10, 24, 41, 45, 87, 92. Поскольку уникальный характер палеографии каждого из перечисленных памятников выражен достаточно ярко, можно предположить, что все эти надписи (или по крайней мере те из них, в которых уникальные графические факты встречаются многократно) представляют собой образцы различных внутрирегиональных письменных школ. Здесь кроме функциональной композиционной и авторской характеристик большое значение приобретает также характеристика орфографическая. Многовариантные перебои в орфографии, порожденные иногда недостаточным знанием норм правописания, указывают на то, что большинство енисейских надписей выполнялось не профессионалами, а лицами случайными. Локальная орфоэпия при этом влияла на орфографию (и это приводило к отклонениям от письменной нормы) или, вернее, делала ее многовариантной⁸. Анализ орфографии текстов и связь орфографии с графикой могут стать предметом специального исследования. Здесь же возможная интеграция памятников региона предлагается на основании учета только графических характеристик, что соответствует и общему уровню решений.

Наибольшее количество уникальных аллограф отмечено в текстах памятников 24 и 41; на втором месте – 2 и 10; далее следуют 45, 87, 92; и, наконец, – 27, 32, 43, 88, 100, в которых отмечено по две уникальные аллографы.

П а м я т н и к 24 имел культовое назначение и являлся объектом паломничества: поверхность скалы покрыта многочисленными петроглифами, тамгообразными изображениями, имеется ряд надписей. Авторы посетительских надписей, добираясь к памятнику из отдаленных мест, приносили в комплекс черты территориально удаленной письменной школы. Надписи эти не составляют единого текста, – они нанесены разными лицами и в разное время. Об этом говорят и композиция надписей и их палеографическая неоднородность (разные инструменты письма и аспекты авторской характеристики). Поэтому попытки прочесть памятник как единый текст вызывают серьезную и обоснованную критику⁹.

Статистические данные о палеографической ситуации в регионе с наибольшей очевидностью сближают этот памятник с памятниками: 1–3, 5–11, 13–15, 18, 25–32, 37, 41–46, 48–50, 52, 53, 55, 59, 60, 62, 64, 68, 70, 71, 73, 96, 98, 101, 108, 109, 111 (учитывались четыре и более совпадений палеографических характеристик).

П а м я т н и к 41 с точки зрения камнерезной техники выполнен более профессионально по сравнению со всеми другими памятниками региона. Поверхность камня тщательно обработана, резьба тонкая и вместе с тем довольно глубокая, преобладают округлые знаки, имеющие сходство с рукописной руникой, строки текста строго параллельны. Этот памятник имеет особенно четкие палеографические связи с памятниками: 1, 2, 5, 6, 10, 11, 13, 24, 25, 27-30, 32, 42, 46, 49, 51, 59-61, 66, 68, 70, 98.

П а м я т н и к 2 демонстрирует наиболее четкие палеографические связи с памятниками: 1, 6, 7, 11, 13, 17, 24, 25, 27-29, 31, 32, 41, 45, 46, 49-51, 53, 55, 59, 60, 66, 71, 92, 97, 104, 108 (учитывались три и более совпадений палеографических характеристик).

П а м я т н и к 10 - с памятниками: 1, 3, 5-7, 9, 11, 13-15, 17, 18, 24-32, 37, 40-42, 44-46, 48-51, 53, 55, 59-61, 65, 66, 68, 70, 71, 73, 77, 98, 104, 108, 109.

П а м я т н и к 45 - с памятниками: 1-3, 6, 7, 9-11, 13, 17, 24-29, 31, 37, 41, 43, 44, 48, 49, 51, 53, 59, 60, 65, 68, 70-72, 77, 100, 104.

П а м я т н и к 87 - с памятниками: 1, 4, 11, 19, 25, 26, 28, 44, 45, 56, 65, 71, 84, 88 (учитывались 2 и более совпадений палеографических характеристик).

П а м я т н и к 92 - с памятниками: 2, 3, 5, 9-11, 15, 26, 28, 29, 32, 41, 42, 45, 46, 48-50, 53, 55, 59, 73, 77, 98, 108 (учитывались 3 и более совпадений палеографических характеристик).

Далее можно выделить группы, имеющие достаточно четкие палеографические связи с памятниками 27, 32, 43, 88, 100. Это индексы надписей, которые имеют по две уникальные графемы. Их значение для полной оценки палеографической ситуации в регионе достаточно велико, но тем не менее на данном этапе исследования они не рассматриваются, так как введение в общую модель перечисленных памятников сделает менее контрастными связи основных культурно-письменных центров региона.

Сведения о палеографических контактах этих памятников все же окажутся полезными для выяснения, например, эволюции дукта и некоторых других характеристик, для установления промежуточных пунктов и границ распространения определенной школы и т.д. Поэтому здесь приводится подборка сведений о палеографических связях этих памятников, но в модели они не участвуют.

П а м я т н и к 27 демонстрирует наиболее четкие палеографические связи с памятниками: 1-3, 5-7, 10, 11, 17, 24-26, 28, 31, 32, 41, 43-46, 49, 51, 55, 59, 65, 68, 71, 96, 100, 104, 108, 109.

П а м я т н и к 32 - с памятниками: 1-3, 5-7, 10, 11, 17, 24-26, 28, 29, 31, 37, 41-45, 48-50, 53, 55, 59, 68, 71, 96, 98, 100, 104, 111.

Памятник 43 - с памятниками: 1, 7, 11, 13, 17-19, 24-32, 37, 42, 44-46, 48-51, 59, 68, 70, 92, 98, 100.

Памятник 88 - с памятниками: 3, 14, 26, 41, 60-62, 66, 68.

Памятник 100 - с памятниками: 3, 7, 11, 25-29, 32, 43-45, 48, 59, 68, 71, 96, 108, 109.

III. Памятники Монголии (табл. 39-III; табл. 40)

Таблицы демонстрируют изографическую схему и модель региональной палеографической ситуации, причем модель (табл. 40) показывает, как отражены графические особенности памятников региона в наскальном комплексе Тайхир-чулуу, где оказались представленными почти все региональные графические варианты.

Для построения схемы и модели использованы материалы табл. 37 (III), фиксирующие многократные совпадения палеографических характеристик только графем сложной геометрической формы (см. выше, с.60).

На схеме прямые отрезки векторов объединяют индексы текстов, имеющих три и более совпадений палеографических характеристик.

(1) Совпадения палеографических характеристик позволили наметить следующие группы памятников:

а) 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 16;

б) 1, 7, 8, 9, 21;

в) 1, 7, 8, 9, 27;

г) 4, 7, 8, 15, 16;

д) 4, 8, 16, 17;

е) 6, 7, 20;

ж) 1, 24;

з) 1, 18;

и) 17, 18;

к) 12, 22;

л) 12, 28.

(2) Наиболее четко прослеживаются векторные вершины: 1, 4, 7, 8, 9, 12, 15, 17, 21, 27.

(3) В наибольшем формальном удалении от региональных палеографических школ оказались памятники: 22, 24, 28.

(4) Вообще выпадают из региональной графической системы памятники 10 (?), 14, 19 (? - очень краткий текст), 23, 25, 26 (?).

IV. Памятники Алтая (табл. 39-IV; 39-IVa)

Таблица демонстрирует две изографические схемы региональной палеографической ситуации в ссращенном (1У) и более полном (1У-а) вариантах. Для построения схем использованы материалы табл. 37 (1У), фиксирующие совпадения палеографических ха-

рактических только графем сложной геометрической формы (см. выше, первый раздел данной главы).

На схеме 1У табл. 39 прямые отрезки векторов объединяют индексы текстов, имеющих два и более совпадений палеографических характеристик. Сокращенная схема 1У отражает палеографическую ситуацию более контрастно, но в то же время с более высоким коэффициентом искажения (КИ). Региональная палеографическая интеграция, предлагаемая ниже, основана на схеме 1У-а.

(1) Совпадения палеографических характеристик позволили наметить следующие группы памятников:

- а) памятники 4, 7, 8, 12, 13, 14;
- б) памятники 2, 6, 7;
- в) памятники 5, 7, 10.

(2) Векторной вершиной (т.е. памятником, текст которого сочетает особенности различных внутрирегиональных палеографических "школ") стал индекс 7.

(3) В наибольшем формальном удалении от региональных палеографических "школ" оказались памятники 1, 11. Вообще выпадает из региональной графической системы памятник 3.

(4) Две и более уникальные аллографы отмечены в текстах памятников 7, 9, 13.

У. Тексты из Восточного Туркестана (табл. 39-У; 39-Уа)

Таблица демонстрирует две изографические схемы региональной палеографической ситуации в сокращенном (У) и более полном (У-а) вариантах. Для построения схем использованы материалы табл. 37 (У), фиксирующие совпадения палеографических характеристик только графем сложной геометрической формы (см. выше, с. 60).

На схеме У табл. 39 прямые отрезки векторов объединяют индексы текстов, имеющих совпадения палеографических характеристик. Сокращенная схема У отражает палеографическую ситуацию более контрастно, но в то же время с более высоким КИ. Региональная палеографическая интеграция, предлагаемая здесь, основана на схеме У-а.

(1) Совпадения палеографических характеристик позволили наметить следующие группы памятников:

- а) памятники 2, 3, 5, 6, 8;
- б) памятники 5, 10, 11.

(2) Векторной вершиной (т.е. памятником, текст которого сочетает особенности различных внутрирегиональных палеографических "школ") оказался индекс 5.

(3) В наибольшем формальном удалении от региональных палеографических "школ" оказались памятники: 1, 4, 9. Вообще выпадает из региональной графической системы памятник 7.

(4) Две и более уникальные аллографы отмечены в текстах памятников 2, 4, 6, 8, 10.

VI. Памятники Северной Киргизии и Казахстана (табл. 39-VI)

Для построения схемы использованы материалы табл. 37-У1, фиксирующие совпадения палеографических характеристик только графем сложной геометрической формы.

Региональная палеографическая ситуация отличается удивительной последовательностью, и таблица представляет собой одну прямую, соответствующую одной основной культурно-письменной "школе" региона. Статистический контраст между материалами, составившими схему и не вошедшими в нее, настолько велик, что, по нашему мнению, учет этих последних только исказил бы палеографическую ситуацию.

(1) Многократные совпадения палеографических характеристик позволили выделить следующую группу памятников: 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 12. К этой группе последовательно примыкают памятники 11, 25, где, однако, число палеографических совпадений с надписями группы не превышает двух (и то только в некоторых случаях).

(3) В формальном удалении от региональной палеографической "школы" оказались памятники 14, 15, 18, 19. Вообще выпадают из региональной графической системы памятники 4, 7, 13, 16, 27.

(4) Две и более уникальные аллографы отмечены в текстах памятников 7, 14, 19.

VII. Руноподобная эпиграфика Средней Азии (табл. 39-VII)

Для построения схемы использованы материалы табл. 37 (УП), фиксирующие совпадения палеографических характеристик всех графем регионального фонда.

Помимо эпиграфики на керамике в регионе, под индексом 1^Б, учтен рукописный текст на пергаменте с горы Муг. Поскольку этот памятник представляет собой письменное послание, его палеографические аналоги следует искать, вероятно, за пределами региона. По этой причине текст учтен в статистической программе и на схеме только в плане формальной корреляции.

(1) Совпадения палеографических характеристик позволили выделить следующие группы памятников:

а) памятники 1, 4, 12;

б) памятники 5, 7, 11;

в) памятники 1, 5, 6, 14, 1^Б.

(2) Векторными вершинами (т.е. памятниками, тексты которых сочетают особенности различных внутрирегиональных палеографических "школ") являются индексы: 1, 5.

(3) В наибольшем формальном удалении от региональных палеографических "школ" оказался памятник 16. Вообще выпадают из региональной графической системы памятники 2, 3, 8, 9, 10.

(4) Две и более уникальные аллографы отмечены в текстах памятников 10, 14, 1^Б.

Региональные школы письма и их локализация

Изографы табл. 39 фиксируют по регионам определенные группы памятников, которые имеют общие палеографические характеристики. Но общность эта может быть как ярко выраженной, так и едва уловимой, т.е. изографы не могут продемонстрировать активность или слабость связей каких-либо памятников одного региона. Для установления этих показателей следует обратиться снова к таблице палеографических совпадений на региональном уровне (табл. 37, I-УП). Но эта таблица, в свою очередь, не дает возможности четко представить палеографическую ситуацию региона в целом из-за формальных обстоятельств.

Для выделения наиболее контрастных связей памятников в региональных системах и для определения места каждого конкретного памятника в той или иной из них нами построены формализованные региональные модели (табл. 40-46). Модели соответствуют сокращенной палеографической ситуации в регионах и показывают место каждого памятника в региональной графической системе. В моделях I, 1У-УП кружочки с индексами памятников соединены ориентированными графами¹⁰, число которых соответствует числу палеографических совпадений в данных памятниках. Число подобных совпадений легко проверить по табл. 37 (I-УП), и, таким образом, соблюдается основной принцип построения модели - ее полная проверяемость. Вместе с тем становятся легко различимыми визуально те единицы или группы, которые могут быть определены как отдельные периферийные письменные школы в тюркоязычном ареале.

Для регионов II и III, где число памятников значительно выше, чем в остальных, построены модели иной структуры (табл. 40, 46). В этих моделях в центре системы находятся целые группы памятников, выделенные нами по тем или иным причинам, все же остальные памятники региона рассматриваются через эти группы.

Центральную группу модели II (табл. 46) образуют индексы памятников, имеющих более двух уникальных аллограф. Эти памятники представляют внутри региона как бы наиболее яркие самобытные образцы с характерными только для них индивидуальными графическими особенностями. Связи между ними могут быть установлены через остальные памятники региона, не отмеченные в такой же степени индивидуальными особенностями (на концентрических окружностях нанесены индексы основных памятников из числа таких связующих). Закрашенные секторы окружностей обозначают полное отсутствие или очень слабую степень связи. Примечательно, что памятники с большим количеством уникальных аллограф (индексы центральной группы) имеют весьма слабые непосредственные связи между собой. Вместе с тем в регионе легко можно выделить памятники, связанные с двумя или более памятниками центральной группы. Такие палеографические посредники являются определенными этапами (или точками) эволюции в процессах распространения и местной индивидуализации рунических графем. Например, можно сказать, что па-

мятники 51, 71, 65 показывают географический путь между пунктами функционирования различных письменных школ, представленных памятниками 10, 24, 45.

Особую центральную группу модели III (табл. 40) составляют индексы десяти надписей комплекса Тайхир-чулуу. Эти надписи отразили палеографические особенности почти всех других памятников региона. В этой модели связующими звеньями являются памятники центральной группы, т.е. посетительские надписи на скале, служившей объектом паломничества¹¹. Здесь оставили свои следы "посетители" – представители различных письменных школ. И, например, можно сказать, что памятники 10, 21, 28, имея значительное палеографическое сходство с надписями Тайхир-чулуу 1, 7, 10, в меньшей степени могут быть сопоставлены с надписями Тайхир-чулуу 2, 9 и имеют большие расхождения с остальными надписями комплекса. Через секторы, соответствующие названным надписям комплекса, по аналогии устанавливаются и отношения с остальными памятниками региона.

* * *

В построенных региональных моделях визуально легко выделяются наиболее тесные связи между определенными памятниками. Эти группы памятников, отличающиеся палеографическими особенностями, и можно, по нашему мнению, считать образцами одной культурно-письменной школы. Следует подчеркнуть, что исследование предусматривает для выводов только региональный уровень и не содержит межрегиональных корреляций. Именно поэтому почти во всех региональных моделях можно с наибольшей уверенностью выделить только одну-две письменные школы с особенно характерными для данного региона графическими вариантами. Некоторое число памятников оказывается весьма слабо связанным со своими региональными школами, а отдельные памятники вообще таких связей не обнаруживают, что объясняется, с одной стороны, условностью предложенного регионального деления, а с другой – возможным влиянием соседней региональной школы на один или несколько таких памятников. Причем, как можно проследить по схемам размещения памятников (схемы 1-7), памятники, выпадающие из региональной палеографической общности, в большинстве случаев находятся на окраинах данного, условно выделенного региона и могут иметь связи за его пределами.

Некоторое сомнение может возникнуть в тех случаях, когда в составе группы памятников, принадлежащих к одной письменной школе, есть памятник, территориально удаленный от основной группы. Однако здесь можно сослаться на необычно широкое распространение грамотности в тюркоязычной кочевой среде (об этом см. выше) и на тех же "бродячих грамотеев", индивидуальная манера письма которых, определенный набор формул для эпитафийного текста, предпочитаемые особенности композиции, инструмента, материала нахо-

дят свое отражение в памятниках¹². Такой "грамотей" мог сделать своей профессией высекание эпитафий и получать заказы от ближних или дальних соседей.

В предыдущем разделе главы, посвященном региональной палеографической интеграции памятников, в каждом регионе под обозначениями (3) выделялись именно те памятники, которые не испытали значительного влияния графики "своего" региона. Построенные модели как бы проверяют справедливость интеграции памятников под обозначениями (1) и (2).

По модели I одну из локальных школ составляют памятники 1, 15; другую - 7, 10, 13. Причем через памятник 13 можно установить некоторую графическую близость школ. С остальными памятниками региона в большей степени связана лишь вторая группа.

Модель II по изложенным выше причинам в качестве образца различных письменных школ предлагает памятники, содержащие необычно большое количество уникальных графических фактов и выделяющиеся тем самым среди всего фонда тюркской руники. Такими образцами стали памятники 2, 10, 24, 41, 45, 87, 92. Модель II (и предыдущий раздел главы) показывает их региональные связи.

Модель III показывает, что наиболее характерные для региона особенности палеографии сосредоточены в памятниках 1-9, 12, 16 и несколько в меньшей степени - 15, 17, 18, 21, 27. Причем через комплекс 11¹⁻¹⁰ можно установить отношения этой группы с остальными памятниками региона.

Модель IV показывает, что наиболее характерные для региона особенности палеографии сосредоточены в памятниках 4, 7, 12, 13. Памятники школы имеют заметные связи с памятниками 9, 14; отдаленные связи прослеживаются также в памятниках 5, 8.

Модель V показывает, что наиболее характерные для региона особенности палеографии сосредоточены в памятниках 2, 3, 5, 6. Наиболее заметна связь группы с памятником 8.

Модель U1 показывает, что наиболее характерные для региона особенности палеографии сосредоточены в памятниках 1, 2, 5, 6, 8, 10, 12. У некоторых памятников этой группы могут быть прослежены заметные связи также и с памятниками 3, 9.

По модели UII одну из локальных школ составляют памятники 1, 5, 6; другую - 7, 11. Причем через памятник 1 можно установить некоторую географическую близость школ. С остальными памятниками региона в большей степени связана первая группа. Модель допускает также включение в состав первой группы памятника 1Б, но иной функциональный характер памятника (в том числе материала и инструмента письма) заставляет воздержаться от включения его в группу.

Возможности источниковедческой интерпретации

В данной работе ставилась задача, обобщив материалы палеографического исследования тюркской руники, учесть и систематизировать графический фонд памятников и осуществить формализованный анализ особенностей письменности на региональном уровне. Работа является лишь этапом в исследовании тюркской рунической палеографии и интерпретации ее как историко-филологического источника.

Само по себе существование в полукочевой среде оригинальной письменности – факт редкий, и его значение еще более возрастает, когда есть возможность говорить о довольно широком распространении грамотности среди носителей языка. Обзор графического фонда показывает, что эта письменность в тюркоязычном ареале активно функционировала и развивалась. Обилие модификаций знаков почти для каждой фонемы языка подтверждает отсутствие строгого канона и свидетельствует о каллиграфическом творчестве авторов надписей. Они невольно приближали букву к какому-либо знакомому символу, аналогу в богатом наборе петроглифов на каменных монументах, имевших давнюю местную традицию. Недаром многие надписи удачно вписались в более древние произведения изобразительного искусства на камне.

Отсутствие строгого каллиграфического канона и широкий ареал письменности создавали благоприятные условия для активной индивидуализации надписей их авторами. Естественно, что наиболее удачные или имеющие знакомые аналогии (для читателей данной местности) графические варианты оставались в памяти, приживались и постепенно становились локальной графической нормой. Локальное единообразие прослеживается не только в надписях, но и в форме самого памятника. Например, таласские памятники представляют собой почти одинаковые овоидные валуны, енисейские памятники с р. Барык – плоские плиты почти одного размера из красно-коричневого песчаника редкой окраски, шесть надписей с р. Уюк выполнены на однотипных оленных камнях. В композиции и оформлении памятников из одной местности также можно проследить много общего: полукартушное обрамление строк памятников Кошо-Цайдама, бустрофедон в двух чаахольских памятниках, подковообразные надписи памятников Алтын-келя и т.п. В текстах (в большинстве своем эпитафийного характера) набор элементов традиционной формулы иногда также варьируется по аналогии с другими образцами данной местности.

Собственно в графике надписей местная традиция может быть представлена весьма многообразно. Особенно ярко выделяются факты последовательного употребления редких аллографы или варианта, регулярного намеренного изменения пропорции знака (но не в тех случаях, когда на эти изменения повлияли неровности поверхности или срыв руки), его зеркального поворота. К формальной стороне

надписи относятся также особенности пунктуации, например количество точек, выделяющих логические блоки текста, или вид графемы, употребленной в качестве пунктуационного разделителя. Богатый материал для определения местных особенностей дает орфография, и прежде всего орфография таких широко употребляемых слов, как, например, "тенгрим", "елим", "каным", "бёкмедим" и др. Эти слова наиболее удобны для сравнения, так как их можно обнаружить почти в каждой эпитафии в различных комбинациях.

* * *

В настоящей работе рассматривались не все приведенные выше особенности надписей. Материалом для исследования стал только графический фонд, его единицы вне текстов, без учета композиции, пунктуации и орфографии. Графический фонд сам по себе достаточно многообразен и обширен, систематизация его в полном объеме потребовала даже машинной обработки, поэтому материал исследования и был ограничен. Кроме того, орфографические штудии требуют иной методики, равно как и анализ композиции, пунктуации и пр. В результате учета и систематизации графического фонда были установлены основные региональные центры, образцы письменности которых демонстрируют комплекс палеографических черт, характерных только для памятников строго определенной зоны. Палеографическая ситуация всего ареала не восстанавливалась здесь по той причине, что ее аспекты могут быть полностью учтены только после систематизации орфографии памятников. Именно орфографические данные становятся в памятниках тюркской руники мостом между письменностью и говором. Как раз такой мост и необходим для соединения в дальнейшем карты культурно-письменных центров и карты этнической. Построение ареальной схемы на основании только анализа графем фонда могло бы, как представляется, исказить факты и условия межрегиональных культурно-письменных контактов.

Следует заметить, что общий принцип выделения регионов в соответствии с определенной традицией, существующей в тюркской рунологии, в целом оправдал себя. Основная часть памятников группируется в центральной части регионов, в непосредственной близости от важнейших в каждой местности водных артерий. Зоны функционирования характерных для данной территории графических особенностей (т.е. ареалы определенных письменных школ) показаны на картах-схемах регионов. Непрерывной линией ограничены индексы памятников, палеография которых имеет общие особенности для данного региона, отмечены индексы памятников, палеографическая общность которых со школами региона прослеживается слабее. В незамкнутом пространстве остаются индексы тех памятников, связи которых с данной региональной школой не установлены или очень слабы.

Зоны функционирования "школ" почти совпадают с теми местностями, где обильно добывался археологический материал, свидетельствующий об активной общественно-экономической и культур-

ной деятельности человека. Например, в Восточном Туркестане зона совпадает с оазисами и крупнейшими в этом регионе центрами культовой идеологии; в бассейне Енисея зоны совпадают со степными пастбищами Тувы и Хакасии, территории которых можно считать сокровищницей произведений древнего искусства; на Алтае – с древними караванными путями и т.д. Почти все надписи идеологически целенаправленны. Они являются, например, элементами погребального обряда или свидетельством паломничества к культовому объекту; благодарением за удачную охоту, военный поход или сочинениями философского и религиозного содержания. Многочисленные биографические сведения в текстах памятников в честь того или иного лица имеют хроникальный характер, т.е. рассчитаны на письменное фиксирование какого-либо события. Эти текстовые моменты могут свидетельствовать о локализации определенных этнических групп вблизи от подобных памятников.

Понятие "школа письма" не должно рассматриваться как твердо установившаяся, стабильно функционирующая система локальных палеографических особенностей. По-видимому, в рассматриваемый период, который можно грубо датировать по крайним памятникам УШ–XI вв., особенности региональных школ письма окончательно не установились. Они продолжали эволюционировать, оказывать и испытывать влияние, умирать и зарождаться. Примеры неустойчивости палеографической ситуации дают памятники как "окраин", так и "центров" условных регионов. Так, например, енисейские памятники 41, 104, высеченные на камнях, содержат графические варианты, близкие к рукописной рунике Восточного Туркестана; памятники 26, 28, 29 очень близки к Кошо-Цайдамской группе Монголии; памятник 88 – к ленской руноподобной эпиграфике; памятник 88 и Талас-7 – к восточноевропейским рунам.

Уточнение границ функционирования и влияния культурно-письменных школ, выявление межрегиональных связей и общее описание тюркской рунической палеографии оказываются на очереди вслед за первичной систематизацией графического фонда памятников. Учет и систематизация региональных особенностей орфографии памятников даст возможность составить карту палеографической ситуации всего ареала. Многочисленные орфографические перебои в памятниках отражают в немалой степени говоры различных тюркских племен, обладателей своеобразного письменного койне, узаконенного как литературный стандарт и получившего твердую общественную опору в условиях государственного союза¹³. И такая карта, можно полагать, дополнит сведения об этнической структуре и расселении племен в тюркском каганате – одной из крупнейших кочевых империй Центральной Азии средневековья.

В настоящее время памятники тюркской рунической письменности исследуются и используются главным образом в качестве разного рода источников, в том числе и как источник по истории письменной культуры. Это объясняется, по-видимому, значительным объ-

емом накопленного материала, появившейся возможностью устанавливать параллельные историко-филологические корреляции с иноязычными источниками, а также возможностью описывать и обобщать какие-либо особенности фонда памятников в целом.

Визуальный осмотр большинства памятников и использование в остальных случаях факсимильных публикаций позволили выявить почти весь фонд графики тюркских рунических памятников и отразить многообразие модификаций его графических единиц.

Учет и систематизация фонда в графо-фонематических таблицах, в свою очередь, сделали возможным проведение статистического анализа палеографической ситуации в условных регионах концентрации памятников. Статистические системы были в краткой форме решены математическим путем в виде региональных изограф, показывающих возможности сближения определенных групп памятников. С помощью данных статистических систем и изографических выводов были построены формализованные модели палеографической ситуации, устанавливающие связи, их объем и место каждого памятника в регионах. Модели позволили на основании палеографических корреляций всего фонда тюркской руники определить памятники, отличающиеся наибольшей самобытностью графики и претендующие, таким образом, на принадлежность к устойчивым локальным культурно-письменным школам, возникшим в результате распространения и развития рунической письменности в тюркоязычном ареале.

Вместе с тем условность регионального деления, наличие явных, труднообъяснимых межрегиональных связей, особенности датировки и некоторые другие обстоятельства не могут обеспечить полного анализа и описания тюркской рунической палеографии. В работе ставилась лишь задача полностью описать и систематизировать графический фонд памятников, установить наиболее яркие образцы локальных культурно-письменных центров, а также в некоторой степени проследить их следы и влияние в графике других памятников. Данная работа рассматривается нами лишь как первый, описательный этап в деле полного и системного исследования тюркской рунической письменности.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- ¹ N. Witsen. Noord and Oost Tartarye. Amsterdam, 1692; С.У. Ремезов. Чертежная книга Сибири. СПб., 1822, л. 20, 22, 23.
- ² F.J. Strahlenberg. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730 (есть факсимильное издание: "Studia uralo-altaica". Т. 8. Széged, 1975); D.G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Т. 1. Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1721-1722. В., 1962.
- ³ МПДП, с. 11-14; А.Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI-VIII веков. М.-Л., 1946, с. 7-22; Н.А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 23-29; Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под ред. и с введением А.Н. Кононова. М., 1974, с. 80-87; В.М. Насилов. Язык памятников орхон-енисейской письменности. М., 1960; А.М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — ТС-70. М., 1970, с. 111-147; Л.Р. Кызласов. Начало сибирской археологии. — Историко-археологический сборник. М., 1962; он же. Краткая история археологического изучения Тувы. — "Вестник МГУ". 1965, № 3, с. 52-70; С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 5-17; А.Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). Л., 1980, с. 7-13, 42-56.
- ⁴ D.G. Messerschmidt. Forschungsreise (Т. 1, Januar 1721-1722).
- ⁵ Th. Bayer. Vetus inscriptio prussica. — Commentarii Academiae Scientiarum Imp. Petropolitanae. Petropoli, 1729.
- ⁶ P.S. Pallas. Neue Nördliche Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibungen. Т. 5. St.-Pbg., 1793, с. 12 ("Von einer in Sibirien gefundenen unbekanntem Steinschrift"), с. 237-245.
- ⁷ Г.И. Спасский. Записки о сибирских древностях. — "Сибирский вестник". СПб., 1818, с. 12-13, табл. II, III.
- ⁸ Ph. Krug. Inscriptiones Sibiricae: de antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repetitis. Scripsit Spassky, Imperiali Academiae Petropolitanae litterarum commercio junctus. Petropoli, 1827.
- ⁹ Abel-Rémusat. Inscriptiones sibiricae. — «Journal des Savants». 1822, Octobre, с. 595-602.
- ¹⁰ Комментированный перевод Г.И. Спасским рецензии Ж. Абель-Ремюза. — "Азиатский вестник". Кн. 4. СПб., 1825, с. 285-303.
- ¹¹ Роммель. О сходстве начертаний, найденных в Сибири на камнях, с такими же в Германии. — "Сибирский вестник". 1824, ч. 1, с. 1-8.
- ¹² J. Klaproth. Sur quelques antiquités de la Sibirie. — Mémoires relatifs à l'Asie, с. 157-171.
- ¹³ Г.И. Спасский. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. — ЗВОРАО. Т. 12, 1857, разд. 3. Надписи, с. 44 и сл.

- 14 M.A. Castrén. Reiseberichte aus Sibirien. St.-Pbg., 1848.
- 15 Об окончании "первого периода дискуссии" см.: А.Н. Бернштам. Социально-экономический строй, с. 14; см. также: Н. Попов. Три лекции о системах письменности у народов Северной и Восточной Азии. — ИВСОИРГО. Т. 5, № 1-2. Раздел 2, с. 10, 16.
- 16 H. Vámbéry. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Lpz., 1885, с. 34-36.
- 17 A. Schiefner. Über verschiedene sibirische Eigentums-Zeichen. — "Mélanges russes". Т. 4. St.-Pbg., 1858, с. 2.
- 18 Н.Г. Маллицкий. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. — ПТКЛА. Год 3. 1897-1898, с. 41-47.
- 19 Н.А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов. — ЖС. 1894. Вып. 3-4, с. 410-418, 420.
- 20 Н. Попов. Три лекции о системах письменности, с. 16-44; /H. Heikel/. Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890, et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892.
- 21 J.R. Aspelin. Fels- und Steininschriften am oberen Jenissei. — ZfE. 1887, с. 530.
- 22 R. Gauthiot. Note sur la langue et l'écriture inconnues des documents Stein-Cowley. — JRAS. 1911, с. 497-507; он же. Essai de grammaire sogdienne. I. Phonétique. P., 1914-1923, с. 5.
- 23 V. Thomsen. Turcica. Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibirie. — "Samlede Abhandlinger". Bd 3. Kjøbenhavn, 1922, с. 92-198.
- 24 O. Donner. Wörterverzeichnis zu den "Inscriptions de l'énisséi". — MSFOu. Vol. 4. 1892, с. 1-69; он же. Sur l'Origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie. — JSFOu. Vol. 15. 1896, № 1, с. 21-46.
- 25 W. Radloff. Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben. — ИАН. Сер. 6. Т. 2. 1908, с. 10, с. 835-856.
- 26 Е.Д. Поливанов. Идеографический мотив в формировании орхонского алфавита. — "Бюллетень САГУ". 1929, № 9.
- 27 Эти надписи, как свидетельствует текст памятника, были выполнены по заказу китайскими мастерами — профессиональными резчиками по камню. Совершенно естественно поэтому, что они приобрели некоторые черты, свойственные китайским монументальным надписям и сооружениям такого рода.
- 28 A.C. Emre. Eski türk yazısının menşei. İstanbul, 1938.
- 29 А. Махмутов. Как возник древнетюркский алфавит. — Исследования по тюркологии. А.—А., 1969, с. 141-147.
- 30 A. von Gabain. Alt-türkisches Schrifttum. В., 1950.
- 31 А.С. Аманжолов. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дис. А.—А., 1975, с. 61-66, табл. 3.
- 32 K. Miršan. Proto-türkçe yazıtlar. Ankara, 1970.
- 33 С.Г. Кляшторный. К вопросу о происхождении древнетюркской рунической письменности. — ППиПИКНВ. Вып. 1. Л., 1965, с. 46-47.
- 34 G. Clauson. The Origin of the Turkish "runic" Alphabet. — АО. Т. 32 (1970), с. 51-76.

- 35 В.А. Лившиц. Происхождение древнетюркской рунической письменности (Состояние и пути исследования). — Всесоюзная тюркологическая конференция. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. А.—А., 1978, с. 62-70; он же. О происхождении древнетюркской рунической письменности. — СТ. 1978, № 4, с. 84-89.
- 36 В.В. Бартольд. Обзор истории тюркских народов. — Сочинения. Т. 5. М., 1968, с. 430.
- 37 МЭПТ, с. 7.
- 38 А.Н. Бернштам. Древнетюркское письмо на р. Лене. — ЗВ. 4. 1951, с. 85.
- 39 С.В. Киселев. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951, с. 74.
- 40 Л.Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, с. 332-333.
- 41 В.М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960, с. 86; А.С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969, с. 19.
- 42 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bd 1. Wiesbaden, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen. Bd 10), с. 43.
- 43 G. Clauson. The Origin of the Turkish "runic" Alphabet, с. 61.
- 44 МПДП, с. 13; И.В. Стеблева. Древнетюркская книга гаданий — История, культура и языки народов Востока. М., 1970, с. 155-156.
- 45 Н.В. Пигулевская. Еще раз о сирó-тюркском. — Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966, с. 232.
- 46 Можно сослаться на некоторые наглядные примеры орфографических перебоев в руническом Глоссарии (Древние тюркские диалекты. Фрунзе, 1971, с. 87-107), а также на замечание П.М. Мелиоранского по поводу орфографической ошибки на "сосуде, доставленном в Имп. Кунст-камеру в 1826 г." (П.М. Мелиоранский. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. — ЗВРАО. Т. 14. 1902, с.020).
- 47 Э.Р. Тенишев. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках. — СТ. 1976, № 1, с. 33.
- 48 Э.Р. Тенишев. Руническая надпись на утесе р. Чарыша (Алтай). — ЗВ. 12. 1958, с. 62-66; он же. Древнетюркская эпиграфика Алтая. — Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966, с. 262-265; К. Сейдакматов. Древнетюркские надписи в горном Алтае. — Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, с. 95-101; А.К. Боровков. Енисейские надписи на сосудах. — Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 194.
- 49 С.Г. Кляшторный. Руническая эпиграфика Южной Сибири. — СТ. 1976, № 1, с. 66-70; Д.Д. Васильев. Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея. — СТ. 1977, № 2, с. 79-81.
- 50 Отмечена А.М. Щербаком как пропавшая (А.М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения, с. 113). Вновь обнаружена в 1973 г. Находится в экспозиции Минусинского краеведческого музея.
- 51 С.Г. Кляшторный. Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы. — "Труды АН ТаджССР". Т. 103. 1959. Вып. 5, с. 167-168.
- 52 П.М. Мелиоранский. Два серебряных сосуда, с. 021.
- 53 А.К. Боровков. Енисейские надписи, с. 192, 193, 195; П.М. Мелиоранский. Два серебряных сосуда, с. 19.
- 54 А.К. Боровков. Енисейские надписи, с. 194.

- 55 С.Г. Кляшторный. Монета с рунической надписью из Монголии. — ТС-72. М., 1973, с. 337; И.Г. Добродомов. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних енисейских тюрков. — Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 94-97.
- 56 Д.Д. Васильев. Руническая надпись на камне-амulette. — ППЯПИКНВ. Вып. 10. М., 1974, с. 57-60.
- 57 Ф.Х. Арсланова, С.Г. Кляшторный. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. — ТС-72. М., 1973, с. 313-314.
- 58 А.Н. Бернштам. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. — ЭВ. 11. 1956, с. 57.
- 59 АТИМ 3, с. 325-327; Orkun II, с. 89-92; МЕРТ, с. 44-45; З.Б. Арагачи, Д.М. Насилов. О надписи на скале Хая-Ужу. — УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 10. Кызыл, 1963, с. 257-263.
- 60 L. Bazin. La turcologie: bilan provisoire. — "Diogenes". 24. 1958, с. 106; он же. L'homme et la notion d'histoire dans l'Asie centrale turque du huitième siècle. — "Diogenes". 1963, с. 99; А.С. Аманжолов. Forefather Goat of the Ancient Turkic Inscription in Early Greek Alphabet. — АОр. 42. Praha, 1974, с. 36.
- 61 Атлас древностей Монголии. Издан. В.В. Радловым. СПб., 1892 (Труды Орхонской экспедиции. [Вып. 1]), Предисловие.
- 62 АТИМ 1 (Die Denkmäler von Koscho-Zaidam), с. 1-2.
- 63 W. Radloff. Alttürkische Studien. IV. St.-Pbg., 1911, с. 315; МПМК, с. 7-11; Orkun I, с. 128-132; Orkun II, с. 216-217; G. Clauson. The Ongin Inscription. — JRAS. P. 3-4, 1957, с. 177-192.
- 64 АТИМ 3, с. 245.
- 65 Там же, с. 301.
- 66 O. Donner. Wörterverzeichnis zu den "Inscriptions de l'énisséi".
- 67 [V. Thomsen]. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen. Helsingfors, 1896 (MSFOu. Vol. 5), с. 10-14.
- 68 П.М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО. Т. 12. 1900, с. 14-46.
- 69 П. Мелиоранский. Два серебряных сосуда, с. 018-022; он же. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея. — ЗВОРАО. Т. 15. 1904, с. 034-036.
- 70 W. Kotwicz, A. Samoïlovitch. Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie centrale. — RO. T. 4, 1928 (отд. отт.), с. 37.
- 71 Orkun I-IV.
- 72 С.В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 607-610.
- 73 А.Н. Бернштам. По поводу переводов С. Киселевым древнетюркских текстов. — ВДИ. 1940, № 3-4, с. 209-214.
- 74 МПДП, МЕРТ, МПМК.
- 75 МЕРТ, с. 94-95.
- 76 A. von Gabain. Alt-türkisches Schrifttum. В., 1950; она же. Alttürkische Schreibekultur und Druckerei. — Philologiae Turcicae Fundamenta, 1964. она же. Alttürkische Grammatik. Lpz., 1951, с. 9-15.
- 77 G. Clauson. The Origin of the Turkish "runic" Alphabet, с. 59-61.

78 С.Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — ИАН СССР. ОЛЯ. Т. 6. Вып. 6, 1947.

79 Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Под ред. И.А. Батманова. Фрунзе, 1971.

80 А.С. Аманжолов. Графика таласских, енисейских и орхонских надписей. — КТМЭ. Вып. 3. А.—А., 1973, с. 16-26; он же. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дис. А.—А., 1975; см. также: Д.М. Насилов. Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (обзор лингвистических публикаций 1969-1974 гг.). — СТ. 1976, № 1, с. 87-89.

81 Д.М. Насилов. Памятники, с. 87; об этом см. также: И. Кормушин, Д. Насилов. За научное, глубокое изучение древнетюркских рунических памятников. — СТ. 1972, № 5, с. 139.

82 И.В. Кормушин. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — СТ. 1975, № 2, с. 25-47.

83 Д.Д. Васильев. Графические особенности памятников Хойто-Тамира. — Вопросы восточного литературоведения и текстологии. М., 1976, с. 100-109.

Глава II

¹ Первая инициальная кодификация была предложена В.В. Радловым /Атлас древностей Монголии. СПб., 1892-1899 (ТОЭ. Вып. 1-4)/; первый указатель был составлен А.Н. Самойловичем (Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности. — ТТКО ИРГО. Т. 15. Вып. 1, 1914, с. 55-80).

² Ю.А. Заднепровский. Тюркские памятники в Фергане. — СА. 1967, № 1, с. 270-274; А.М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — ТС-70, с. 112-114; А.С. Аманжолов. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дис. А.—А., 1975, с. 27-57.

³ В бассейне Енисея исследования проводились в 1961 г. А.М. Щербаком, в 1962 г. — Д.М. Насиловым, в 60-х годах — И.А. Батмановым, в 70-х годах — Д.Д. Васильевым и С.Г. Кляшторным; в Монголии — в 70-х годах — С.Г. Кляшторным; в Киргизии в 1961 г. — группой специалистов во главе с И.А. Батмановым.

⁴ О памятнике № 73 имеются сообщения местных краеведов, что он был увезен в 1972 г.

⁵ См.: Э.Р. Рыгдылов. Подкунинская руническая надпись. — ЭВ. 11. 1956, с. 61.

⁶ См., например: А.С. Аманжолов. Еще раз об иртышской рунической надписи. — "Вестник АН КазССР". 1967, № 9, с. 66-70; Эпиграфика Казахстана. I. А.—А., 1971; И. Кормушин, Д. Насилов. За научное, глубокое изучение древнетюркских рунических памятников. — СТ. 1972, № 5, с. 139-142.

⁷ Назначение такого указателя может быть специализированным, как, например, в указателе источников ДТС, с. VII, XXI.

⁸ А.П. Окладников, П.П. Барашков. Древняя письменность якутов Якутск, 1942; А.Н. Бернштам. Древнетюркское письмо на р. Лене. — ЭВ. 4. 1951, с. 76-86.

⁹ АТІМЗ.

¹⁰ МЕПТ.

¹¹ ДТС, с. XXII-XXVII.

- 12 А.М. Шербак. Енисейские рунические надписи, с. 112-114.
- 13 Первая попытка автора настоящей работы составить дополнения к списку памятников бассейна Енисея носила предварительный характер и потребовала как внесения новых данных, так и определенных уточнений (см.: Д.Д. Васильев. К изданию Корпуса памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея. — ППИПИКНВ. Вып. 11. Ч. 1. 1975, с. 91-95).
- 14 Сведения о памятнике любезно сообщены нам сотрудником Минусинского музея Н.В. Леонтьевым.
- 15 Е.И. Лубо-Лесниченко. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975, № 86.
- 16 Там же, № 89.
- 17 Э.Р. Рыгдылон. Китайские знаки и надписи на археологических предметах. — ЗВ. 5. 1951, с. 118-119, рис. 8; в издании Е.И. Лубо-Лесниченко — № 21 (библиография памятника дана ошибочно).
- 18 Л.А. Евтухова. Археологические памятники енисейских кыргызов (жакасов). Абакан, 1948, с. 25.
- 19 Там же, с. 33.
- 20 И.Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. М., 1910, с. 101.
- 21 Б.Н. Пяткин тогда же продемонстрировал находку С.Г. Кляшторному и автору настоящей работы.
- 22 Упоминание о памятнике см. также: А.М. Щербак. Енисейские рунические надписи, с. 117.
- 23 J. Appelgrén-Kivalo. Alt-sibaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei, 1887-1889. Helsingfors, 1931, с. 65.
- 24 А.М. Шербак. Енисейские рунические надписи..., с. 117.
- 25 Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. — Corpus scriptorum mongolorum. T. 16. Fasc. 1. Ulaanbaatar, 1968, с. 40.
- 26 Д.Д. Васильев. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. — СТ. 1976, № 1, с. 71-81; он же. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала II. — СТ. 1978, № 5, с. 92-95.
- 27 Э.Р. Тенишев. Древнетюркская эпиграфика Алтая. — Тюркологический сборник К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966, с. 252-265.
- 28 МПМК, с. 68.
- 29 М.И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. — СА. 19. 1954, с. 263-268; А.М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — СА. 19. 1954, с. 269-282; он же. Знаки на керамике из Саркела. — ЗВ. 12. 1958, с. 52-58; он же. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности паченегов). — МИА. № 75. 1959, с. 386 и сл.; он же. Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khoumara (au Caucase du Nord) et le problème d'alphabet runique des Turos occidentaux. — АО. Т. 15 (1). Budapest, 1962, с. 283-290; В.А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. — СА. 1963, № 1, с. 298-305; М.А. Хабичев. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах. — СТ. 1970, № 2, с. 64-69; С. Байчоров. Надписи Хумаринского городища. — СТ. 1974, № 4, с. 89-93.

30 П.М. Мелиоранский. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. — ЗВРАО. Т. 14. 1902, с. 017-022; Э.Р. Тенишев. Руническая надпись из Юрьева. — Лингвистический сборник. Таш., 1971, с. 21-23. Надпись на черепе исследуется в статье И. Вашари и С.Г. Кляшторного, которая находится в печати.

31 Г.Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, с. 68.

32 По нашим наблюдениям, эти случаи пунктуации имеются в енисейских памятниках Е 1, Е 3 и др.

33 Руноподобные надписи бассейна Дуная перечислены в статье: А.М. Щербак. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе. — СТ. 1971, № 4. К указанным там работам следует добавить: J. Nemeth. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos. Lpz., 1932; Orkun III, с. 247-319; J. Nemeth. The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklos and the runiform scripts of eastern Europe. — AL. T. 21. Fasc. 1-2. Budapest, 1971, с. 1-52; I. Vászary. Runiform signs on objects of the avar period (6th-8th cc. a.d.). — АО. Т. 25 (1972), с. 335-347; E. Tryjarski. Nieznany alfabet. — "Problemy" (408). Warszawa, 1980, № 3, с. 2-9.

34 М. Mahmut. Orhon Alfabesinin Anadolu'daki izleri. Konya, 1933; K. Mirgan. Proto-türkçe yazıtlar. Ankara, 1970, с. 79-80; H. Vary. Alttürkische Felszeichnungen in Nordost-Anatolien. — UAJ, 40. 1968, 1-2, с. 50-70.

35 Д.Д. Васильев. Древнетюркская эпиграфическая традиция в Малой Азии. — История и филология Турции. М., 1976, с. 10-12.

Глава III

1 АТМ 3; O. Donner. Sur l'Origine de l'Alphabet.

2 Э.А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965, с. 49-50.

3 См. также: Д.Д. Васильев. Принципы палеографического исследования тюркских рун. — Проблемы современной тюркологии. А.—А., 1980, с. 364-369.

4 A. Gabain. Alt-türkisches Schrifttum. В., 1950, с. 5; она же. Alttürkische Schreibkultur und Druckerei. — Philologiae turcicae fundamenta, Т. 2. 1984, с. 172.

5 В одних текстах она заменяла подпись, в других являлась криптограммой имени героя в середине текста. В эпиграфических комплексах, являвшихся объектом паломничества, — как, например, скала Хая-Ужу на среднем Хемчике — тамги выполняли совершенно иную функцию. Краткие тексты комплекса являлись посетительскими надписями на скале, тамги же отделяют надписи одну от другой композиционно. Причем любопытно, что на тамгах, а не на надписях ясно заметны древние следы попыток их уничтожить, и техника, в которой выполнены поверхностные зачеркивающие штрихи, как правило, использовалась при высеке одной из соседних надписей. Это говорит о том, что метка была обращена на определенную геральдику, а не вызвана словами ее обладателя. Исследование целого ряда подобных комплексов позволило установить, что тамги, высеченные на камнях и стелах, обозначали границы родовых владений или пастбищ, отмечали, что представитель рода был у культового объекта, являлись эпитафийным компонентом.

6 Л.И. Киселева. Готический курсив XIII-XV вв. Л., 1974, с. 84-85, 148; I. Mallou. Paléographie romaine. Madrid, 1952. § 160; Б.Л. Фонкич. Греческие писцы эпохи Возрождения. — ВВ. 28. 1968, с. 283-285.

7 В ряде случаев в рунических текстах изменение пропорций и степень завершенности отдельных деталей графики зависела от поверхности материала и от инструмента.

8 Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Под ред. И.А. Батманова. Фрунзе, 1971, с. 87-107.

9 К настоящему и следующим разделам этой главы см. в Приложении табл. 1-35 и табл. 36.

10 A. Gabain. *Altürkische Schreibkultur und Druckerei*, с. 173; она же. *Altürkisches Schrifttum*, 1950, с. 4.

11 Данные графические варианты содержатся в надписях комплекса Хойто-Тамир и одинаково отмечены несколькими исследователями.

12 W. Radloff. *Die altürkischen Inschriften der Mongolei*. 3. St.-Pbg., 1895, с. 318-325.

13 H.N. Orkun. *Eski türk yazıtları*. Cilt 3. İstanbul, 1940, с. 113-130; МЭПТ, с. 35-43.

14 И.А. Батманов. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, с. 25-27.

15 ССМ, с. 44.

16 P. Aalto. *Materialien zu den altürkischen Inschriften der Mongolei*. Helsinki, 1958, с. 62-76.

17 А.С. Аманжолов. Руническая надпись на бронзовом кольце (р. Или). — "Вестник АН КазССР". А.-А., 1971, № 1, с. 64-66.

18 Э.Р. Тенишев. Перебой *ә/э* в тюркских рунических памятниках. — Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 289-295.

19 К настоящему разделу см. табл. 36 в Приложении.

Глава IV

1 См. гл. III, с. 45.

2 Для сходного явления в европейской палеографии существует термин "полиформизм", принятый также и нами (см. гл. III, с. 46).

3 G.J. Ramstedt, J.G. Granö und Pentti Aalto. *Materialien zu den altürkischen Inschriften der Mongolei*. Helsinki, 1958, с. 100-109.

4 Д.Д. Васильев. Графические особенности памятников Хойто-Тамира. — ВВЛТ, с. 100-109.

5 И.С. Каменецкий, Б.И. Маршак, Я.А. Шер. Анализ археологических источников. М., 1975, с. 17-44.

6 Об этом термине см.: Д.Д. Васильев. К вопросу о культурно-письменных центрах Тюркского каганата. — Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. (К 200-летию со дня рождения). Ч. 2. М., 1977, с. 80-82.

7 Здесь использован термин, предложенный в статье: Г.Г. Громов, В.И. Плющев. Качественные методы исследования орнамента. — Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972, с. 188.

8 См.: Д.Д. Васильев. О распространении грамотности у древних тюрков. — Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М., 1980, с. 53-59.

9 Уточнение состава надписей на основе автографических копий, фото и зарисовок памятника в 1973-1975 гг. сделано автором этих строк и готовится к печати.

10 Ориентированными графами здесь следует считать прямые, исходные и конечные точки, которых обозначены индексами определенных памятников (термин

взяты из указанной выше работы: И.С. Каменецкий, Б.И. Маршак, Я.А. Шер. Анализ археологических источников, с. 62).

11 Д.Д. Васильев. Графические особенности памятников Хойто-Тамира. — ВВЛТ, с. 108.

12 Сходство композиционных особенностей некоторых памятников отмечалось Э.Р. Рыдылоном (О знаках на плитах с руническими надписями. — ЗВ. 9. 1954, с. 65-68), Л.Р. Кызласовым (О датировке памятников енисейской письменности. — СА. 1965, № 3, с. 43), С.Г. Кляшторным (Стелы Золотого озера. — Turkologica, с. 259), Д.Д. Васильевым (в ряде публикаций памятников бассейна Енисея).

13 Гипотеза о существовании у тюркоязычных племен наддиалектной обобщенной речи — койне принадлежит Э.Р. Тенишеву (см.: Э.Р. Тенишев. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках. — СТ. 1976, № 1, с. 27).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО-79 — Археологические открытия. М., 1980.
Археологическая карта — Археологическая карта Казахстана. А.-А., 1960.
ВАН КазССР — "Вестник Академии наук Казахской ССР".
ВВ — "Византийский временник". Л., М.
ВВЛТ — Вопросы восточного литературоведения и текстологии. М., 1975.
ВДИ — "Вестник древней истории". М.
ВТК — Всесоюзная тюркологическая конференция.
ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
ЗВОРАО — "Записки Восточного отделения имп. Русского географического общества". СПб., Пг.
ИАН СССР ОЛЯ — "Известия Академии наук СССР". Отделение литературы и языка. М.-Л.
ИВСОИРГО — "Известия Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества". Иркутск.
ИСОАН — "Известия Сибирского отделения АН СССР". Новосибирск.
КТМЭ — "Қазақ тілі мен әдебиеті". А.-А.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МЕПТ — С.Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.
МПДП — С.Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.
МПК — С.Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.
НЭНК — Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). Фрунзе, 1962.
ППВ-71 — "Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования". Ежегодник. 1971. М., 1974.
ППИПИКНВ — "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока" (годовые сессии ЛО ИВ АН СССР). М.
ПТКЛА — "Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии". Таш.
РАТлас — Atlas der Alterthümer der Mongolei. Herausgegeben von Dr. W. Radloff. (Arbeiten der Orchon-Expedition). Вып. 1. СПб., 1892 (табл. I-V, VII-XXVI, XXVIII-LII, LIV-LXII, LXIV-LXX); вып. 2. СПб., 1893 (табл. VI, XXVII, XXXVI, LIII, LXI, LXIII, LXXI-LXXXIII); вып. 3. СПб., 1896 (табл. LXXXIII-CIV); вып. 4. СПб., 1899 (табл. CV-CXVIII).

- СА – "Советская археология". М.
- СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
- СТ – "Советская тюркология". Баку.
- СТЭАН – Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР (с 1978 г. – СТАЭ ЛО ИА АН СССР).
- СЭ – "Советская этнография". М.–Л., М.
- ТПДП – И.А. Батманов. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.
- ТС-70 – Тюркологический сборник. 1970. М., 1970.
- ТС-71 – Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.
- ТС-72 – Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
- ТС-75 – Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
- ТС-77 – Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
- ТТКО ИРГО – Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела имп. Русского географического общества. СПб.
- УЗ ТНИИЯЛИ – "Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории". Кызыл.
- УЗ ХНИИЯЛИ – "Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории". Абакан.
- ФAtlas – Inscription de l'énissei. Recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie. Helsingfors. 1889.
- ФAtlas II – Inscriptions de l'Orkhon. Recueillies par l'Expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors. 1892.
- ЭВ – "Эпиграфика Востока". М.–Л.
- AL – "Acta linguistica". Budapest.
- AO – "Acta orientalia". Budapest.
- AOr – "Archiv Orientalní". Praha.
- ATIM – W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1-3. St.-Pbg., 1892-1895.
- JA – "Journal Asiatic". P.
- JRAS – "Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland". L.
- JSFOu – "Journal de la Société Finno-ougrienne". Helsinki.
- MSFOu – "Mémoires de la Société Finno-ougrienne". Helsinki.
- Orkun 1-IV – H.N. Orkun. Eski türk yazitları. İstanbul, 1939-1941.
- RO – "Rocznik Orientalistyczny". Lwów (Kraków).
- UAJ – "Ural-altaische Jahrbücher". Wiesbaden.

ПРИЛОЖЕНИЯ

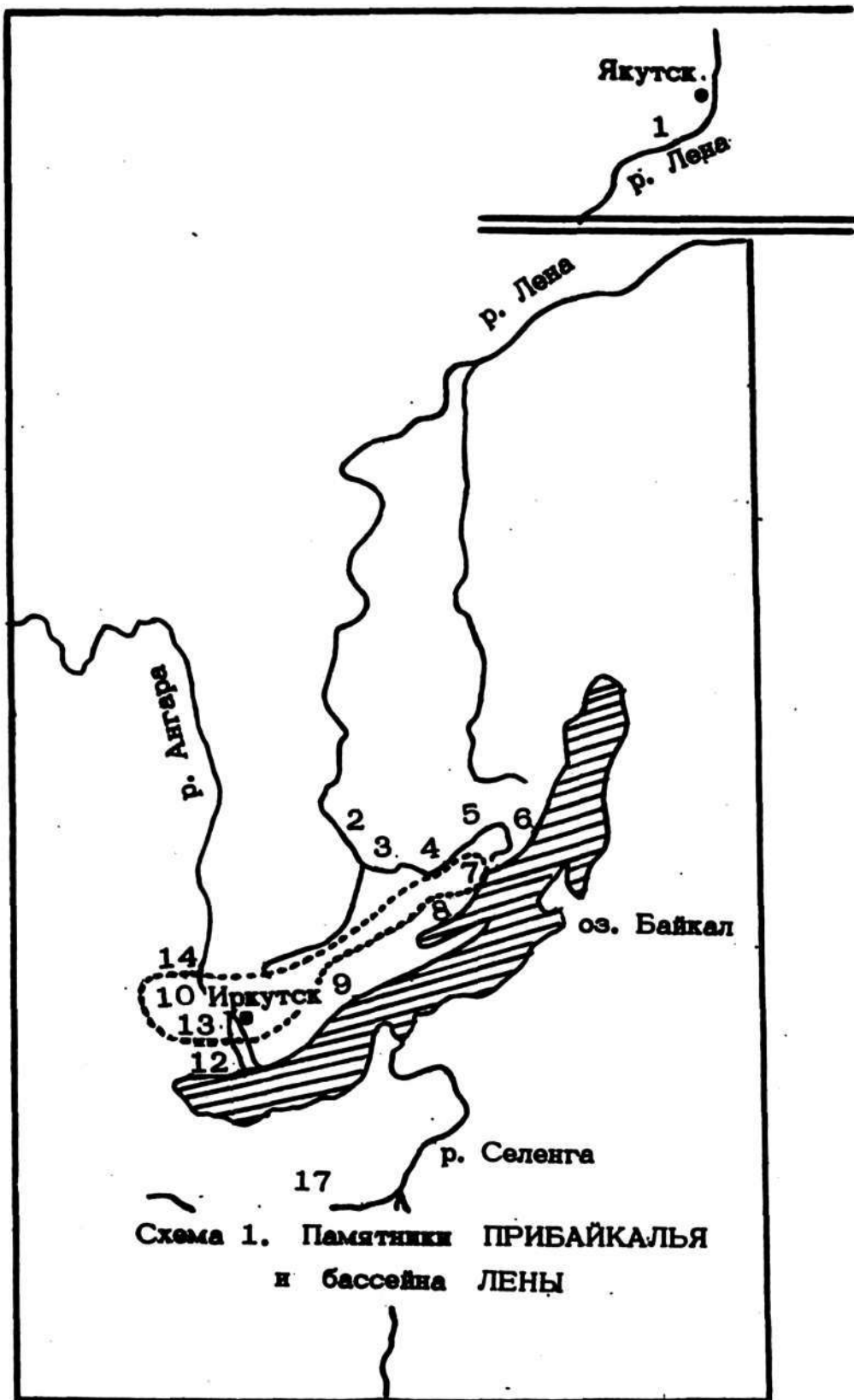
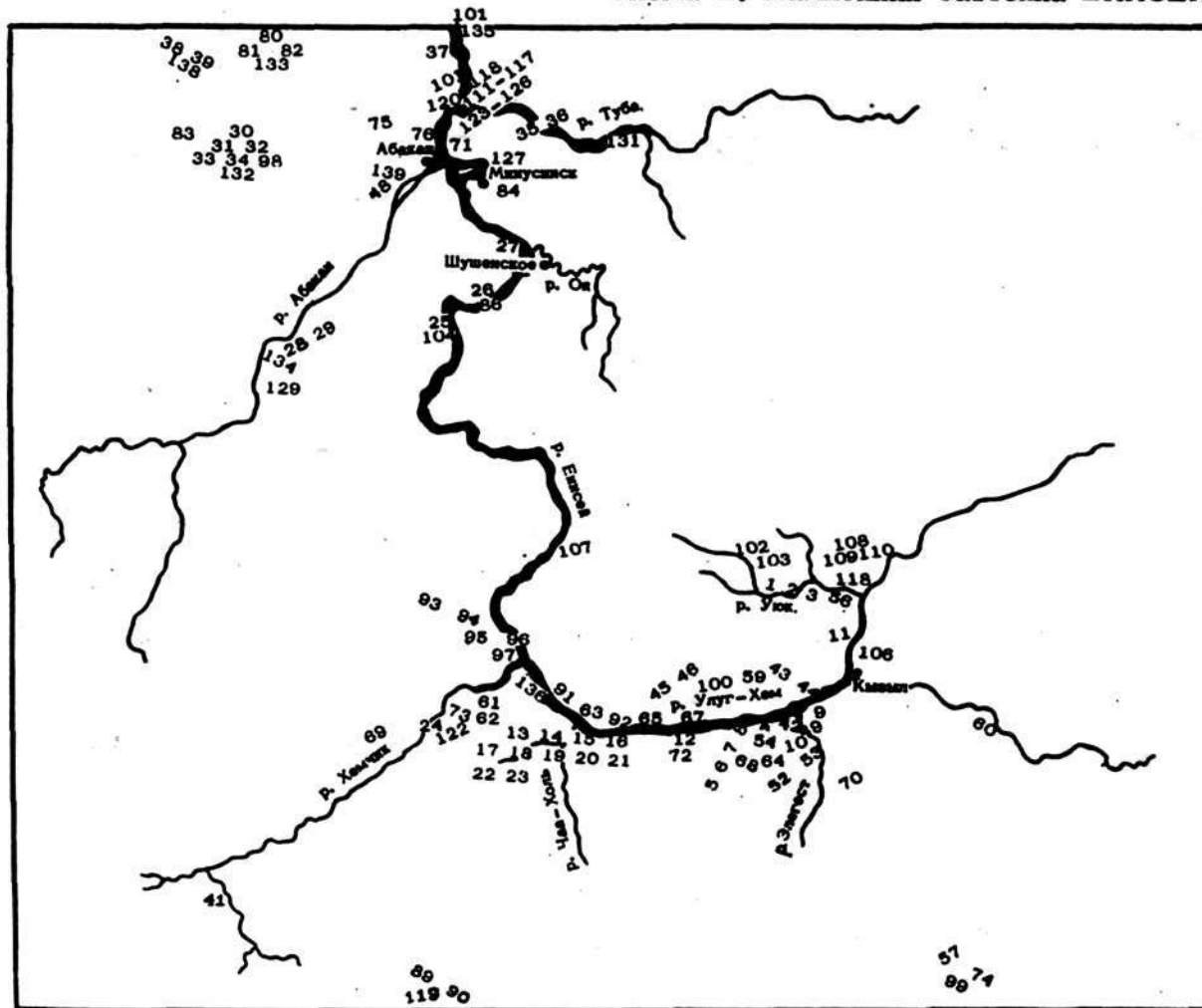

Схема 1. Памятники ПРИБАЙКАЛЬЯ
и бассейна ЛЕНЫ

Схема 2. Памятники бассейна ЕНИСЕЯ

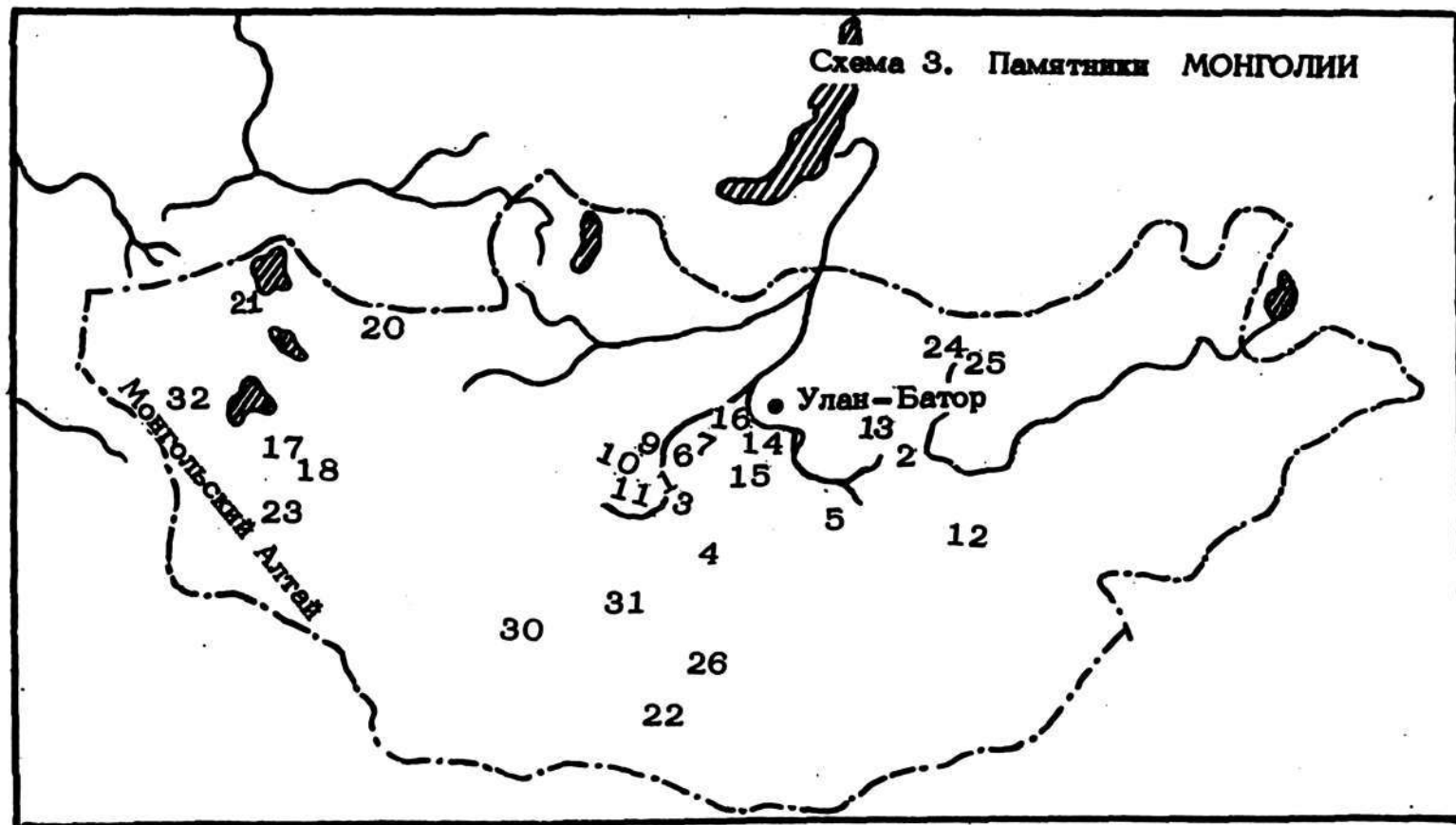

Схема 4. Памятники АЛТАЯ

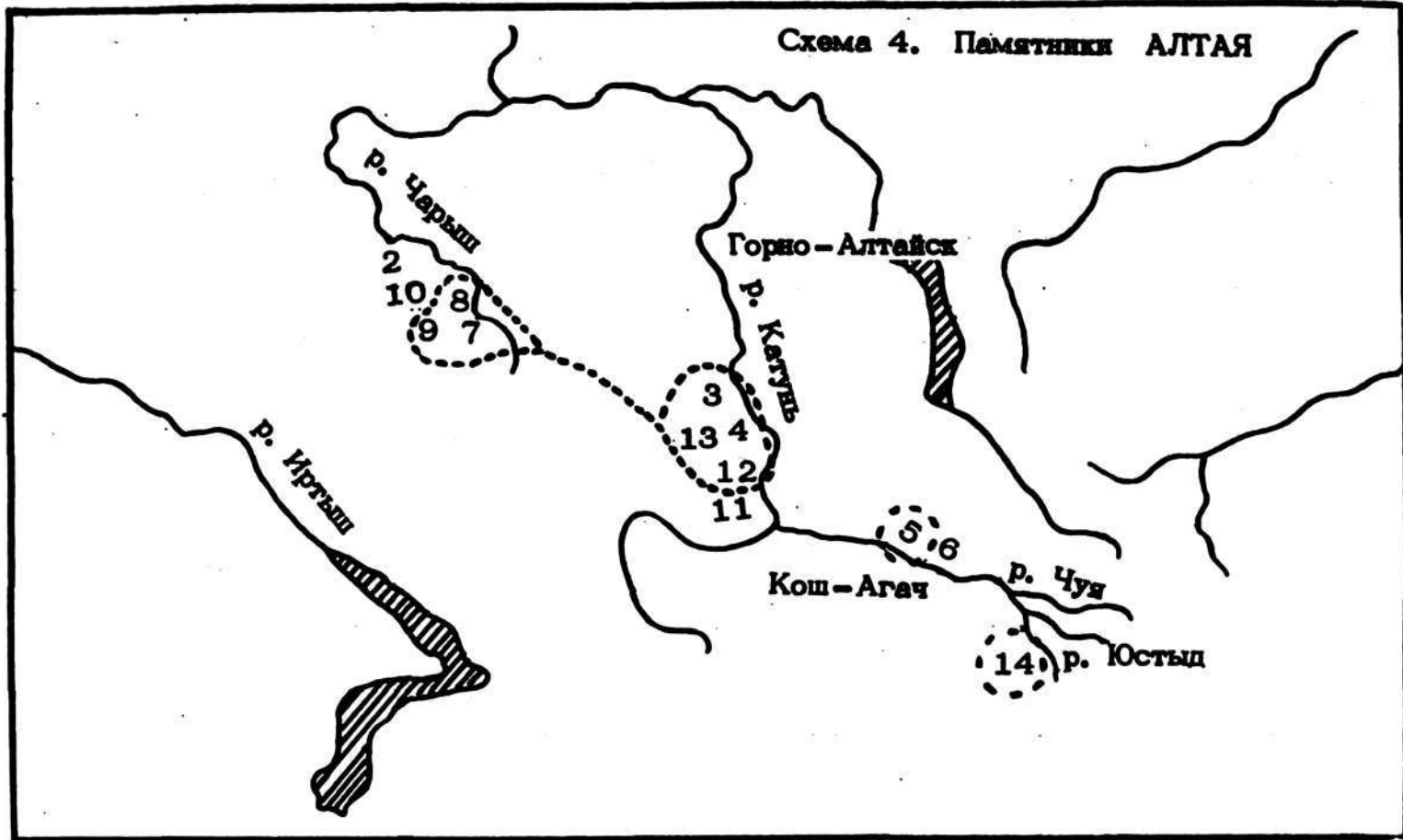

Схема 6. ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ И КАЗАХСТАНА

Схема 7. Памятники СРЕДНЕЙ АЗИИ

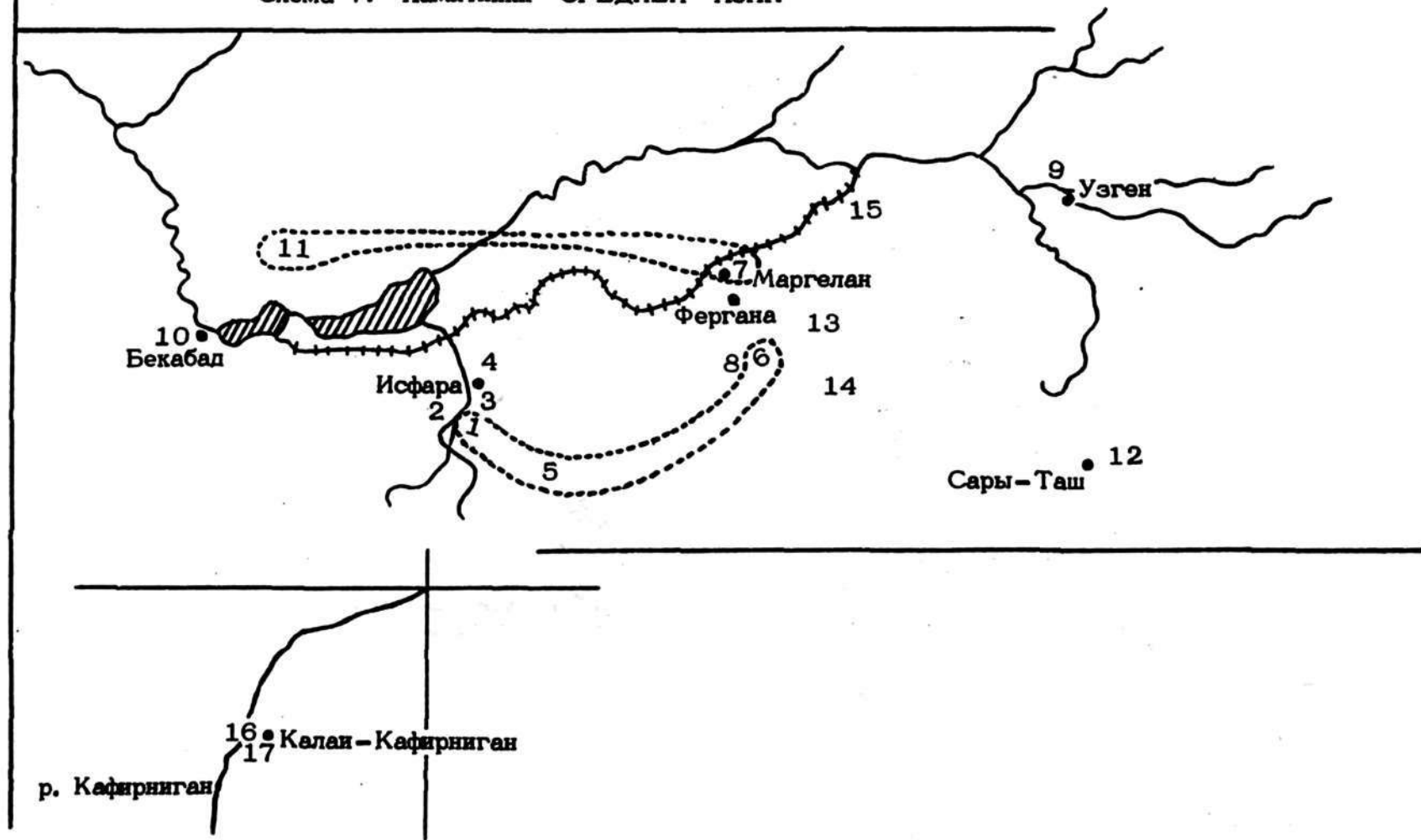

ТАБЛИЦА № 1

№ 1	/а; з/	I	II	III	IV	у	у1	УП
1	↘	13(?)	3,5-11,13,17,18,20,24- 26,28,29,31,32,37,39- 45,48-50,53,55,59,62, 65,68,70,71,73,78,79, 96-98,101,105,114	1-4,6-12,15- 17,21,28;9- -разделитель	2,4,9,13		1,2,8-10,12	14
2	↘		2,5,14,15,19,24,30,34, 37,41,48,50,51,61,68, 69,96,102(->),108,109	11 ¹ , 23	7,8,14		1,3	14,16
3	↘		46,52,87					
4	↘		1,27,43					
5	↘		87					
6	↘		88,98,115			2,3		
7	↘					5,6		
8	↘					8		
9	√			21				
10	↘	8(?)					2	1 ^Б
11	↘				12,14			

ТАБЛИЦА № 2

№ 2	/i; i; ä/	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	↑ ↑	7.13 (?)	2-4,10,13-15,17,18,24- 28,30-32,37,39-45,49- 51,54,55,58-60,65,68- 73,76,79,82-88,92,94, 98,100,104,108,109, 113,116	1-4,7- -111-5,7-10, 12-14,(11)	6-8,10-14	1,5,8,9,11	1,2,5,8,10, 12,14,15,25	1,6,14 1Б
2	↑		18,19,24				3,19	
3	┘ ┘		5-7,11,29,48,59,61, 86			2,3,6		7
4	↑		1,45,68		7			
5	↑		1,33					
6	┘							11
7	↖			114,8,9		4		
8	↑				2	11		
9	↗			5		10		
10	┘					8		
11	∅		59 /j ¹ t ¹ a/					

ТАБЛИЦА №3

№ 3	/0;u /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	>		1,3,6,10,13,17,18,20, 25,26,28-30,40,44,46, 53,55,73,76,79,80,83,104	1,2,7-9,11 ³⁻⁶ , 14-17,20,24, 26	12		25	
2	>		5,7,8,11,14,15,24,25,31-33, 42,43,48,52,54,56,59-62,65, 66,68,69,71,72,82,87,88,96- 100,109,111	6,13,28	4,6	9	1,2,5,7-10, 12-14	1,5,14
3	<	6(?)	18,19,24,70,99 (→)	19			3,14	
4	>		27,45,49,51,88					1Б
5	<		74					9
6	>		39,41,57,108					
7	<						14	
8	>		43,92				2	
9	> } }		104	3,4,11 ² ,9,10		1-3,5,6		1Б
10	<			22				
11	>				7,8			
12	~			5,22,(1 ¹)		8		

ТАБЛИЦА № 4

№ 4	/ö; ü /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	z		3,4,8-11,13,15,24,25,30,37, 42,46,48-50,52,55,59,64,65, 67,69,70,73,75,76,92,94,101	1,3,6,8,9, 11 ^{3,5} , 13,24, (11)	2,7	11	15	
2	z		24,41					
3	z		40,66,70,98,102(→), 105,108	2,4	14		1,2,5,6,8-12	
4	z	13(?)	5,7,17,20,26-29,31-33, 43-45,53,59,62,68,71, 77,100,104,116	6,9,12	6,9,12		15	4
5	z		24					
6	z		24,114		10		25	
7	z		6,81					
8	z z	4(?)		7,12,18,20, 22,(1 ¹),(4 ¹)		3,4,6		
9	z			(4 ¹)				
10	z				2			
11	z		52,57,60,76					
12	z z		104	5,11 ¹ ,2,7,10		2,5,8		

ТАБЛИЦА № 5

№ 5	/ β^1 /	I	II	III	IV	V	VI	уп
1	δ		15	8,11 ¹⁰				
2	б			12				
3	о			5				
4	о о		14,52					
5	б		24,99(?)		7			
6	к к		91	11 ^{1,2}			1.	
7	о		1,7,18,19,26,27,29, 43-45,51,59,68			8		
8	б		17,73	11 ⁷				
9	о		55			3		
10	о		71					
11	ж	2(?)						
12	з	9(?)						

ТАБЛИЦА № 5 (продолжение)

№ 5	/ 8 ¹ /	I	II	III	IV	V	VI	уп
13	У		20,24,28					
14	У		6,54	6,26		2		
15	У		3	1,3,5,7,10, 11,7,21,(11)		5,6		
16	У		7,40	2,4,9,11,3,9 12,28				
17	У		5,41				25	
18	У		10					
19	У					10(?)		
20	У		30					
21	У		7,31,48,49,53					
22	У		66,108					
23	У		25,50,79					
24	У	5(?)						

№ 6	/ θ^2 /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1			11,112					
2		4,14 (?)	13. 83 ()	1,3,7,8,11, 18,23,(1 ¹)	8,9 ()			
3						2,3		
4			95					
5							25	
6			1,2,5-8,10,11,14,17,19, 24,25,28-33,41,45,51- 53,55,60,61,66,71,111,114	11,16,17	2,6			
7			15,20,24,26,27,37,43, 44,46,48,49,68,78,81, 96-98,108,109	14		11		
8			42					
9			79				26(?)	
10			100					
11			9					
12			117					

ТАБЛИЦА № 6 (продолжение)

№ 6	/ 8 ² /	I	II	III	IV	V	VI	УП
13			100,114,116					
14				21	7		8	
15							3,5,7	
16				4,15,16(?)	11			
17		7,13 (?)		2,4,6,9,11	12			
18				2,10,12,22				
19		1,15 (?)						
20				7		6		
21				11				
22				5,11		8		
23				11				
24					7			

ТАБЛИЦА № 7

№ 7	/ d ¹ /	I	II	III	IV	V	VI	УП
1	}}	12(?)	10,13,15,18,29,32,42, 43,48,50,61,96,98,100, 105	1-3,5,7-9,13 (11)		5,6	1,5,8	
2	}}		2,11,18,24,46,70,73, 97	(21)			3,11	
3	}}		73	4,11				
4	}}		60,	12				
5	}}		2,9	6	2	2		
6	}}			5				
7	}}					3		
8	}} }}						7	
9	}} }}						2	
10	}}		3,6-8,17,24-29,44,45, 55,56,65,108		7			
11	{	6(?)	19,70		14			
12	}}		5,41,49,51					

ТАБЛИЦА № 8

№ 8	/ d ² /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	X	1,13,15 (?)	3,5,7-11,13-15,17,24-29,31, 32,40-45,48,50,52,55,66,65, 68,70,71,73,75,92,94,100, 108,109,115	1-9,11 ⁸	2,7,12-14	11	6,7	9
2	X		59,96,97,105					
3	X		6,30,46,83,101	13				
4	X	7(?)	2,34,53			1,2,6,8	19(?)	
5	X				8			
6	X		76					
7	+		60,87,98	10,12	4,5			12,1 ^Б
8	+					4		
9	8		56(?)					
10	⊗		49					

№ 9	/ 8 /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1		10,13 (?)	1,3-5,7,8,10,11,18,19, 25,28,30,43,44,60,71, 73,84,87	2,11,12,12,16 24,26,28(?)		3,5		
2				11 ⁵ ,15				
3			50,82					
4			24,31,48(?),111,117					
5) (26,27,82,96,102(→), 116	1-3,5-10, 11 ¹⁰ ,15,19, 27(?),(11)		2,8,9		
6)					6, см. также табл. № 26		
7) (28,29,32,98	4				
8) (12(?)	87		4		18	
9) (88					
10) (100					
11) (9,12			
12) (15,91(?)	21				

ТАБЛИЦА № 9 (продолжение)

№ 9	/ 8 /	I	II	III	IV	V	VI	УП
13	М		10,13,20,40,42,48,49, 51,56,59,108,109					
14	М		41,45,70,72					
15	М		45					
16	М		52,55,65,66					
17	М		24,62					
18	М						10	
19	М		68				1-3,5,8,9	

№ 10	' 8 '	I	II	III	IV	V	VI	уп
1	ƒ ƒ		81	(a ¹)			7	9(?)
2	ƒ						5,15(?)	
3	ƒ						7,10	
4	ƒ						7	
5	ƒ					2,3,6,8		
6	ƒ					4		
7	ƒ					5		
8	ƒ		43,52(?),108				8,9	
9	ƒ				9			
10	ƒ		20,73,114					
11	ƒ		87				3	
12	ƒ				7,10			

ТАБЛИЦА № 10 (продолжение)

№ 10	/ g /	I	II	III	IV	V	VI	VII
13	ƒ ƒ			5,11 ⁷		1		
14	ƒ	13(?)	3,5,6,9,10,15,26,28,29, 32,33,40,45,46,48,53,55, 68,70,92,98,111,112,114	1-3,7,8,12, 13,15,21,(11)	6,7,13			
15	ƒ		24					
16	ƒ		7,13,17,24,30,37,42,43, 45,49,59,71,83		7			
17	ƒ		11,26,44,49,68,100,105, 115	6	5,12		25	
18	ƒ		101					
19	ƒ		41,51				18(?)	
20	ƒ		31,64	4,9				
21	ƒ						2	
22	ƒ							14
23	ƒ ƒ		28,68					14 (1)
24	ƒ		28,29,88					

ТАБЛИЦА № 12

№ 12	j^2	I	II	III	IV	V	VI	УП
1	8							1Б
2	9		51,88	1-3,7-9,11- -13				
3	2			25				
4	7 7		66,68					
5	2		42,45					
6	9		10					
7	Д		84					
8	9		65,68			8		
9	9		3,9,24,26,28,29,34,44, 48,62,64,73,104	4-6,11 ¹⁰ ,13 17				
10	е					4(?)		
11	В		24					
12	9		5					

ТАБЛИЦА № 13

№ 13	/ q /	I	II	III	IV	V	VI	уп
1	П		40,79,104					
2	П П			3		3,5,6		
3	П	4,12 (?)	1,3,6,8,14,24,26-29,31, 32,42,44,55,68,71,73, 96,100,101,111,112	1,2,4,5,8,9, 17,18,27(?),(2 ¹)		11		1Б
4	П		18(→),19(→)					
5	П		7,17,30,45,60,61,65, . 70,76,77,88,95,97, 99(?),105	28				9
6	П		2,11,13,41,42,49,59, 72,98	6,7,12,20,24	6,9			
7	П		11,24,25,34,46,48,50,51, 53,55,58,62,108					
8	П			13				
9	П		4,25,37,45,87,115					
10	П	7(?)			2			
11	П						1,2,5,6(?), 8,9,12	
12	П	2(?)	72	11(мож),14-16, (N) 2 ¹				

ТАБЛИЦА № 13 (продолжение)

№ 13	/ q /	I	II	III	IV	у	у1	уп
13	▷	12(?)	41,49				12(?)	
14	▷			2,3,8		8		
15	А					9		
16	▷						19(?)	
17	▷					1(?)		
18	▷					2,5		
19	↗		41,42,49 (к), 68 (д)					
20	↗		68(?) (к)					
21	↑	7(?)	1,9,44,51,65,69,70,87, 98,109	5,11 ¹⁰ , (21)	(↑) 7		6(?)	
22	↓		5,6,15,24,32,45,48,71	1-4,6-8,11 ^{5,7} , 13,16		8	8	
23	↑		2,34,41,42,46,59,92					15
24	↑		10 - в единств. случае не с губной, в больш. случаев - с губной; 46					

ТАБЛИЦА № 14

№ 14	/ k /	I	II	III	1У	У	У1	УП
1	フ		4,8,19,42,48,51,53,70, 81,105,107	1-4,6,11 ⁵⁻¹⁰	6,10	11	25	
2	フ		3,7,14,17,44,46,58,73, 75,76,111,112					
3	フ		13,26,28,31,59,61,64, 77					
4	フ		60,94					
5	フ		78	(1 ¹)	12			
6	フ		18,24					
7	フ		↓ $\frac{84,87}{?}$		12(?)			
8	フ							4(?)
9	フ		45(?)					
10	フ		92(?)					
11	フ						14	
12	フ		27					

ТАБЛИЦА № 14 (продолжение)

№ 14	/ k /	I	II	III	IV	V	V1	VI
13	γ γ		(γ) 104	5,11 ^{9,16}		1-2,3 (γ)		
14	γ					4		
15	γ		14,25,28,45					
16	γ		20,49	11 ²		5		
17	γ		65					
18	γ		7,33,41,68, 1,79,105	100	11 ^{1,16}	7(?)		
19	γ		114,116					
20	γ		6,52				5	
21	γ							14
22	γ : γ		11,30,43,69	1		4,13	2	
23	γ		5	11 ⁹				
24	h		26					

ТАБЛИЦА № 15

№ 15	(ò/ù)k(ò/ù)	I	II	III	IV	V	VI	уп
1	Р			1,3				
2	Р Р	(К) ₇	(К) ₇₆	6	(К) ₇	¹⁻ ₆ (К)		
3	Р				9			
4	Р		7,8,10,11,28,29,32,42, 44,48,50,51,59,98	2,4,7			15(?)	
5	Р		24,49					
6	Р		27					
7	Р		3,14,15,25,45,48,53, 60,96,100					
8	Р		40					
9	Р			13				
10	Р		55					
11	Р		14	6				
12	Р		97				6	

№ 18	/ 2' /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	↓ ↘	7(?)	3-11,14,15,17,18,20, 24-34,37,41,42,44,45, 48-53,55,59,70-72,75, 84,87,88,98,104,108, 109,111	1-4,6-9,11, 12,14-16,20, 22-24		2,5,8	18	1,16
2	↓	10(?)	19,24,43,48,65,68,69, 73,88,96,100,102(→)	11 ¹ -(?),28			3,5,12	9
3	└ ┘	13(?)				3,6	1,2,8-10,13	12
4	↘		1,45,59					
5	✓					10(?)		
6	↘			5				
7	↗		43					
8	Y		69					

ТАБЛИЦА № 17

№ 17	/ p ² /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	Y Y		1,3,6-8,10,11,13,17,19, 20,24-32,37,40-46,48, 49,51,53-55,59,60,68- 71,73-75,78,96,98,100, 105,108,114		7,13,14	1-3,5,6,8, 11	1,2,5,6,12, 15,25	1Б
2	Y		61,95,109,111	(11)	9,12			
3	Y		9,14,15,24,52					
4	Y		91,115	5				
5	Y		116					
6	Y	17(→) (?)				10		
7	Y			2				
8	Y	10,13 (?)	102(→)					
9	Y				4		14	

ТАБЛИЦА № 18

№ 18	/ m /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1		2(?)		11 ⁵			6	
2				11 ¹⁰				
3					10			
4			3,5,8,14,37,40,51,62, 68,69,98		8	9		
5			18,19,70					
6			56					
7			9					
8			44,48,81					
9		17(→) (?)	1,2,6,7,10,13,15,17,26-29, 31,32,45,46,49,50,53,55, 59,60,65,66,71,72,77,92, 97,104,105,108,109	1,7,8,11,1,7-10 15,21,24,27		11	13	
10			41,52,96					
11			108(→)					
12			109(→)					

ТАБЛИЦА № 18 (продолжение)

№ 18	/ м /	I	II	III	IV	у	у1	уп
13			29,30,42,43,59,61,65, 87,100					
14			24					
15		6(?)						
16			94(?)					
17			11					
18			20,73					
19				1,3,5,8,13, 16,(1 ¹)		2,5	18(?)	
20						3,4		
21						8		
22				11 ¹				
23			25		2,7			
24				2 ¹				

ТАБЛИЦА № 18 (продолжение)

№ 18	/ m /	I	II	III	IV	У	У1	УП
25	Х		3,24	4,6,9,12,20,28	4,7,12,13	5		
26	Х			17,18				
27	У			вариант отмечен в других исслед.				
28	У У		3		7			
29	У			12(монг)				
30	У		87(?)					
31	У		88(?)					
32	У		2(?)					
33	У У У		15(?),41(?)					
34	У						2(?)	
35	У	2(?)						
36	У У	1(?)			7(?)			

ТАБЛИЦА № 18 (продолжение)

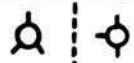
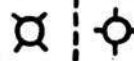
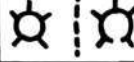

№ 18	/ m /	I	II	III	IV	у	у1	уп
37	○						6,10	
38							2 5	
39							1,3 5	
40			См. также табл. № 26				1 8	
41		13(?)						

ТАБЛИЦА № 19

№ 19	/ n ¹ /	I	II	III	IV	у	у1	уп
1) ,		1-4,7,10,11,13,15,17, 18,24-33,40-42,44,45, 48,49,51,53-55,59,65, 68,71-73,77,82,92,94, 96,98,100,109,117	1-11,3-5,7,9 12,13,27,28, 11		1,5-7	1,2,7-10,12	1,5,7, 11,14
2	(5(?)	19,37,74	24			3	1 ^Б
3	∪		52					
4	∩		41					6
5	⋈		5(?)					

№ 20	'γ'	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	γ		1,9,10,20,24,26,27,31, 33,41,42,44,57,59,61, 66,68,73,77,82,88,94	1-5,7,9,11, 12 (N)	3,11,14 (N)	1	13,25	
2	γ		3,11,14,69,84,88	15,16,23			12	
3	γ	6(?)	28,32,34,45,48,53,92, 100	21		5,6	2,8	
4	γ			11 ¹				
5	γ		78,79,83,85,101	13	8,13			
6	γ γ			8,(2 ¹)	2,7,10			
7	γ			5				
8	γ		76(?)					
9	γ		25,104,117					
10	γ		2					
11	γ		7,50,68	(γ) 64,87		2 (γ)		
12	γ		3	6				1 ^B (γ)

ТАБЛИЦА № 21

№ 21	/ n ² /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	4		31,81(LI)					
2	4			24				
3	4				2,6,8			
4	4				1,5			
5	4				5			
6	4 4		26,28,29,68	1-5,7-9,11, 12,27				
7	4		29			11		
8	4		1,53,59,61,84,94					
9	4		32,37		5			
10	4			23				
11	4			2,10	12			
12	4		20,45,71,87					

ТАБЛИЦА № 21 (продолжение)

№ 21	/ п ² /	I	II	III	IV	V	VI	VII
13	ㄣ			(11)				
14	ㄣ				13			
15	ㄣ		10,25,44,77,96	13				
16	ㄣ		15,17,24,44,48,52,68, 73,100,109(→)				1,8	
17	ㄣ		28,41,46,51,108 (→)				25	
18	ㄣ		3,6,11,19,30,32,34,37, 41-43,49,51,59,92,98					
19	ㄣ						9	
20	ㄣ		24,50	21				
21	ㄣ		2					
22	ㄣ		13					
23	ㄣ			6				
24	ㄣ	7(?)						

ТАБЛИЦА № 22

№ 22	/ P /	I	II	III	IV	V	VI	UP
1	↑ 1		5,10,11,13,20,24,28- 33,43-45,48,54,61,68, 69,71,73,87,87 ¹ ,88,94, 100,101,104,108		5,7,8,12	1,5	6,18	Б ₁
2	↑		18					
3	↑						14	
4	↑					2,3,6,7		
5	↑				6			
6	↑					10	7	

№ 23	/ τ^1 /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	У		10,13,15,24,30,41,42, 44,49,55,59,66,68,70, 73,79,98,101	16,23			1,2,5,6,10 3 (h)	
2	У		2,25,50,69,92,97,108		7 (У)			10 (У)
3	У		15,24					
4	У	12,13 (?)	3,5,7,10,11,14,17,25- 29,32,37,40,45,48,51, 57,68,71,72,84,100	1,3,8,11,26	9		25	
5	У		18(→),19(→)					
6	У		43					
7	У		6,20,52,53,104					
8	У У		87	1,3,4,6,12, 18,(2 ¹)		2,3,5,6		14
9	У У			6,9,11,12		11		1,6 15
10	У У		87,88 ?			5(?)	13(?)	
11	У	6,9 (?)		1,2,3,12				
12	У		62	5		7 (2)		1

ТАБЛИЦА № 24

№ 24	/ z ² /	I	II	III	IV	V	VI	УП
1		13(?)	46,66,67,84,93,104	4,6,9-12,15,16	7	2		
2			1,3,4,6,7,9,11,24,26,28,29,32,48,50,53,55,71,73,77,91,92,96,108,109	1,2,3,5,7,14, (1 ¹)	4,7,8,12,14		1,2,5,8,12,25	
3					5			
4			2,27,41,51	13				
5			13-15,20,34,37,42-45, ¹ 49,52,59,80,99,114	11 ¹			15,19	
6			5,25,28,29,40,58,65,68,69		7			
7			10,24,30,31,60,64,70,81,98	11,12				
8		4(?)		2				
9				(2 ¹)				
10			88	21				
11					11	14		
12		10(?)						

ТАБЛИЦА № 24 (продолжение)

№ 24	/ z ² /	I	II	III	IV	V	VI	УП
13	Т		87	11				
14	Т Т		56	97,116			6	
15	М		112,113		10 (М)		7	
16	У			5				
17	У					10		
18	У					2		
19	У					2,3,5,6		
20	У					4		
21	У					8		

ТАБЛИЦА №25

№ 25	/ s ¹ ; s ¹ /	I	II	III	IV	V	VI	УП
1		3,10 (?)	26,32,78,85,87,99,100, 109	5,9,11,6,8,10, 13		5,8,10(?)	5	1, 1Б
2	^		42,45,49					
3	^	3(?)	1-3,6,13,17,18,25,32, 34,37,41,45,48,50,53, 68,104			11		
4	^		24,30,43,44,61,96,102					
5	X		94,104					
6	X		88					
7	Y		6,73,92,98				25	
8	Y		10,11,14,18,24,28,29, 31,32,34,37,44,45,59, 71,72	5,7,8,11				
9	Y		7	16				
10	Y		29,32,52,70					10
11	Y						14(?)	
12	Y			5		5		

ТАБЛИЦА № 25 (продолжение)

№ 25	/ s ¹ ; ŷ ¹ /	I	II	III	IV	у	у1	уп
13	ʒ			(4 ¹)				
14	ʒ ʒ		82			1.		
15	ʒ		32					
16	ʒ			1,3,4, (1 ¹)				
17	ʒ			2,22(?) (ʒ)				
18	ʒ		24(?) (ʒ)			10(?)		
19	ʒ ʒ						1-3,8,10,18	
20	ʒ					8(?)		
21	ʒ					2		
22	ʒ		32					
23	□ □		56,83(?),87(?),105, 15 (□)					
24	◻		41,65					

ТАБЛИЦА №26

№ 26	/ $s^2; \delta^2$ /	I	II	III	IV	V	VI	УП
1		7,10 (?)	13,5,9-11,13,14,24-27,29, 31,41,43-46,48-51,53,55, 58,59-62,65,66,68-71,73, 77,81,84,85(?),88(?),94,98, 101,104,108,109,112,113	1	4-14	5,6,8,10,11 2 (I),3	1,2,6,8,10- -12,14,15,19, 25	1,4,12
2	^	3(?)	2,6,7,9,11,19,24,26-28, 41,46,48		13			
3	^		111,112		12,14	10(?)		10
4	^		74					
5	^				2,4			
6	v	2,10 (?)			5			1
7	Y						1,2,5	
8	Y						3,6,10	
9	Y		92					
10	Y		18,42	4-8,11 ^{9,10}				
11	Y			16,20				
12	Y		51					

ТАБЛИЦА № 26 (продолжение)

№ 26	/ S ² ; S ² /	I	II	III	IV	V	VI	VII
13	Υ			11 ¹				
14	Υ X		41(?)			1(?)		
15	Υ	3(?)			8,9	1	14(?)	
16	Υ X		3	1,3,9		5(?)		
17	Υ			2				
18	Υ			2				
19	X					8		
20	X					2(?) 6	(¹ 6)	
21	∩						7	
22	□ ○		83(?), 105					
23	◻		41(?)					
24	⊙		41(?)					

ТАБЛИЦА № 27

№ 27	/ t ¹ /	I	II	III	IV	V	VI	УП
1	⤴	4(?)	1-3,5-7,10,11,13,17-19,25-32,37,40,41,43,44,46,49-51,53,58,60,61,65,66,68,71,91,95,96,98,100,104,108,109,117	8, 111, 2, 4-7, 9, 10, 16-21, 28				1 (⤴)
2	⤴ ⤴		24,34,46,48,55,56,70,72,82,101		5,7		1-3,5,6,8-10,12	
3	⤴ ⤴	13 (⤴)	42,69,117	19	9 (⤴)		13,25	
4	⤴		15,45,59,89,92,100,111					
5	⤴ ⤴ ⤴				7			
6	⤴ ⤴		45					
7	⤴ ⤴		104	5,11		3,5,6		
8	⤴					8		
9	⤴					2		
10	⤴			15				
11	⤴ ⤴			2,7	⊙⊙ (4)			
12	⤴ ⤴			1-6,9,12,13 (1 ¹ ,4 ¹)				

ТАБЛИЦА № 28

№ 28	/ t ² /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	h		15	2,4-7,9, 11 ^{3,9} ,12,20				
2	h		1,11,17,32,33,44,45, 51,59,68-70,81,104		7			1 ^B (h)
3	h	2(?)	3,6,14,24,28,29,55,64, 71,98	1,4,8,13-17	7			1 ^B (h)
4	h		25,41					
5	h		28,34,68,73,75					
6	h					4	5,6	
7	h		43,46,52,58,100,107	6 (11)	7,14	11	18	
8	h		7,20,28,30,42,48,50, 53,59,109				15	
9	h		10(описка)					
10	h		10,13,26,31,37,49,73, 86,111,112	3,11 ⁹ , (2 ¹)	7			
11	h	15(?)	59	3,11 ³ ,10		1,2		
12	h				4,12,13			

ТАБЛИЦА № 28 (продолжение)

№ 28	t^2	I	II	III	IV	V	VI	УП
13	л			5		8		
14	л			11 ⁴		3,5,6		
15	h		77				26	
16	h						12	
17	h		94	12;19,22			18	7
18	h							16

№ 29	/ ц /	I	II	III	IV	V	VI	уп
1	λ	3,12 (?)	1-4,6,7,10,11,13-15,17,18, 20,24-32,34,37,42-46,48, 50-55,59,62,65,66,68-71,73, 78,79,92,98,110	1-4,6,8,9,21, 26,27,11 ¹ ,2,10	3,5,6		2,3,5,8,10 15	
2	λ			7				
3	λ	17(→)	49,82,75,109	24	7			
4	λ					9		5
5	λ		112	11 ⁹				
6	λ		57					
7	λ		80,101					
8	λ					8		
9	λ			5		2,5,6		
10	Y		24					
11	Y		41(?)					
12	λ					3		

ТАБЛИЦА № 30

№ 30	/ Z /	I	II		III	IV	V	VI	УП
1	5:4	(H) _{2(?)}	28,30,32, 48	10,26,48,49, 77	4,6,8,12				
2	7		18		1,3 (1 ¹)				
3	5:4		81	69	12				
4	5:4				5	9	9	15(?)	
5	5					7			
6	7				11 ⁵				
7	5 4		11,26,27,29,59,100, 108,109				1		
8	7:7		84,114	68					
9	5:4:7		24	109	2				
10	7							26	
11	4:4						2,5	3	
12	4 4	9(?)							9

ТАБЛИЦА № 30 (продолжение)

№ 30	/ Z /	I	II	III	IV	у	у1	УП
13	5 8		28, 104 1,5-7,17,31,37, 43,44,46,48,53, 55,70,98,115	2,7, 11 1,2,6,7,9,10, 7, 9, 10	10		1,2,9,12	16
14	5 5		25,65,98,113		13	8		
15	7 8		13 42,45,71		5,10			
16	8 8		43			1		
17	8		19					
18	8		11,26,27,59,100,108, 109					
19	X 8	1(?)	97(?)		2			
20	8						19	
21	8 X		14,41,42,60-62,66,68, 85,92	26	7		8	
22	X X		50,68 28,68					
23	X		15		14(?)			
24	7		3					

ТАБЛИЦА № 30 (продолжение)

№ 30	/ z /	I	II	III	IV	У	У1	УП
25	4 7		33			6		
26	4		10,87,104					
27	4 7			11 ³ 22				
28	7		41					
29	7			24,28				

ТАБЛИЦА №31

№ 31	/ et /	I	II	III	IV	У	У1	УП
1	М		40	1-4,7				
2	М		32,41,42	8				
3	М					1	19	

ТАБЛИЦА №32

№ 32	/ п /	I	II	III	IV	У	У1	УП
1	У		5,45			1 (У)		
2	Э			3,6,7				
3	У		48,68(?)					
4	У			1,2,16,21, 24				
5	У			12(?)				
6	У					8		
7	У		41					
8	У		42					

ТАБЛИЦА № 33

№ 33	/ n; nt/	I	II	III	IV	V	VI	уп
1	○		25	11 ^{9,22}				
2	⊙		7,8,11,18,24,25,28,32, 37,42,43,49,52,59,60, 62,68,70,98,100	5-7		1	1,12	
3	⊕		11	4				
4	⊗		65					
5	⊖		92					
6	⊘			2				1Б
7	⊙			24				
8	⊕			1,3				
9	◇		6,9,10,13					
10	◇ ◇ ◇			11 ^{1,2,6}				
11	◇		83(?)					

№ 34	/ нс /	I	II	III	IV	V	VI	VII
1	⋈		1,14,19,26,28,55,59, 65,87,88	2,4,6,7,10, 11 ^I ,16				
2	⋈		11,13,24,70	11 ⁹				
3	⋈		45	11 ⁹			14	
4	⋈			16				
5	⋈			1,3,5,11 ² ,10				
6	⋈	15(?)	6,7,73				13	15
7	⋈ ⋈	1(?)	3,32,97			5		
8	⋈		68,100,108	25				
9	⋈							10
10	⋈		87(?) ⋈		13	8	7	
11	⋈ ⋈			11 ⁷				7.11
12	⋈			11 ⁵ (?)				

ТАБЛИЦА № 35

№ 35		I	II	III	IV	V	VI	VII
1	∞						19	
2	∞		2,49					
3	∞		86					
4	∞	13(?)						
5	∞		94					
6	∞						7	
7	∞						7,13 (?)	
8	∞	16(?)						

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
е	р	ф	ф	р	у	△	⊕	λ	⊕	▷	⊙	δ	⊙	⊕	⊕	⊕
У-4	У-10	Г-1	И-11,12	И-19	Г-5,6	Г-9	Г-1	И-83	И-5	И-87	И-88	Г-2	И-7	И-2	И-15,41	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Н	Н	Н	Л	К	К	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
Г-2	И-87,88 У-5 И-13			Г-7	И-76	И-83,И-7		У-7		И-87	И-88	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о
У-2	И-6,10	И-2,5		У-1,3,5		И-41 У-18		И-49	И-65	И-15,56,83,87,105			И-41(68)

1	2	3	4	5	6
Х	Х	Х	Х	Х	Х
И-5,9 И-21	У-8	У-2	У-4	У-8	Г-13

1	2	3	4	5	
У	У	У	У	У	
Г-2	И-1,3,8,10,18			У-10	У-6

1	2	3	4	5
λ	λ	λ	λ	λ
И-14	И-7		И-6	Г-7

1	2	3	4	5
»	»	«	»	»
И-11 ⁷	И-7,11	Г-5	И-15 И-16 И-17	И-87

1	2	3	4	5
і	у	у	λ	у
У-2,3	И-12	И-84	И-14	И-4

1	2	3	4	5
λ				
И-24				

1	2	3	4	5
«				
				И-5

1	2	3	4	5
у	у	λ	у	у
И-92	И-76	И-45	Г-3	

1	2	3	4	5
Х	Х	Х	Х	Х
И-5,6,7,12			И-16	У-8

1	2	3	4	5	6	7	8	9
о	о	о	о	о	о	о	о	о
И-32 И-7	И-7	Г-5	Г-9	Г-2	И-88	И-10	Г-1	И-7

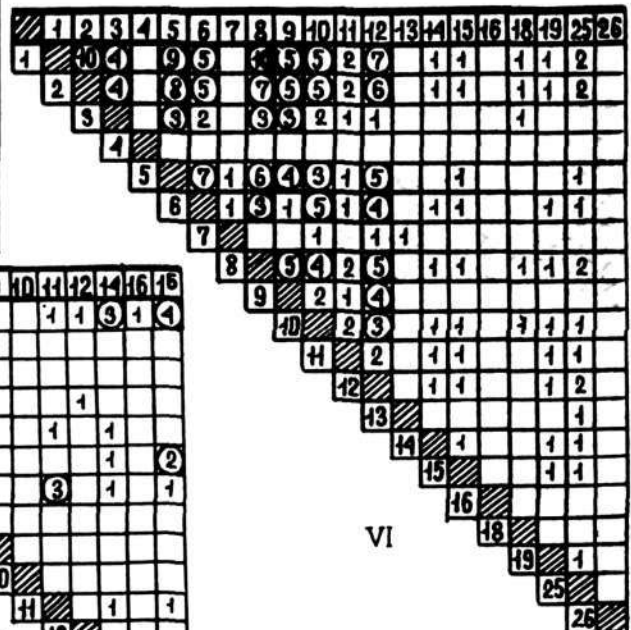
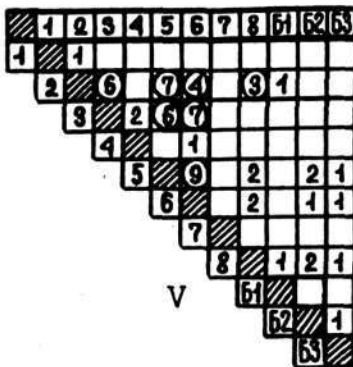
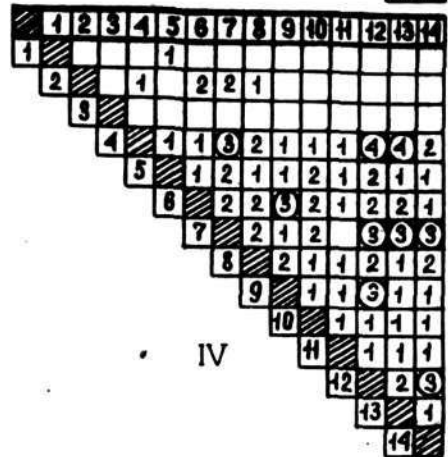
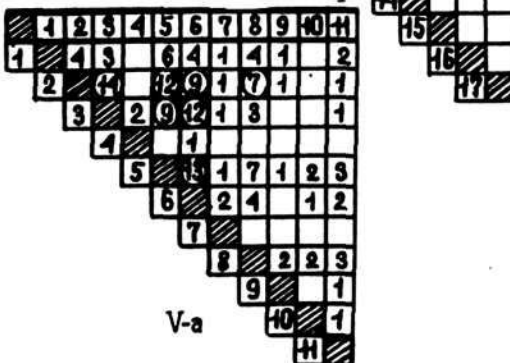
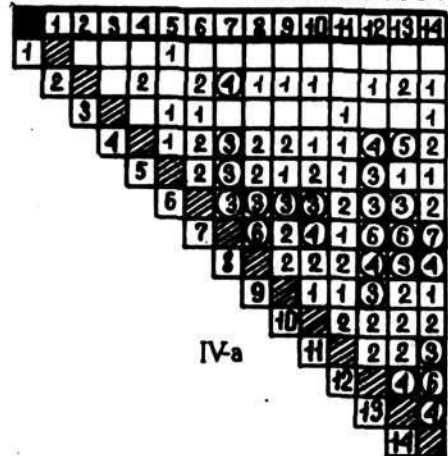
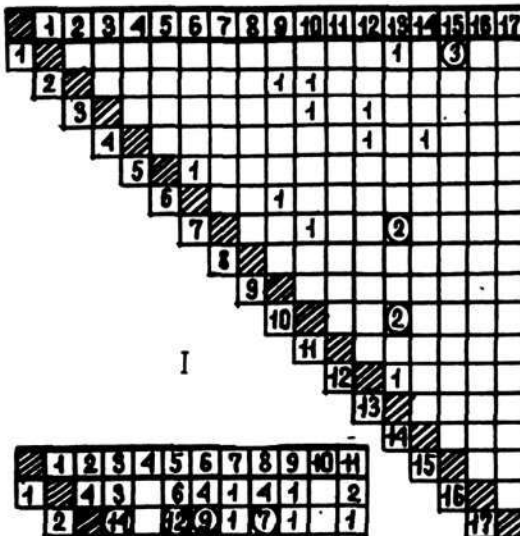
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
У	У	У	У	У	У	У	У	У	У	У	
И-81 И-23	Г-16	И-2,3 И-19	И-7	И-9 И-24	И-86	И-49	И-41,42 И-7,8	И-68			

1	2	3	4	5
4				
У-3				

1	2	3	4	5
ε				
И-44				

Уникальные и редкие алиграфы

ТАБЛИЦА №37

Статистика палеографических
совпадений в регионах

ТАБЛИЦА № 37 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
3	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
4	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
5	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
6	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
7	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
8	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
9	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
10	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
11	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
12	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
13	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
14	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
15	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
16	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
17	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
18	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
19	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
20	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
21	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
22	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
23	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
24	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
25	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
26	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
27	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
28	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

1	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100	101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

ТАБЛИЦА № 37.
(продолжение)

ТАБЛИЦА №38

ПАМЯТНИКИ, ТЕКСТЫ КОТОРЫХ СОДЕРЖАТ ДВЕ И БОЛЕЕ УНИКАЛЬНЫХ АЛЮГРАФ

I	II		III	IV	V	VI	VII
I ++	2 ++++	43 ++	2 +++++	7 ++++	2 ++++	7 ++++	10 ++
2 +++	10 ++++	45 +++	4 ^I ++	9 ++	4 ++++	14 ++++	14 +++
5 +++	24 ++++++	87 +++	5 ++++	13 ++	6 ++	19 +++	1 ^B ++
	27 ++	88 ++	11 ^I ++		8 ++++++		
	32 ++	92 +++			10 +++		
	41 ++++++	100 ++					

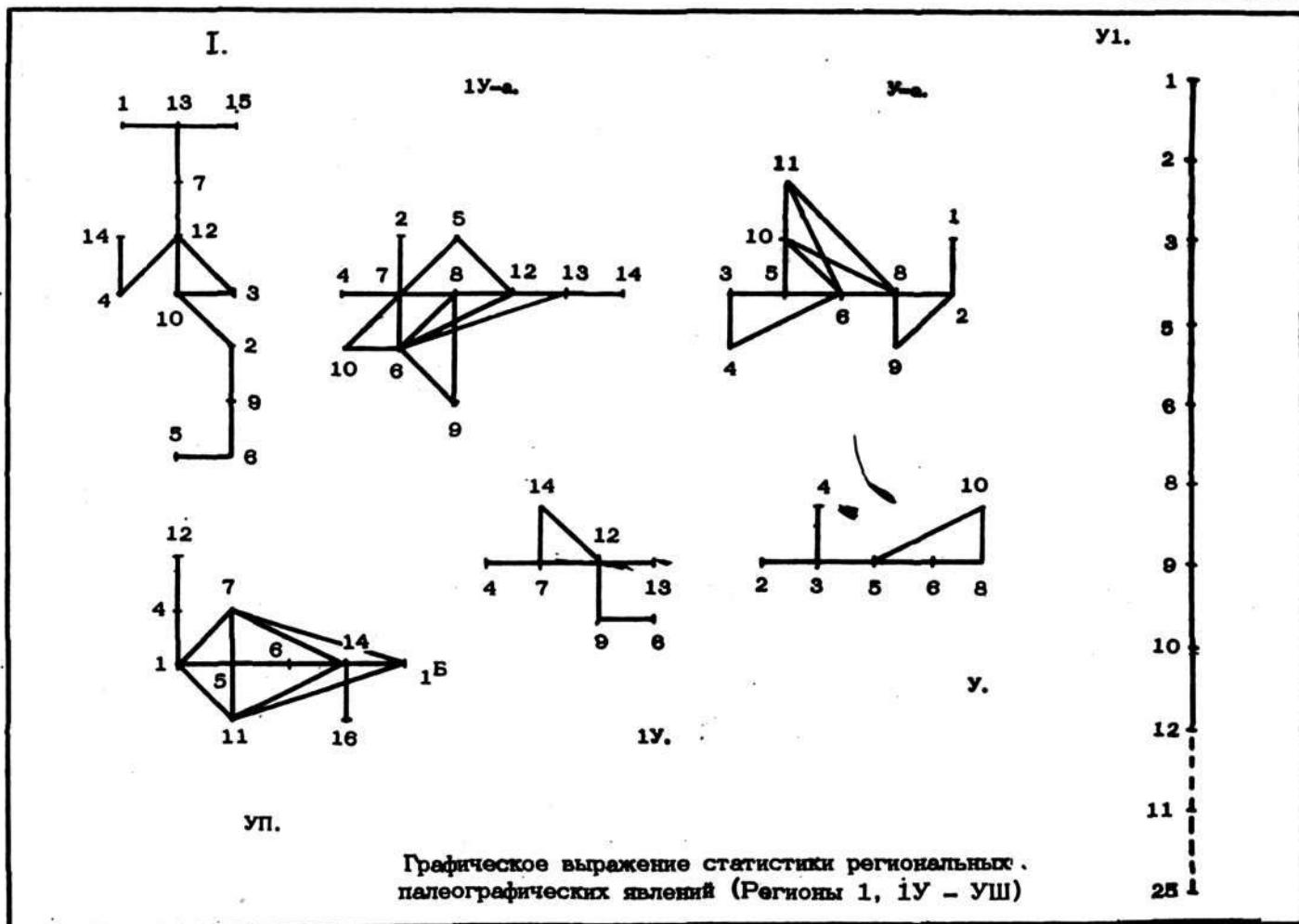

ТАБЛИЦА № 39
(продолжение) - Регион III)

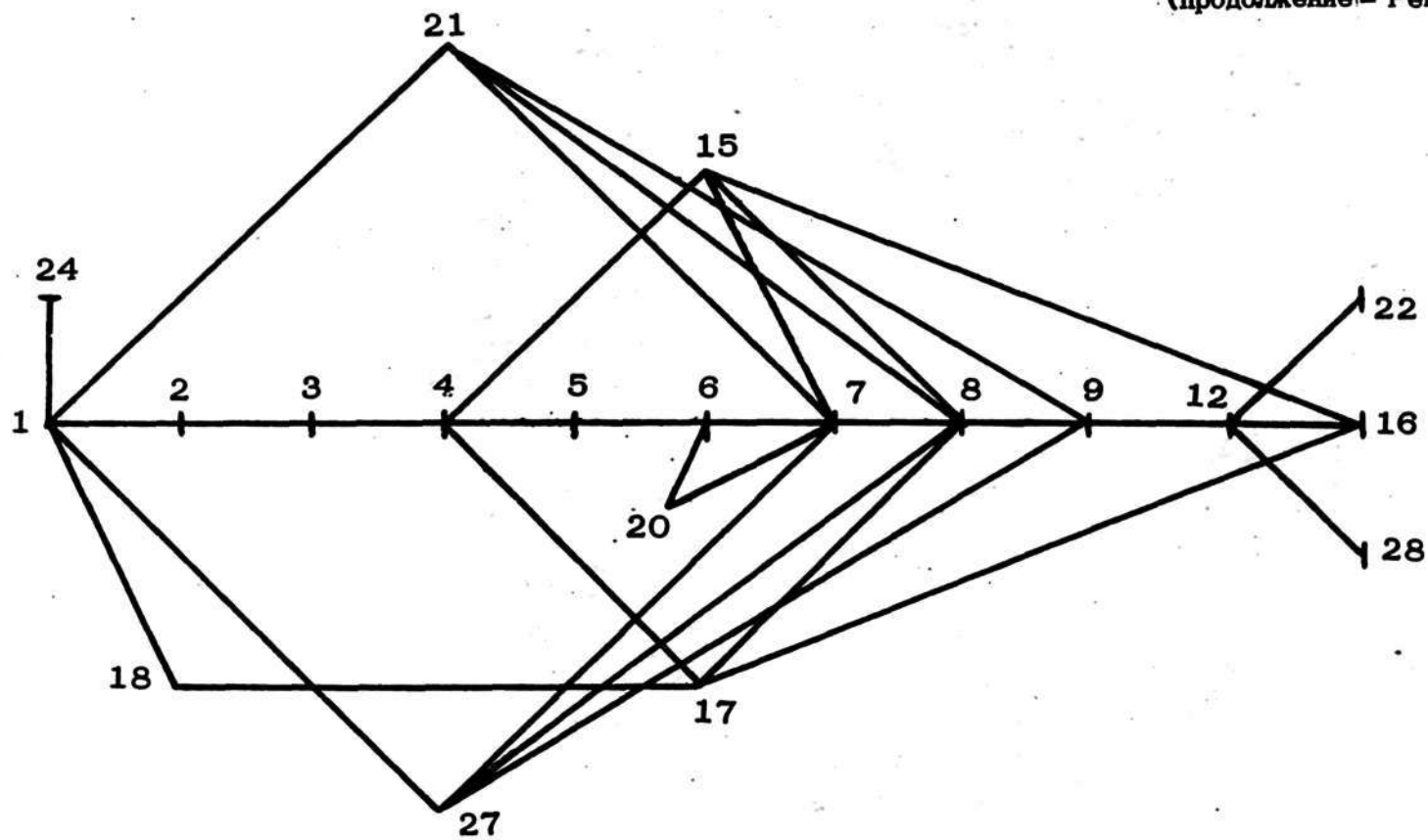
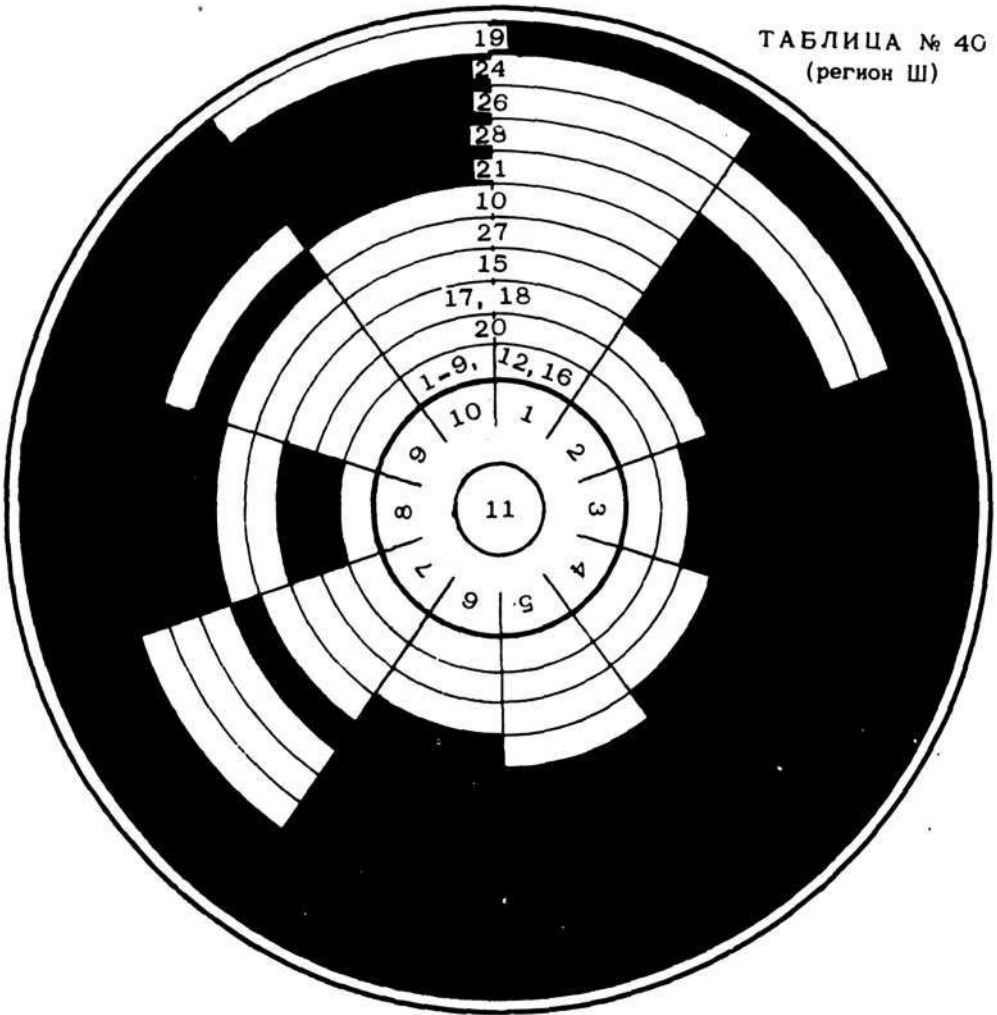

ТАБЛИЦА № 40
(регион Ш)

Палеогеографические отношения комплекса "Тайхир-чүлуу" (11 1-10)
с остальными памятниками региона Ш

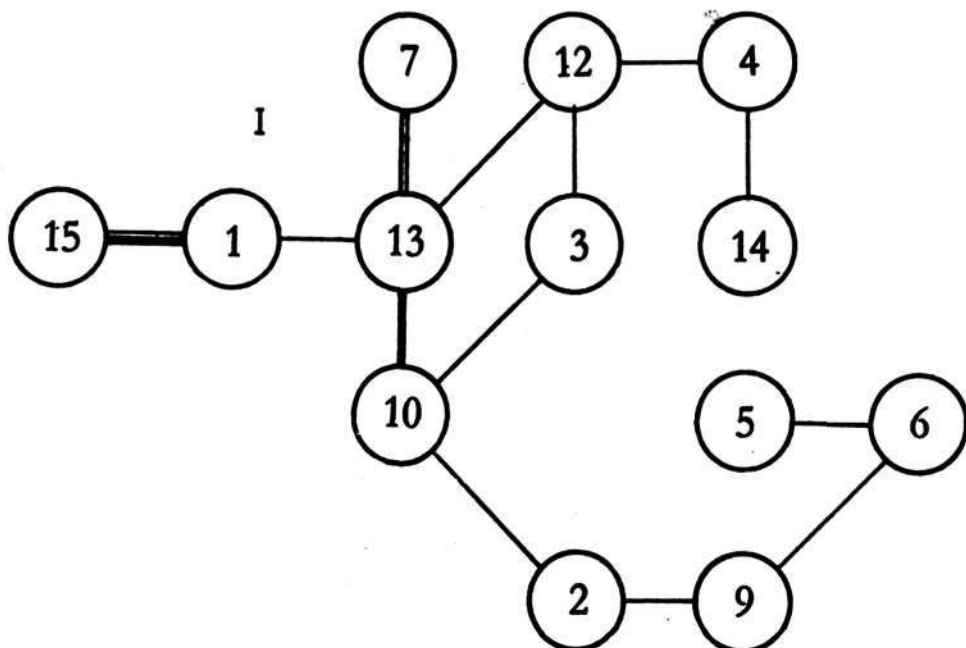

ТАБЛИЦА № 41. ФОРМАЛИЗОВАННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ 1

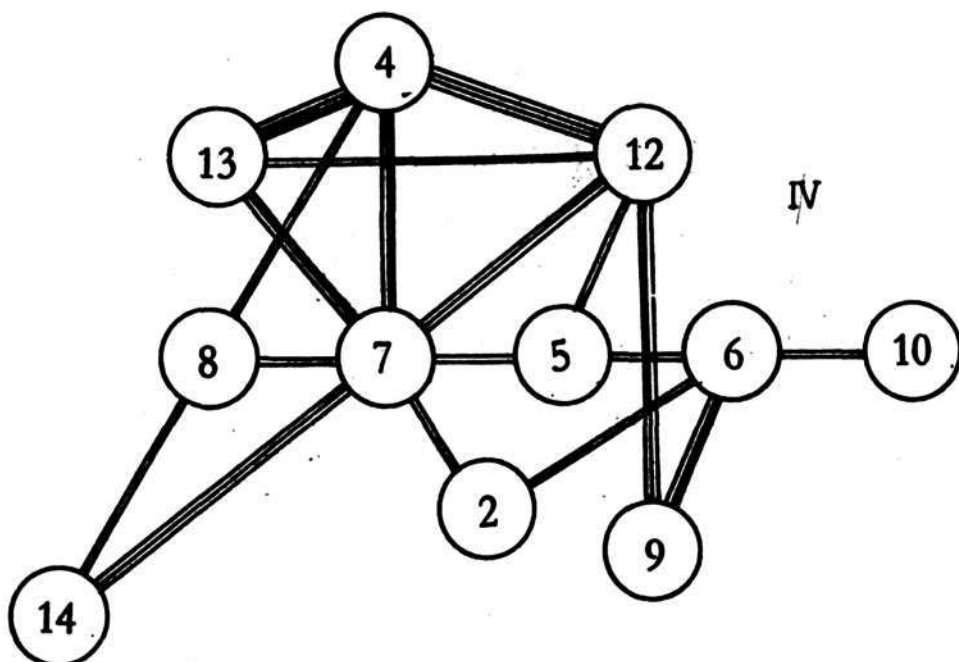

ТАБЛИЦА № 42. ФОРМАЛИЗОВАННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ 1У

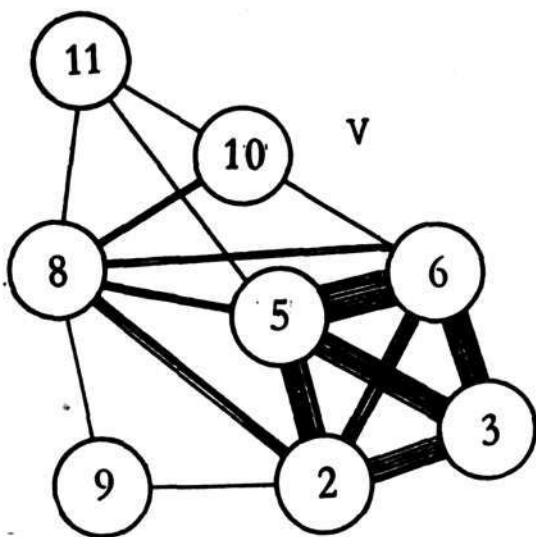

ТАБЛИЦА № 43. ФОРМАЛИЗОВАННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ У

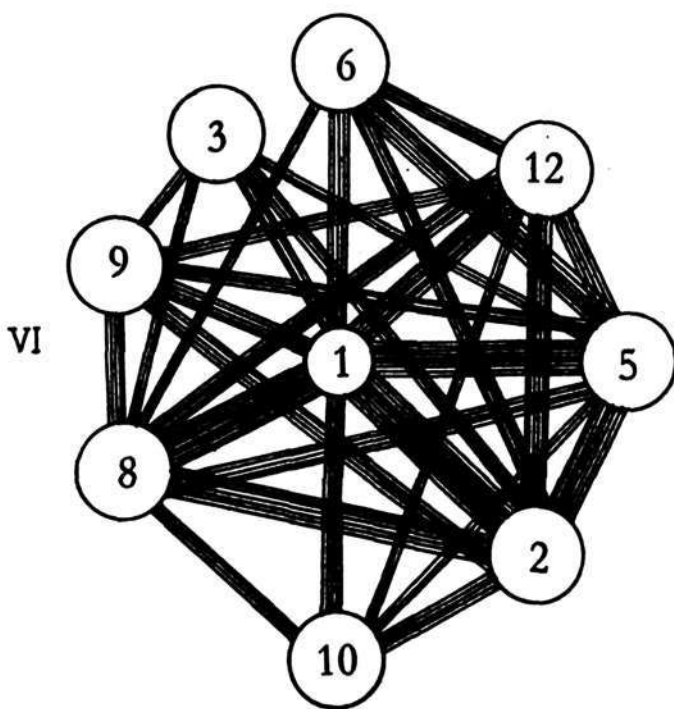

ТАБЛИЦА № 44. ФОРМАЛИЗОВАННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ У1

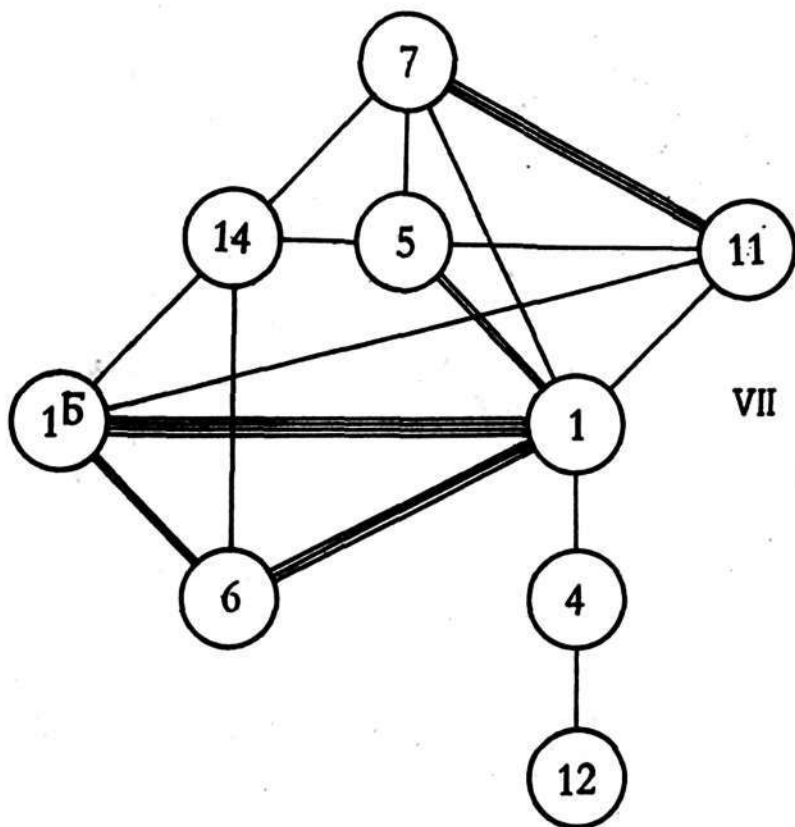
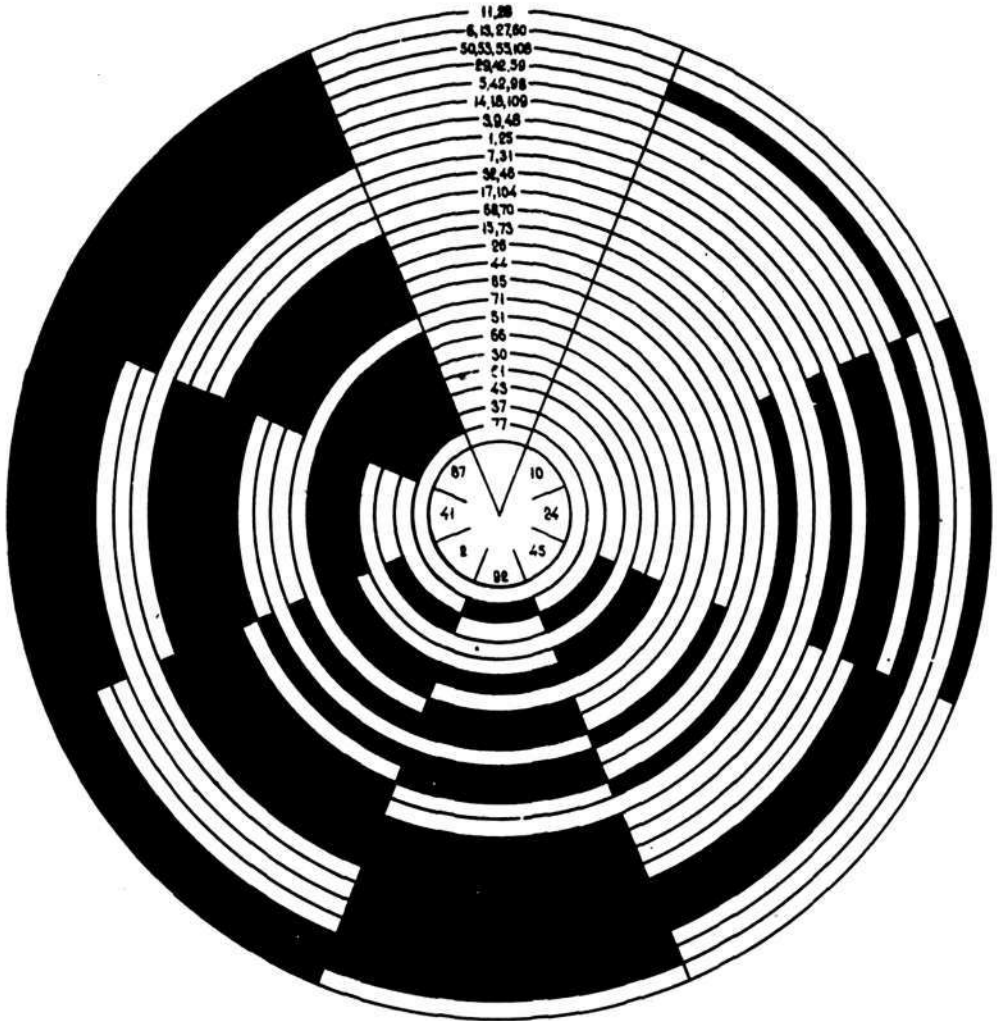

ТАБЛИЦА № 45. ФОРМАЛИЗОВАННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ УП

ТАБЛИЦА № 46

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Исследования графики памятников тюркской рунической письменности	5
Генетические интерпретации тюркской руники	5
Вопрос о распространении письменной грамоты у древних тюрков	10
Палеографический аспект в исследованиях тюркской руники	15
Глава II. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала (обзор источников)	21
I. Прибайкальско-Ленская руноподобная эпиграфика	22
II. Памятники бассейна Енисея	23
III. Памятники Монголии	32
1У. Памятники Алтая	35
У. Памятники из Восточного Туркестана	37
У1. Памятники Северной Киргизии и Казахстана	38
УП. Памятники из Ферганы, Алая и Северного Тохаристана	41
Вопрос о рунических текстах Восточной Европы	42
Глава III. Описание графического фонда	44
Принципы исследования и терминология	44
I. Функциональная характеристика	45
II. Композиционная характеристика	45
III. Авторская характеристика	46
1У. Орфографическая характеристика	46
Систематизация графических инвариантов	47
Технический комментарий к таблицам	48
Источниковедческий комментарий к таблицам	48
Пояснения к таблицам	50
Глава IV. Региональная палеографическая интеграция памятников тюркской рунической письменности	57
Статистическая программа исследования	57
Особенности региональных систем	59
Возможность формализованного решения	61
Формы решений региональных статистических систем	62
Региональная палеографическая интеграция памятников	64
I. Прибайкальско-Ленская руноподобная эпиграфика (табл. 39-I)	64
II. Памятники бассейна Енисея	65
III. Памятники Монголии (табл. 39-III; табл. 40)	67
1У. Памятники Алтая (табл. 39-1У; 39-1Уа)	67

У. Тексты из Восточного Туркестана (табл. 39-У; 39-Уа)	68
У1. Памятники Северной Киргизии и Казахстана (табл. 39-У1)	69
УП. Руноподобная эпиграфика Средней Азии (табл. 39-УП)	69
Региональные школы письма и их локализация	70
Возможности источниковедческой интерпретации	73
Примечания	77
Список сокращений	85
Приложения	87

Дмитрий Дмитриевич Васильев

ГРАФИЧЕСКИЙ ФОНД ПАМЯТНИКОВ
ТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
АЗИАТСКОГО АРЕАЛА

(Опыт систематизации)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л.С. Ефимова*
Младший редактор *Р.Г. Канторович*
Художник *А.Г. Кобрин*
Художественный редактор *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *М.П. Горшенкова*
Корректор *В.М. Кочеткова*

ИБ № 14323

Сдано в набор 05.01.81

Подписано к печати 07.12.82

А-11433. Формат 60x90/16. Бум. офсетная № 1

Печать офсетная. Усл.п.л. 10,0 + 0,5 п.л. вкл. Усл.кр.-отт. 10,75

Уч.-изд. л. 11,65. Тираж 1300 экз. Изд. № 4891

Зак. № 405. Цена 1 р. 70 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

1 р. 70 к.

Д. Д. БАЧУГАЕВ

79